

М. В. Екимов, В.М. Гьерде

ЖЕНСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ И АНТРОПОГЕНЕЗ

Руководство для врачей

**Санкт-Петербург
2014**

УДК 159.9:572.1/.4
ББК 57.0:28.71

Екимов М.В., Гьерде В.М. Женская сексуальность и антропогенез. Руководство для врачей.— СПб.: Издательский дом СПбМАПО, 2014.— 192 с.

ISBN 978-5-98037-145-6

Междисциплинарный подход позволяет интегрировать эволюцию человека с эволюцией его психики и сексуальности. Частичная транс-сексуализация полов существенно изменила психику, поведение и сексуальность каждого из полов, но особенно это повлияло на женщин. Маскулинизация женского пола сформировала подобную мужской перманентную сексуальность и изменила психику (способность к доминантности и пр.). Новая сексуальность позволила женщинам включить в воспроизводство (в передачу генов) и в заботу о потомстве (сохранение генов) почти всю мужскую часть популяции, что ускорило эволюцию человека, сделало её многофакторной, повысило сохранность потомства. Книга предназначена для специалистов по эволюции человека, врачей-сексологов, консультантов по проблемам психологии семейно-сексуальных отношений.

© М. В. Екимов, В. М. Гьерде, 2014
© ООО «Издательский дом СПбМАПО», 2014

ВВЕДЕНИЕ

Клиническая сексология — это раздел медицины. Но, решая прикладные вопросы терапии сексуальных дисфункций и дисгармоний, она должна опираться на понимание общебиологических представлений о сексуальности вообще, и человеческого вида в частности.

Общепризнано, что сексуальность у человека принципиально изменилась по сравнению с животными. У животных репродуктивная (прокреативная, генеративная) функция секса является основной. Но у человека гедонистичные (рекреативные) аспекты секса преобладают над прокреативными. И это очень важная функция человеческой сексуальности. Хотя, конечно, репродуктивная функция секса у человека тоже крайне важна, а в бесплодном браке она приобретает даже приоритетное значение.

Сексуальность животных привязана к периодам фертильности самок, так как направлена почти исключительно на воспроизводство. А у человека сексуальность стала независимой от таких периодов. Мужчина даже не знает, когда женщина фертильна, у него нет объективной информации. Это у животных самец имеет точную информацию о репродуктивной готовности самки (или факт сезонности размножения, или за счёт сигналов фертильности от самки). А у людей, чтобы появлялись дети, пара должна вести половую жизнь постоянно. По сравнению с животными это очень неэкономично, энергоёмко и, извините, спермозатратно. Почему так?

Но мало знать данные факты, важно понимать, для чего это нужно, почему эти изменения произошли именно у человека, какие анатомо-физиологические изменения смогли это обес-

печить. Врачам сексологам необходимо знать эволюционно-биологические детерминанты сексуальности и сексуального поведения полов, надо представлять те изменения, которые произошли с сексуальностью человека в процессе антропогенеза. И первой задачей данной работы является ознакомление врачей-сексологов с современными концепциями антропогенеза, этологии, приматологии и пр., касающихся эволюции человека и его сексуальности.

Кроме того, мы считаем, что роль сексуальности в целом, и её эволюции у людей в частности, в процессе антропогенеза недооценены. Тем более, что многие годы специализируясь на проблеме терапии нарушений оргазма у женщин [12, 13, 14], мы считаем, что всё это особенно касается эволюции женской сексуальности. Для понимания данных аспектов антропогенеза требуются именно сексологические знания по проявлениям женской сексуальности как в норме, так и при патологии. Всё это выражается в выдвинутой нами концепции перекрёстной, частичной и дополняющей (по отношению к базовому мозговому диморфизму) транссексуализации мозга. На основе этой частичной транссексуализации мозга, ведущей к эффекту андрогинности (филогенетические факторы), происходит соответствующая социализация и индивидуализация психосексуального развития (онтогенез).

Причём данная транссексуализация более выражена у женского пола. У женщин к изначально существующей у них древней форме сексуальности (палеофемининной сексуальности) в процессе эволюции сформировалась и добавилась новая (парамаскулинная) сексуальность. В соответствии с обеспечением парамаскулинной сексуальности у женщин произошли большие изменения: телесные, физиологические, психологические, поведенческие, изменились функции «привлечения, оценки и выбора самцов», появились новые функции «удержания и управления самцами», и пр. Соответственно, второй задачей данной работы является представить данную концепцию эволюции женской сексуальности.

Часть I. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Биологические программы и их социализация

Хотя социальные и психологические проявления у человека являются определяющими, но они возникают не на пустом месте, и не вопреки задачам биологии, иначе человек не мог бы выжить как биологический вид. У низших животных всё их поведение определяется жёсткими биологическими (генетическими) программами, в том числе и в сексе. У млекопитающих роль обучения уже гораздо выше. Тем более у человека. У людей природа даёт только биологические (филогенетические, заданные эволюцией вида) предпосылки для дальнейшего их развития. А само дальнейшее формирование и развитие поведенческих программ происходит в онтогенезе (онтогенез — индивидуальное развитие). Биология, во-первых, это некий вектор развития. Во-вторых, реализуя филогенетически заданный вектор развития, многовариантность и вариабельность онтогенетического развития должна уложиться в заданный природой векторный диапазон, т. е. варьировать в пределах «области допустимых значений». Выход за пределы этих двух ограничений грозит гибелью. Таким образом, онтогенетическое развитие (у человека — социализация) воплощает естественные биологические задачи, но уже социальными методами. Как, например, социализировался пищевой инстинкт в культуру питания.

Таким образом, при психосексуальном онтогенезе сутью социо-культуральных влияний и социальных нормативов, является реализация биологических сексуальных программ человека социально-психологическими методами (в конкретной социальной среде). 3. Фрейд уделял большое внимание биологии

(инстинктам), но сводил инстинкты и социальные установки к противопоставлению и борьбе. Но борьба с инстинктами — это смерть. Социум с инстинктами не борется, он развивает их социальными методами и вводит их в социально-приемлемые рамки. Так и с сексуальностью, в различных культурах социальные регламентации сексуальности могут значительно различаться, но не выходя за пределы биологических задач сексуальности. Процесс социализации сексуальности называется психосексуальным развитием (ПСР) человека, или его психосексуальным онтогенезом.

А биологической сутью сексуальных программ является сохранение вида (репродукция). Таким потенциалом обладает только гетеросексуальный вагинальный и успешный (эякуляторный для самца) половой акт. Это и является биологической нормой. И все возможные вариации на эту заданную тему тоже будут биологически нормальными. Соответственно, при всей вариативности социальных регламентаций и моделей сексуальности, ядром их будет потенциально репродуктивный гетеросексуальный вагинальный секс. С большими или меньшими добавлениями. И то, что народонаселение планеты растёт, показывает, что эта модель является доминирующей.

Но есть и другие варианты сексуальности. Например, гомосексуальность. С одной стороны, она справедливо исключена из перечня психиатрических заболеваний. Психиатрических заболеваний у гомосексуалов нет (т. е. они могут их иметь, но на общих основаниях). С другой стороны, это и не сексуальная норма, поскольку сексуальность подразумевает два фундаментальных аспекта: репродуктивность и гедонистичность. И если гедонистичность гомосексуальность вполне обеспечивает, то репродуктивность нет. Но если это не патология, то что? Это особенность. Как, например, альбиносность. Иметь пигмент это нормально, но если его нет, то это не патология, и никто альбиносов не лечит. Принцип таков: отсутствие патологии ещё не означает норму.

Поскольку социо-культуральные факторы развивают биологически заданный вектор формирования сексуальности своими методами (воспитание, социальные нормативы маскулинности и

фемининности, модели сексуального поведения, и пр.), то это значит, что данная модель входит в коллективное бессознательное, является архетипической моделью сексуальности, формируя её. И иные модели сексуальности могут порождать неосознанное отвержение, внутренний конфликт, и протест. Как, например, негативное отношение к безобидной, в целом, гомосексуальности. В средневековой Европе за грех содомии на протяжении веков сжигали на кострах. Даже в нашей стране, прежде спокойно относившейся к гомосексуализму, при Сталине был принят закон против мужеложества, продержавшийся около 50 лет.

Социум не относится безучастно к сексуальному поведению человека. Любой социум выделяет, во-первых, криминальные формы сексуальности, которые запрещены и подлежат наказанию. Но варианты их различны в разных социумах. Основные из них: деструктивный секс (сексуальное насилие) и педофилия. Во-вторых, сексуальные перверзии (извращения), ныне — парафилии. Это уже прерогатива медицины. В-третьих, не криминальный и не патологический секс, но ненормативный. Например, групповой секс. Но границы нормативности не стабильны. Когда-то и анальный и оральный секс были ненормативными. Но сейчас, похоже, они стали вполне нормативными.

Таким образом, биология даёт предпосылки, направление и диапазон допустимых вариаций, но далее любой инстинкт, в том числе и сексуальный, социализируется и индивидуализируется в процессе онтогенеза.

Концепция Геодакяна

В процессе эволюции появились два пола. Но зачем? Естественный ответ — для комбинаторной изменчивости. Разнополые особи в процессе размножения обмениваются генами и получают новые признаки, что является основой для изменчивости и естественного отбора, обеспечивает эволюцию и адаптацию. Но комбинаторная изменчивость есть и у бесполой существ. Например, в благоприятных условиях амёбы размножа-

ются делением, что означает, что они успешно адаптированы к данной среде и меняться им не целесообразно. Но при изменении условий на неблагоприятные, амёбы стараются найти другую особь, слиться с ней и обмениваться генетическим материалом, в надежде получить новые генетические признаки, способствующие адаптации и выживанию. Т. е. комбинаторная изменчивость при этом есть, а полов — нет. Соответственно, причины двуполости не сводятся к одной только комбинаторной изменчивости, тому есть и другие причины. Кроме того, комбинаторная изменчивость только перетасовывает имеющиеся у особей генотипы, но ведь надо и совершенно новые гены приобретать (мутировать). И кто из двух одинаковых особей будет отвечать за мутации? Вдвоём это делать нецелесообразно, можно потерять ранее наработанные важные гены.

Во-первых, и все об этом знают, двуполость удобна с позиций репродуктивной специализации. Репродуктивные функции разделены. Самец оплодотворяет самку, для чего он вырабатывается огромное количество мужских половых клеток (гамет). Правда, эти гаметы, кроме собственно генетического материала, ничего нужного для дальнейшего созревания и развития зародыша не содержат. За обеспечение зародыша отвечают уже яйцеклетки самок (даже если их потом вынашивает самец, как у морских коньков). У самок гаметы относительно крупные, но относительно немногочисленные. И они содержат не только гены, но и всё необходимое для развития зиготы или даже всего плода (икринка, яйцо у птицы, и пр.). Уже по этому фактору (большое количество питательно-пластических материалов в женских гаметах) их производится меньше, чем мужских гамет, а усилий тратится больше. Соответственно, хотя самки вырабатывают меньшее количество гамет, но их производство трудоёмко, и именно они обеспечивают всем необходимым развитие новой особи на ранних (или на всех) стадиях её развития.

У многих видов самец после оплодотворения уже не нужен, он отдаляется от самки и потомства, и не участвует в вынашивании, выкармливании, охране и воспитании потомства. У других видов самец участвует в репродукции не только оплодотво-

рением. Он может построить гнездо, может помогать самке высиживать, выкармливать, заботиться и охранять потомство, но всё же именно самки в полной мере обеспечивают ранние стадии биологического развития потомства. Даже если сделана просто кладка яиц, и ни самец, ни самка не заботятся дальше о её судьбе, (многие насекомые, рыбы, пресмыкающиеся), то именно самки произвели эти богатые питательно-пластическим материалом яйцеклетки (икринки, и пр.), что крайне трудозатратно. Да, у некоторых видов самцы несут полное бремя ответственности (уход и защита) за отложенные самкой яйца (а у пресловутых морских коньков самец их даже вынашивает внутри себя) или за родившееся потомство (один самец отвечает за весь выводок), но изначально именно самки обеспечили будущее потомство всем необходимым. Поведение самцов в таких видах показывает, что роль самок очень значима, их надо беречь и освободить от лишних функций и связанных с этим рисков, позволив им тратить все силы на выращивание новых яйцеклеток, не отвлекаясь на вынашивание и выкармливание потомства. Особенно роль самок в биологическом обеспечении потомства выражена у млекопитающих: внутриутробное вынашивание, грудное вскармливание, забота о потомстве, и пр.

В соответствии с указанной репродуктивной специализацией имеет место телесная специализация (телесный диморфизм полов). Это касается генитального аппарата (первичные половые признаки), других заметных телесных различий (вторичные половые признаки), и вообще каждый телесный орган и система имеют половой диморфизм. Соответственно, имеет место и мозговой диморфизм.

Пол (с его телесными проявлениями) у разных видов может быть детерминирован как некими внешними факторами (например, окружающая оплодотворённую яйцеклетку среда, температура кладки), так и генетическими механизмами. У человека детерминация пола сугубо генетическая. Она реализуется через некоторые генные факторы и нейро-эндокринную систему. Но, при сугубо генетическом варианте детерминации пола у человека, определённые внешние факторы, патогенно влияю-

щие на нейро-эндокринную систему, могут повлиять на его сомато-половое развитие (даже на внутриутробном этапе), нарушив окончательный характер полового диморфизма.

Во-вторых, двуполость не сводится только к репродуктивной специализации. Ясно, что полы отличаются не только репродуктивными аспектами. Во многом двуполость сопряжена с другими эволюционно-биологическими функциями полов. Но какими? Среди различных точек зрения особого внимания заслуживает концепция Геодакяна В.А., которая логично и стройно объясняет и помогает понять эволюционные функции каждого из полов. В кратком варианте изложения его концепции можно привести ряд основных положений (правил). Но надо помнить, что речь идёт не об индивидуальных носителях пола, а о поле как о группе, как о части популяции. И соответствующие групповые половые особенности нельзя проецировать на отдельную особь. Тем более у людей, где сексуальность индивида ~~хотя~~ и включают био-половые особенности сексуальности и поведения своего пола (как биологический стержень), но не сводится только к ним, а социализируется и превышает их (в норме). А вне нормы встречается полное несовпадение биополовых и психо-сексуальных составляющих индивида (например, транссексуализм), или их частичное несовпадение (по полоролевому поведению, по ориентациям, и пр.). Конечно, правила Геодакяна показательно работают на животных, где нет контрацепции, морали, медицины (искажающей естественный отбор). Но и у людей на больших массивах материала эти правила подтверждаются.

Правило 1. Каждый пол специфичен и имеет свои биологические функции. Речь идёт не о репродуктивной, а об эволюционно-биологической специфике. Функции мужского пола: изменчивость признаков, качественное разнообразие (вариабельность) потомства, поиск новых генетических особенностей, что обеспечивает эволюцию вида. Функции женского пола: сохранение признаков, просеивание мужской генной вариабельности через сито биологической целесообразности (женщина — как фактор полового отбора), обеспечение количества потомства,

что сохраняет данный вид как стабильную систему, которая наращивает себя количественно.

Даже на уровне простого клеточного деления возникают предпосылки для появления полов. Если генетический материал в хромосомах делится строго поровну (в норме), то идеально ровного деления цитоплазмы клетки не бывает. Т. е., одна из новых клеток получит меньше цитоплазмы и питательных веществ, а другая больше. Те клетки, которые получили много питательно-пластического материала, «чувствуют себя» комфортно, их адаптация выше и им нет смысла рисковать и меняться, их задача — спокойно ждать оплодотворения (прообраз функций самки). Кроме того, слоем цитоплазмы и наличием полного обеспечения они лучше защищены от мутагенных факторов. ~~А~~ нет мутаций — нет изменчивости. А те клетки, которые получили мало цитоплазмы и плохо обеспечены, «не чувствуют себя» комфортно, у них появляется биологическая мотивация меняться в надежде приспособиться и улучшить адаптацию (прообраз функций самца). ~~А~~ в силу плохой защищённости их хромосом тонким слоем цитоплазмы мутагенность у них выше.

У людей женская яйцеклетка находится внутри женского организма (в придатках матки), она лучше защищена от мутагенных факторов (например, радиация), она не совершает клеточных делений, которые у девочек происходят в период её внутриутробного развития (далее, они как бы законсервированы). А в период клеточных делений эти яйцеклетки защищены ещё и организмом матери. Соответственно, риск мутаций у женщин меньше. А у мужчин гонады находятся снаружи (в мошонке), подвержены мутагенным факторам, сперматозоиды находятся постоянно в процессе клеточного деления (созревания и развития), всё это повышает риск мутаций, ведущих или к эволюционному успеху, или к патологии.

Т. е. самцы — это экспериментальная часть популяции, которая ищет новые гены (признаки) и обеспечивает изменчивость видов. А естественный отбор (в том числе половой) потом решит, какие из новых генов улучшают адаптацию и выживание

вида, а какие — нет. Но чтобы отбор мог что-то выбирать и оставлять, а что-то отсеивать, надо, чтобы было из чего выбрать. И это богатство выбора (разнообразие генов) обеспечивают самцы.

Но эксперимент — вещь рискованная. И на единичные успешные эксперименты, приходится множество неуспешных. Т. е. самцы, это расходная часть популяции, отданная в жертву экспериментирования. Ведь набор генов ограничен, и эксперимент означает, что надо какой-то из имеющихся (и, обычно, вполне хороших) генов заменить на новый (непонятно какой) ген, и потом ждать, что из этого получится. А заменив хороший ген неизвестно на что, можно и не выжить. Соответственно, самцов для процесса экспериментирования нужно много. И действительно, количественные соотношения полов это подтверждают. Избыток самцов уже говорит об их меньшей видовой ценности. Например, у людей первичное соотношение полов (на уровне зиготы, т. е. практически при зачатии) у людей: на 100 особей женского пола зачинается 140—170 особей мужского пола. Т. е. преобладание мужчин существенное. Вторичное соотношение полов (при рождении): на 100 девочек рождается 107—112 мальчиков. А остальные мальчики не выжили даже в «инкубаторных» внутриматочных условиях, они пали жертвой генетического экспериментирования вида. Большая часть выкидышей и невынашиваний — это мальчики. Третичное соотношение полов (молодой половозрелый возраст): на 100 девушек приходится 103—105 юношей. Т. е. отсев в мужском поле продолжается. Годам к 30—35 соотношения полов выравниваются, а далее количественно преобладают уже женщины. Их относительно меньшее количество само говорит о **высокой ценности самок**. Жертвуя частью проверенных эволюцией генов для эксперимента, самцы себя ослабляют (поэтому они биологически слабый пол), их адаптивные способности снижаются, они реагируют на разные повреждающие факторы (ноцептивность самцов), и гибнут. Конечно, за исключением редких счастливых случаев, получивших новые, но ещё более хорошие гены.

Как поисковая и разведывательная часть популяции самцы идут впереди вида, определяя его эволюцию. Но получив некие

новые признаки, конкретные самцы должны: а) опробовать их на практике, доказать свою хорошую адаптацию и выживаемость, успешно проконкурировать с другими самцами, т. е. победить их (ещё до репродуктивной деятельности: борьба за территории, ресурсы, статус), б) предъявить свои хорошие гены самке, чтобы она оценила их преимущества и доверила оплодотворение именно этому самцу. Т. е. он должен победить других самцов во всех аспектах жизненной и внутривидовой конкуренции. Выбор самки (половой отбор) может базироваться на различных факторах, отражающих видовую специфику внутривидовой конкуренции. Например, на внешних проявлениях выраженности вторичных половых признаков самца (рога, хвосты, окраска и пр.), на большей старательности самца (в постройке гнезда, в его брачных танцах, в его угощениях для самки), в его ресурсах (территория), в его статусе внутри стадной иерархии (вожак), в его силе и боеспособности (отогнал от самок других самцов-конкурентов), и пр. Но все эти характеристики прямо или косвенно отражают его конкурентноспособность, его адаптивность, его насыщенность тестостероном (выраженность знаковых вторичных половых признаков, агрессивность, энергетика, и пр.). Кроме того, хороший тестостерон означает его высокую сексуальность и плодовитость.

А функция самок — сохранить уже наработанные, проверенные временем и отбором, гены. И если она ~~и~~ станет сохранять новые гены, то ^{только} после того, как они опробованы самцами и доказали свою необходимость. Оба пола не должны одновременно экспериментировать, иначе можно потерять уже наработанное. Пока самцы экспериментируют, самки сохраняют золотой генофонд популяции. Соответственно, они имеют полный набор генов данного вида, что обеспечивает их высокую адаптивность и выживаемость (биологически сильный пол). И самки должны быть такими, учитывая их вышеуказанные репродуктивные задачи и вышеуказанную высокую ценность самки. А раз все их гены изначально проверены временем («хорошие»), значит, их надо не менять, а распространять вширь. Именно количество потенциально репродуктивных самок обес-

печивает количество потомства в данной группе и распространение её вширь. Неоплодотворённых фертильных самок в животном мире в норме не бывает, там с этим строго.

Например, вмешательство человека в натуральный естественный отбор. Был период, когда ради трофейных экземпляров охотники отстреливали крупных и гривастых львов. В результате стало резко уменьшаться количество мощных гривастых львов в популяции. Ранее гривастость отражала уровень тестостерона, говорила об агрессивности, плодовитости и репродуктивной активности таких самцов, означала их высокую приспособленность и живучесть, что так нравилось львицам. Но оказалось, что мощная грива — это фактор угрозы для такого самца. Они оказались менее живучими, и их потомство тоже попадало под угрозу отстрела. А менее гривастые самцы оказались более приспособленными к такому неожиданному фактору отбора. Не интересуя охотников, они оказались более живучими (конкурентноспособными). Соответственно, они получили доступ к львицам и стали производить больше потомства, данный признак стал накапливаться в популяции. А для самок это стало означать большую сохранность и выживаемость их потомства, поскольку таких малогривых львят охотники не будут уничтожать. Естественно, самки об этом не думали. Просто у львов в основе их конкуренции лежит фактор физической силы и агрессии, т. е. выбор самца самками определяется по фактору его силы. Но как львицы выбирают самого сильного? Если данный лев перед львицами один, и других львов нет рядом, то львицы считают, что он отогнал других львов-конкурентов. Т. е. львицы воспринимают его как самого конкурентного (сильного и живучего). Из-за охотников честная конкуренция львов была нарушена человеком. И за неимением гривастых львов перед самками оказались их малогривые сородичи, которые заняли нишу в деторождении, передавая данный ген потомству. К счастью были предприняты меры по борьбе с таким массовым трофейным отстрелом гривастых львов, и ситуация вернулась к механизмам естественного полового отбора.

Примеры в отношении количества и качества потомства. Если мы хотим получить сто телят, надо взять сто коров, и одного быка. Родится сто телят (количество потомства — функция самок). Но если выбор быка был случаен, то и качество потомства будет иметь случайный характер. Но если нас интересует не количество, а качество потомства (функция самцов), то нужен отбор, который из генетического разнообразия самцов выберет самого успешного. Для этого надо взять сто быков и одну корову, и хотя телёнок будет один, но зато получит гены наиболее конкурентного и адаптивного самца, который доказал это, оттеснив других самцов конкурентов. Ну, а при искусственном отборе сам человек может провести отбор и выбрать самца с нужными признаками (вес, цвет и пр.). Конечно, нельзя забывать, что последним шагом отбора является половой обор, когда самка решает, допустить ли самца до консумации (половое соединение), или отвергнуть его (сексуальное насилие для животных не характерно).

Даже анализ врождённых аномалий подтверждает данное правило. Если у женщин врождённые пороки сердца являются неким регрессом и повторением прежних моделей эволюционного развития сердца (незаращения межпредсердных или межжелудочковых перегородок), то у мужчин аномалии сердца чаще являются чем-то новым, не имеющим аналогов в прежних эволюционных моделях развития сердца.

Правило 2. Если имеется половой диморфизм по признаку, то эволюция вида идёт в сторону самца. Естественно, что речь идёт не об альтернативных признаках. Например, первичные (генитальный аппарат) и вторичные половые признаки (телосложение, оволосение) альтернативы, они либо мужские, либо женские. Но половой диморфизм характерен для всех систем и органов, а они уже не являются альтернативными.

Например, у многих паукообразных и насекомых размеры самца меньше размеров самки. С одной стороны, это означает, что конкуренции по фактору увеличения размеров у самцов этих видов нет. Значит, конкуренция у самцов идёт по фактору уменьшения размеров. Так как основной задачей самца

является просто выработка мужских гамет, то крупные телесные размеры не нужны. Когда пищевых ресурсов мало, то на этих скудных пищевых ресурсах лучше вместо одного крупного самца вырастить двух (или несколько) мелких самцов. Их суммарное количество обеспечит большее генетическое разнообразие. Т. е. мелкие размеры самца данному виду выгодны. Хотя самки тоже ощущают на себе скудность ресурсов и выгоду уменьшения размеров, но новые выгодные тенденции сначала находят самцы. Если самцы первыми овладели данным различием (меньшие размеры), то вслед за ними этим прогрессивным признаком должны овладеть и самки. Т. е. вид постепенно уменьшается в размерах. И действительно, палеонтология подтверждает наличие в прежних эпохах представителей данных видов членистоногих гигантского размера. Т. е. приспособление за счёт уменьшения размеров было опробовано на самцах, доказало свою целесообразность (легче прокормиться и спрятаться), и далее было усвоено и самками. Но начав двигаться в этом генетическом направлении позже самцов, они в этом и преуспели меньше. Т. е. они остаются крупнее самцов. Это же позволяет им иметь большие телесные ресурсы для лучшего обеспечения питательно-пластическим материалом яйцеклеток.

У человека тоже есть диморфизм по телесным размерам. Мужчины в среднем выше женщин. Вывод: эволюция нашего вида идёт в сторону увеличения роста. Действительно, ранние гоминиды, уже прямоходящие, были ростом чуть больше метра. И как увеличился рост за несколько миллионов лет! Мужчины первые нашли этот признак (увеличение роста), апробировали его, доказали его целесообразность, а женщины закрепили этот признак и двигаются вслед за мужчинами. Т. е. высокий рост является одним из факторов успешной адаптации вида, он является критерием полового отбора, и привлекает женщин при выборе потенциального отца её потомства (донора генов). Когда диморфизм по данному признаку сгладится (оба пола будут примерно одного роста), то эволюция вида по этому признаку прекратится.

Одним из вариантов полового диморфизма является функциональная асимметрия мозга, которая больше выражена у мужчин. Обычно, у правой левое полушарие является доминирующим (абстрактно-логическим), а правое полушарие — художественно-образным (эмоциональным). Т. е. у мужчин данная специализация полушарий, их функциональная поляризация, выражена сильнее. В результате, когда мужчина решает различные задачи, он использует одно из полушарий, специализированное на решении данных задач. Т. е. мужчина в работе использует преимущественно только одно полушарие, меняя их в зависимости от задачи. А женщины, не имея столь четкой специализации полушарий, пользуются сразу двумя полушариями. Поэтому, общаясь между собой, женщины могут одновременно и слушать и говорить, на что мужчины малоспособны. Одна из проблем коммуникации между полами заключается в том, что женщины не учитывают то, что с мужчинами надо эти фазы общения чётко разделять. Надо чтобы мужчина или слушал, или говорил, и надо даже давать мужчинам время на переключения со слушания — на говорение. Даже когда в народе говорят, что «у мужчин в голове всегда одна мысль, а у женщин их всегда две», то это символически отражает одновременную работу сразу двух полушарий у женщин, в отличие от мужчин. Или, хваленая женская интуиция. Пока логическое полушарие женщины что-то осмысливает, её эмоционально-образное полушарие уже выдаёт готовый ответ, опираясь или на прежний (может даже вытесненный) опыт, или на генетически заложенные программы реагирования. Поэтому женщины достаточно хорошо считывают мужчин, так как опираются не только на его слова (вербальные сигналы), но и на его невербальные (истинные психоэмоциональные) сигналы, т. е. на его мимику, моторику, вегетатику.

С одной стороны, специализация полушарий, как всякая специализация, является прогрессивным признаком. И поскольку есть диморфизм по признаку, то женщины тоже постепенно эволюционируют в сторону большей специализации полушарий. С другой стороны, это снижает компенсаторные воз-

возможности мужчин. Например, инсульт (травма, опухоль) в одном полушарии у мужчин, снижает соответствующие мозговые функции, и эта утрата не может быть компенсирована возможностями другого его полушария, имеющего совсем другую специализацию. А у женщин такие компенсаторные возможности за счёт другого полушария есть, так как их функции менее поляризованы. В результате женщина вполне успешно может восстановиться за счёт компенсаторных возможностей другого полушария.

Функциональная асимметрия мозга и специализация полушарий важна и в сексологии. Высокая специализация мозговых функций касается и сексуальных центров. У мужчин она выражена сильнее, нарушить такую биологически заданную систему, т. е. привести к сексуальным расстройствам, труднее. И действительно, сексуальных проблем, по различным исследованиям, у женщин больше. У женщин сексуальность во многом определяется не биологией, а такими ранимыми факторами, как эмоции, отношения, чувства, поведение партнёра, психосексуальное развитие женщины (чему она научилась в своём сексуальном поведении и реагировании). Соответственно, где тонко, там и рвётся, что проявляет себя в обилии сексуальных проблем у женщин. Другое дело, что мужчины с сексуальными проблемами активнее обращаются к сексологу и более замотивированы на решение своих сексуальных проблем. Мужские сексуальные дисфункции значительно декомпенсируют половую жизнь в паре и их не скроешь. Если у мужчины нет эрекции — то нет половых актов вообще. Если есть преждевременная эякуляция и половой акт длится считанные фрикции (5–10 фрикций) — то о каком удовлетворении женщины можно говорить? Если у мужчины нет оргазма — значит нет эякуляции, значит нет спермы, значит, нет зачатия. Всё это заставляет мужчин активно обращаться на лечение к сексологам. А женщины в принципе способны на секс без желания и возбуждения, они могут беременеть не получая оргазма, и всё это создаёт иллюзию некоего благополучия, не столь глубоко декомпенсирует половую жизнь в паре, что и снижает их мотивацию к лечению. Безусловно, что

раньше или позже некачественный секс приведёт к ряду соматических, психоневротических, партнёрских и сексологических проблем у таких женщин, но пока можно и потерпеть... Надо заметить, что добившись равных социальных прав, женщины во всём мире, и в нашей стране тоже, всё активнее добиваются и равных сексуальных прав. Они уже не хотят мириться со скучным и неудовлетворяющим их сексом, они всё активнее обращаются к сексологам для решения их сексуальных проблем. Тем более, что современное общество достаточно позитивно относится к сексу, открыто обсуждает различные проблемы сексуальности, многие женщины видят, что у их подруг секс вполне благополучен, и активно обращаются к сексологам для решения своих собственных семейно-сексуальных проблем. Тем более, что многие женские сексуальные проблемы решаются практически гарантированно (аноргазмия, вагинизм, некоторые варианты снижения либидо). Так что половая структура обращённости к сексологам быстро меняется в сторону женщин.

Хотя причины женских сексуальных проблем обусловлены указанной психологизированностью женской сексуальности, но и меньшая биологическая детерминация женской сексуальности тоже имеет место (как предрасполагающий фактор). Например, неврология. Меньшая функциональная асимметрия женского мозга и меньшая специализация сексуальных центров тоже сказывается. Например, центры оргазма располагаются в подкорковых центрах недоминирующего (эмоционального) полушария (у правшей — левого). У мужчин они хорошо специализированы, нарушить автоматизм их работы трудно, и проблемы с достижением оргазма (мужская аноргазмия) у мужчин бывают относительно редко. А у женщин оргазм является «псевдомужской» реакцией, самкам животных оргазм не нужен, у них он не имеет (в отличие от женщин) биологического смысла. Т. е. оргазм у женщин стал формироваться эволюционно позже, чем у мужчин, вслед за мужчинами, и он не столь чётко отшлифован эволюционно (см. ниже). Соответственно, специализация мозговых центров оргазма у женщин менее выражена, многие психологические факторы (психосексуальное развитие, различ-

ные психоэмоциональные влияния) могут нарушить их работу, приводя к различным вариантам оргазмических дисфункций. Соответственно, у женщин аноргазмия (проблемы с достижением оргазма в партнёрском сексе) — частая сексуальная проблема. При этом сам патогенез аноргазмий обусловлен психогенными механизмами (невротическими или онтогенетическими), а указанная меньшая степень функциональной асимметрии женского мозга и её меньшая специализация центров оргазма, является предрасполагающим фактором (преморбидом).

С другой стороны, указанная меньшая специализация центров оргазма у женщин может вести к тому, что оргазм может значительно варьировать по своему качеству (яркости, чёткости), может не иметь такого чёткого завершения, как у мужчин, переходя в повторные, волнообразные и протяженные оргазмы. Кроме того, меньшая степень неврологической специализации центров оргазма у женщин приводит к тому, что для достижения оргазма подключается и второе полушарие (весь мозг). И в ряде случаев эта работа сразу всего мозга может быть столь эффективной, и столь успешно вести к оргазму, что такие женщины способны на крайне яркие оргазмы, на множественные, волнообразные и протяжённые оргазмы.

Правило 3. Между третичным (у взрослых особей) и вторичным (при рождении) соотношением полов есть обратная связь. Т. е. изменения в характерном для данного вида третичном соотношении полов ведут к изменениям вторичного соотношения полов (к изменению структуры рождаемости), и эти изменения вторичного соотношения полов восстанавливают утраченное характерное для данного вида третичное соотношение полов. Т. е. соотношение полов при рождении может меняться и зависит от соотношения полов у взрослых.

Иначе говоря: любые нарушения оптимального видового соотношения полов у взрослых вызывают такие изменения в соотношении полов в потомстве, которые восстанавливают это нарушенное оптимальное для вида соотношение.

Дело в том, что для каждого вида имеется характерное для него соотношение самцов и самок. Обычно, самцы количествен-

но преобладают. Даже у пчёл или муравьев. Там есть одна пчела-матка (королева), но при этом все рабочие пчёлы генетически тоже являются самками, и их очень много. Однако, они не принимают участи в размножении и своих женских функций они не выполняют. Они как бы бесполы, т. е. их можно самками не считать. А самцов (трутней), оплодотворяющих одну пчелиную матку — много.

Характерное для вида соотношение полов отражает степень адаптации вида в данный период его эволюции. Если самцы в данном виде преобладают незначительно, то вид адаптирован к условиям окружающей среды успешно, и ему не надо активно меняться. Т. е. этот вид не продуцирует большого количества самцов, он не старается эволюционировать, относительно большое количество самок способствует распространению вида вширь. Принцип: «Раз успешен, то не меняйся, а распространяйся». Если же разрыв в соотношении самцов/самок относительно велик (самцы существенно преобладают), то виду приходится трудно, он плохо приспособлен, и за счёт продуцирования большого количества самцов он старается найти новые генетические тенденции, приспособиться и выжить. Принцип: «Раз всё так плохо, надо меняться и приспособливаться». У гаремно-организованных видов самец владеет целым гаремом (самок как бы больше), но при этом нельзя забывать, что отогнанные им самцы не исчезли, они остались, они где-то рядом, и не прочь с ним поменяться. Важно помнить, что даже паритетное (поровну) соотношение полов уже означает значительный избыток самцов. Ведь для того, что бы оплодотворить всех самок популяции достаточно совсем небольшого количества самцов. Но остальные (лишние) самцы тоже не лишние, они являются резервом новых генов.

С этой точки зрения наш человеческий вид относится к тем видам, где преобладание самцов незначительно (практически поровну). Т. е. женщин относительно много. А если учесть факт высокого отсева мужчин (ноцептивность самцов), наличие гомосексуальности, алкоголизма, наркоманий, импотенции и прочего, что выводит мужчин из гетеросексуальной половой

активности, то количество гетеросексуальных активных мужчин тем более недостаточно (т. е. женщин становится относительно ещё больше). С этих позиций ясно, что человек как биологический вид производит мало самцов и много самок. Т. е., наш вид хорошо адаптирован, не старается эволюционировать, а распространяется вширь. Что и видно: человек заселил практически все ареалы, где можно хоть как-то жить, численность человеческой популяции всё увеличивается, и пр.

Конечно, правила В. А. Геодакяна хорошо работают в животной популяции, где нет контрацепции, медицины (которая спасает человека, но губит человечество), института брака, традиций и социальной регуляции сексуального поведения. Но, тем не менее, и у социального существа (человека) правила В. А. Геодакяна на больших массивах цифр себя проявляют. Например, в периоды массовой гибели мужчин (эпидемии, войны, социальные потрясения и пр.), возрастает рождаемость мальчиков, которая восстанавливает характерное для человеческого вида соотношение полов.

Но как это происходит? Откуда сперматозоиды знают, что у «взрослых» происходит массовая гибель самцов (мужчин), и что именно мужские сперматозоиды (Y-сперматозоиды) должны оплодотворять яйцеклетку? Непонятно. Тем более, что по генетическим правилам Г. Менделя соотношение полов должно быть строго поровну. Например, у людей: у мужчин из их генетического набора 46XY должно образоваться одинаковое количество мужских (23Y) и женских (23X) сперматозоидов. А у женщин из набора 46XX образуется одинаковое количество женских (23X) яйцеклеток. При их перекрёстном взаимосочетании должно образовываться совершенно одинаковое (50/50) количество мужских и женских генотипов. Но это, исходя из всего вышесказанного, оказывается не так. И это совсем непонятно. Как это может происходить?

Дело в том, что в процессе сперматогенеза изначально образуется действительно одинаковое количество мужских и женских сперматозоидов. Но в процессе дальнейшего сперматогенеза часть женских сперматозоидов не достигает полного раз-

вития, элиминируется, и их становится меньше, чем мужских. Видимо, требования к ним и жёстче и отсеб сильнее. Таким образом, на выходе соотношение мужских/женских сперматозоидов не 50/50, мужских сперматозоидов оказывается больше. Соответственно, для каждого вида степень преобладания мужских сперматозоидов в эякуляте различна. Чем их больше в эякуляте, тем вероятнее оплодотворение мужским сперматозоидом, т. е. вероятнее рождение самца (мальчика), и наоборот. Именно это изначальное соотношение мужских/женских сперматозоидов в эякуляте определяет характерное для каждого вида соотношение самцов/самок.

Но и этого мало. Как было сказано, соотношение полов при рождении (зачатии) может меняться, восстанавливая нарушенное соотношение полов у взрослых. Оказывается, большую роль в этих механизмах играет интенсивность половой жизни у самца. Чем интенсивнее сексуальная активность самца, тем выше вероятность зачатия (рождения) тоже самца. Тому много подтверждений. Испокон веков, если в животноводстве хотели получить от коровы телёнка-бычка, то к нужной самке быка производителя подпускали в период его максимальной репродуктивной эксплуатации — рождался телёнок-бычок. А если хотели получить телушку, то его допускали до нужной коровы после периода отдыха и воздержания. Или, можно проанализировать разрозненную статистику у людей. Например, у лысых мужчин молодого возраста мальчики рождаются на 40 % чаще. Или, у пожилых мужчин чаще рождаются девочки. Но на самом деле речь идёт о едином механизме. Облысение в достаточно молодом возрасте говорит о высокой андрогенной насыщенности у таких мужчин. А чем больше тестостерона, тем сексуальная активность, как правило, выше. Чем старше возраст, тем ниже уровень тестостерона, и, соответственно, ниже интенсивность половой жизни, т. е. рождаются чаще девочки.

Но каким образом интенсивность половой жизни влияет на соотношение полов при зачатии (рождении)? Дело в том, что указанное характерное для данного вида соотношение мужских/женских сперматозоидов (и, соответственно, соотношение по-

лов при рождении) несколько варьирует в зависимости от интенсивности половой жизни. Чем интенсивнее половая жизнь самца (чем больше у него семяизвержений), тем больше в процессе сперматогенеза отсеивается женских Х-сперматозоидов. Т. е. они не успевают созреть. В результате в эякуляте накапливается больше мужских Y-сперматозоидов, и рождается больше мальчиков.

Конечно, есть и некоторые другие факторы, влияющие на программирование пола. И эти проблемы актуальны в консультативной работе сексолога, когда молодые семьи ставят вопросы о методах программирования пола. Но, думается, что слишком вмешиваться в этот процесс не нужно, пусть лучше природа сама распорядится.

Но как все увязывается в некий единый механизм от сперматогенеза до эволюции?

Представим ситуацию. Возникает изменение условий жизни вида (неблагоприятная ситуация). Это ведёт к массовой гибели самцов (их ноцептивность). Но некоторые самцы в силу своей генной вариабельности оказываются к этому приспособлены, и выживают. Они оказываются в ситуации, когда самцов-конкурентов нет (мало). Внутриполовая конкуренция снижается, доступ к самке облегчается. Интенсивность половой жизни возрастает. Увеличение частоты эякуляций приводит к повышению в эякуляте количества мужских Y-сперматозоидов (выше прежнего уровня). Повышается рождаемость самцов. В результате: а) восстанавливается нарушенное характерное для данного вида соотношение полов, б) новые самцы рождаются от самцов с наличием необходимых для выживания генов, которые начинают накапливаться сначала в мужской части популяции, а потом, убедившись, что это хорошо (целесообразно), этими генами овладевают и самки. Вид активно приспосабливается (эволюционирует).

Представим другую ситуацию. Вид настолько хорошо адаптирован, что самцы не отсеиваются, не гибнут. Их становится относительно много. Т. е. относительно мало становится самок. Раз самок мало, то внутриполовая конкуренция самцов усили-

вается, доступ к самке затрудняется, интенсивность половой жизни самцов и частота эякуляций у них снижается. В эякуляте становится относительно больше женских Х-сперматозоидов, повышается рождаемость самок. В результате: а) восстанавливается нарушенное характерное для данного вида соотношение полов (больше рождается самок), б) вид не столько эволюционирует (а зачем, и так адаптация хорошая), сколько распространяется вширь (на что влияет количество самок в популяции).

Таким образом, сперматогенез, соотношение полов и эволюция вида (или количественное нарастание вида) стыкуются через механизм интенсивности половой жизни (интенсивности семяизвержений) у самцов.

Правило 4. У мужчин довольно узкий диапазон нормы признака, а диапазон патологических проявлений по данному признаку — широкий. Поскольку у них часть генов используется для экспериментирования, то диапазон нормы представлен только самым жизненно необходимым. А диапазон отклонений от нормы, соответственно, весьма широк. А у женщин диапазон нормы признака довольно широкий, а диапазон патологических проявлений по данному признаку — довольно узкий (ненамного шире диапазона нормы). Поскольку диапазон нормы в целом достаточно широк, то одной женской особи все варианты нормы в себе не сохранить. Т. е. для сохранения различных вариантов нормы нужна не одна женщина, а несколько. И все они выражают хоть и различные проявления, но относящиеся к диапазону нормы. Чем и отличаются от мужчин с их весьма широкой многовариантностью признака, где норма представлена довольно узким диапазоном, а диапазон отклонений широк.

То же самое касается и сексуальности. Например, нормальные проявления мужской сексуальности довольно стереотипны, мужчины в норме довольно стандартны, их сексуальность более биологизирована, а значит и единообразна. Но при этом крайние отклонения сексуальности (сексуальные перверзии, парафилии) встречаются обычно не у женщин, а у мужчин. А нормальная женская сексуальность более разнообразна, индивидуальна, вариабельна, психологизирована. Но, при всей

аморфности женской сексуальности — это всё варианты нормы, а крайние варианты её отклонений в виде сексуальных извращений им не свойственны, и, в отличие от мужчин, встречаются у женщин редко.

Механизмы полового диморфизма и биологической детерминации пола бывают различными. Мы уже указывали, что у млекопитающих пол детерминирован сугубо генетически. Но так не у всех животных. Даже у таких высокоразвитых существ, как крокодилы (пресмыкающиеся), детерминация пола зависит не столько от генетики, сколько от внешних факторов развития потомства. Потомство крокодилов изначально бисексуальное, и половой состав потомства зависит от температуры инкубации кладки яиц. При одной температуре инкубации развитие пойдёт по мужскому типу (вылупятся только самцы), при другой температуре инкубации развитие пойдёт по женскому типу (вылупятся только самки), при промежуточных температурах инкубации возникнут некие промежуточные соотношения полов. По логике: если температура неблагоприятная, то нужны самцы, чтобы приспособливаться, а если температура благоприятная, то всё хорошо, меняться не нужно, нужно за счёт самок распространяться вширь.

Или, у некоторых кишечнополостных. Оплодотворённая яйцеклетка может развиваться или по женскому варианту (если она попала на морское дно). Или по мужскому варианту, если она попала на тело самой самки. Тогда особь становится мужской и, созрев, начинает данную самку оплодотворять.

У других видов (некоторые моллюски) особь по ходу жизни является сначала мужской особью, и оплодотворяет самок. А потом становится особью женского пола, и выполняет функции самок.

Но данные варианты отражают эволюционный процесс формирования полов, отработку функций полов и механизмов детерминации пола. Т. е. подобные ситуации отражают или некие пробные варианты эволюционного формирования двуполости, или подобные ситуации имеют конкретную видовую целесообразность.

Например, кишечные глисты-нематоды. Они гермафродиты. И это для них целесообразно. Сам гермафродит оплодотворяет себя крайне редко, а иные и не могут это сделать. Другая особь всё равно им нужна. Но где найти в кишечнике другую особь? За ней в поиски на край света не отправишься, возможности паразита ограничены. Приходится ждать, чтобы ещё кто-то рядом появился. А если бы глист был не гермафродитом, и если бы рядом оказалась особь того же пола? Ясно, что процесс размножения был бы исключён. Но если встречаются два гермафродита, то они размножаются даже не как одна пара, а как две пары. Подобный риск встречи однополых особей, исключающий размножение, у гермафродитов отсутствует. У них гермафродитизм является компенсацией трудностей с поиском партнёра.

А у некоторых видов (рыбы), смена пола у взрослых особей может определяться ситуативными факторами. Например, рыбка-самец имеет гарем. Но если этот самец погиб, и другого самца не видно, то самая активная из самок гарема начинает видоизменяться. Её женские признаки начинают атрофироваться и исчезать, а зачаточные мужские признаки её потенциально бисексуального организма начинают развиваться. Она превращается в самца: меняется её сексуальное поведение, тело, репродуктивность (она начинает оплодотворять остальных самок). И рыбки её гарема, в конечном итоге, не пропадут.

Всё это говорит о долгом пути формирования двуполости и о различных вариантах биологической целесообразности в репродуктивных процессах.

Таким образом:

1. Двуполость не сводится только к комбинаторной изменчивости.

2. Разделение полов связано не только с репродуктивной специализацией полов, но и с целым рядом других биолого-эволюционных функций полов. Эти функции проявляют себя и работают не на уровне отдельного представителя пола, а на уровне пола, как группы (популяции).

3. Функции мужского пола: изменчивость, поиск новых генетических признаков, эволюция вида.

4. Функции женского пола: сохранение проверенных и целесообразных признаков, распространение вида (набора данных признаков) в ширь.

5. Для каждого вида имеется характерное для него соотношение полов, которое отражает степень его видовой адаптации.

6. Нарушение данного соотношения во взрослой популяции приводит к таким изменениям в структуре рождаемости, которые восстанавливают видовое соотношение полов.

7. В данных механизмах большую роль играет интенсивность половой жизни у самцов, что связано с ноцептивностью самцов и с доступом к самкам.

8. Границы нормальных сексуальных проявлений у мужчин находятся в узком диапазоне нормы, но при этом границы патологии гораздо шире, чем у женщин. У женщин границы нормальных сексуальных проявлений шире, чем у мужчин и они более вариабельны, но при этом границы патологии у них уже, чем границы патологии у мужчин.

Моноцикличность и полицикличность размножения

Прежде всего, половые циклы самок млекопитающих делятся на эстральные и менструальные. Для эстральных циклов характерно наличие периода эструса (течки) у самок. Поскольку эструс внешне заметен, то именно поэтому такие циклы называются эстральными. Эструс означает репродуктивную и копулятивную готовность самки. Физиологически в этот период у самок происходит овуляция (спонтанная или зависимая), они в этот период фертильны и, соответственно, сексуальны (рецептивны). Каждый эстральный цикл (в отличие от менструальных циклов) отделён от следующего периодом покоя, когда репродуктивная система самки неактивна (диэструс, анэструс). Длительность этих периодов покоя у различных видов различна. У грызунов интервалы невелики, а у других видов эстральный цикл бывает 1 или 2 раза в год. Эструс внешне проявляется наличием специальных вагинальных выделений (иногда край-

не незначительных), наличием обонятельного сексуального сигнала (призыва) самки, т. е. её половых феромонов. К явно заметным внешним проявлениям эструса относится соответствующее сексуальное поведение самки, т. е. «поведенческий эструс»: поиск самца, приближение к нему, провоцирующее сексуальность самцов её сексуальное поведение («позы замирания»), копулятивные «позы подставления» и пр. Такое поведение самки обусловлено её половой доминантой, когда под влиянием половых гормонов включается её сексуальное поведение.

Овуляция при эстральных циклах бывает спонтанной, т. е. обусловленной только внутренними гормональными механизмами, и зависимой. При зависимой овуляции (кролики, кошки, норки и пр.) яйцеклетка созревает, но определённое время сохраняется без овуляции. А сама овуляция происходит под влиянием самца. Иногда достаточно просто присутствия самца, когда его обонятельный сигнал (феромон) провоцирует овуляцию. У других видов овуляция зависит от копулятивного контакта с самцом (или от имитирующей его искусственной механической стимуляции). У кошек, например, овуляция происходит через 24–30 часов после контакта [2].

Менструальные циклы имеют такое яркое внешнее проявление, как менструация, отчего так и названы. При этом у самок один половой цикл (овуляция) сменяется другим сразу, без спокойного периода. Циклы следуют один за другим, разделённые менструацией [2]. Овуляция происходит между менструальных фаз, и при менструальных циклах всегда является спонтанной. Менструальные циклы характерны для приматов, в том числе и человека.

Кроме того, по особенностям репродуктивности виды делятся на моноциклические и полициклические.

Моноцикличность означает, что имеется один период размножения (брачный сезон), за которым следует период, когда репродуктивное поведение вида угасает. Такие циклы обычно имеют видовую частоту один-два раза в год. Часто такой цикл имеет сезонную детерминацию и периодичность. Частота брачных периодов и их сезонность являются характерным признаком вида.

Сезонность может определяться временем, необходимым для вынашивания и выкармливания потомства, сезонными пищевыми ресурсами и пр. Сглаженная сезонность теплого климата, постоянное наличие пищевых ресурсов, постоянная благоприятная среда — сглаживают сезонность размножения, столь характерную для более сурового климата. К сезонным факторам и биоритмам, которые включают репродуктивное поведение, нередко добавляются (особенно у млекопитающих) обонятельные и иные сигналы, которыми особи обмениваются. У некоторых видов феромоны самца усиливают сексуальное поведение самки, вплоть до индуцирования у неё зависимой овуляции. Тем более это касается самцов, для активации сексуального поведения которых обонятельные сигналы самок весьма значимы.

У видов с моноциклическим типом размножения самки имеют эстральный половой цикл. Причём, у некоторых видов самка имеет только один овуляторный эстральный цикл (моноэстральные), а у других самка потенциально способна на несколько овуляторных эстральных циклов (полиэстральные). При этом длительность фазы покоя (диэструс) невелика и самка может повторно овулировать в этот же брачный сезон, если при первой овуляции зачатия не произошло. Однако, обычно зачатие происходит уже при первом эстральном цикле и необходимости в запасных эстральных циклах у самки не возникает.

Полициклическость означает, что у вида специального брачного сезона нет. Зачатие, вынашивание и рождение потомства не связаны с брачным сезоном и могут происходить на протяжении всего года. Для этих видов характерно наличие менструального цикла со спонтанной овуляцией (приматы, в том числе человек), или наличие часто возникающих эстральных циклов с короткими фазами покоя, которые не связаны с сезонностью размножения (многие грызуны) [2].

Различия в сексуальном поведении между особями моноциклических и полициклических видов очень велики. Переход приматов к полициклическости весьма важен и адаптивен.

У самок и самцов моноциклических видов в брачный сезон возникает мощная половая доминанта и включается сексуаль-

ное поведение. У обоих полов указанные изменения происходят за счёт соответствующей гормональной перестройки. Прежде всего, это касается повышения уровней половых гормонов, а также гормонов щитовидной железы и пр. Соответственно, при такой гормональной перестройке резко возрастают физиологические (метаболические и энергетические) возможности. Особи проявляют колоссальную энергию в своём сексуальном поведении: активно передвигаются в поиске партнёра, участвуют в брачных боях или в других видах внутривидовой конкуренции, неудержимы в своей копулятивной активности и пр.

На поведенческом уровне для моноцикличности характерно временное преобладание полового поведения над другими формами поведения, особенно у самцов. Особи ослеплены своей сексуальностью, всё их поведение подчинено одной цели. Нельзя пропустить этот сезонный цикл, ведь следующий будет нескоро. Однако, такое репродуктивное поведение приводит к различным рискам. В такие периоды особи крайне уязвимы, осторожность утрачена. Инстинкт самосохранения и пищевой инстинкт в значительной степени уступают место половому инстинкту и отходят на второй план. Такая модель сексуального поведения очень опасна для особей, вид может нести большие потери. Вид размножается буквально с риском для жизни. Прежде всего, эти риски касаются самцов, так как их сексуальное поведение особенно фатально и неодолимо.

Вне этого репродуктивного периода половые гормоны снижаются, уровень метаболизма, энергетики и поведенческой активности существенно уменьшается. Особям хватает энергии, чтобы прокормиться (и иногда спастись), а в остальное время они неэнергичны и много спят. И только к следующему циклу фертильности всё повториться вновь. Гормоны опять будут возрастать, включать соответствующее сексуальное поведение и давать необходимую энергетику.

При полицикличности ситуация с репродуктивным поведением радикально изменилась. Появление полицикличности привело к большим физиологическим и поведенческим изменениям у самцов и самок. Данные изменения касаются уровня

энергетического потенциала, выраженности половой доминанты, характера сексуальной коммуникации.

Энергетический потенциал у полициклических видов стабильно высокий. Отсутствие спокойных периодов заставляет систему половых гормонов и гаметогенеза работать (и у самцов и у самок) постоянно: у самок — циклически, у самцов — тонически, постоянно. У самки яйцеклетки созревают каждый цикл без длительных периодов репродуктивного покоя, а самцы постоянно должны быть готовы к спариванию и иметь зрелую фертильную сперму. Стабильно высокий уровень половых гормонов обеспечивает особям высокие уровни метаболизма, энергетики и активности [2]. Это повышает адаптивность вида и его приспособляемость. Энергии хватает не только на пропитание, особи имеют больше энергии для экспериментально-исследовательской деятельности, общения, игр, ухода за собой и пр. Иметь постоянно высокий энергетический потенциал виду, с позиций адаптации, выгодно. Когда первобытный охотник буквально измором брал добычу, сутками преследуя, допустим оленя, то их положение было неравным. Человек всё время энергизирован своими половыми гормонами, а олень — нет (если он не в брачном периоде). А в брачный период к оленю, напомним, лучше не приближаться.

Половая доминанта у самцов полициклических видов стала перманентной, но интенсивность её уменьшилась, уровень половой доминанты снизился. Она перестала конкурировать с другими потребностями. Потенциальная возможность зачатия не в редкие брачные периоды, а достаточно регулярно, существенно изменила характер сексуального поведения. Оно утратило свой фатальный характер, сексуальное поведение стало не столь брутальным: не следует тратить все силы и рисковать жизнью ради оплодотворения именно сейчас. Нет трагедии в том (в отличие от моноциклическости), что зачатие не наступило в нынешний цикл, скоро последует другой, для зачатия не надо ждать следующего сезона [2]. Когда не надо идти на смертельный риск ради копуляции, то выгода для вида в том, что и дети рождаются, и родители сберегаются. Половой инстинкт

не противопоставляется инстинкту самосохранения или пищевому инстинкту. У полициклических видов сексуальное поведение менее рискованно и родительские особи данного вида успешнее сохраняются, что повышает адаптивность вида.

Снижение уровня выраженности половой доминанты позволяет не тормозить другие потребности и функции особей. У самца, например, выполнение его копулятивных функций не поглощает его всецело, не подавляет его пищевое и оборонительное поведение, не мешает выполнению им поисковой функции, сторожевой и охранной функций, функции руководства стадом и пр. У фертильной самки приматов, уже имеющей подрастающего детёныша, её вновь обретенное половое поведение не мешает ей продолжать заботиться об этом уже имеющемся детёныше. Т. е. материнское и сексуальное поведение не альтернативны.

Так как самки полициклических видов имеют постоянную череду овуляторных циклов (кроме периодов вынашивания и вскармливания потомства), то самцы всегда должны быть готовы к спариванию и оплодотворению. У самцов стабильно вырабатываются половые гормоны, обеспечивая должный уровень его фертильности (сперматогенеза) и копулятивной готовности (наличие сексуальной поведенческой программы и необходимых половых реакций). Но когда конкретно проводить сношение, если нет специального сезона и специальных биоритмов? Ведь только у человека половая жизнь оторвалась от периодов фертильности женщин и стала постоянной, а животные проводят сношение только когда есть гарантии, что зачатие потенциально возможно. Зачем отвлекаться от кормления, отдыха, рисковать и тратить энергию и гаметы впустую? Соответственно, вместо сезонных подсказок, самцы должны получать индивидуальные сигналы от самок, которые говорят, что она в данное время фертильна и сексуально рецептивна. Полициклическим видам пришлось наработать специальную сексуальную коммуникацию. Система обонятельных, визуально-телесных и визуально-поведенческих сигналов говорит самцу, что самка фертильна и сексуально рецептивна, и что его усилия не будут на-

прасны. Как только он получает сексуальный сигнал от самки, говорящей о её фертильной готовности и сексуальной рецептивности, он может начинать действовать. Эти сигналы влияют на его перманентную сексуальность, включают конкретное сексуальное поведение (возбуждают его), и он начинает проявлять копулятивную активность (процептивность).

Таким образом, полицикличность размножения, по сравнению с моноцикличностью, эволюционно оправдана и имеет ряд преимуществ (повышение энергетического потенциала за счёт стабильно высоких половых гормонов, снижение уровня интенсивности половой доминанты со снижением соответствующих рисков и снижением потенциально опасной зависимости от неё). Не зря так преуспевают виды, освоившие полицикличность (грызуны и приматы) [2]. Так что полицикличность человека заранее ставит его в выигрышное положение.

Однако, выиграв от полицикличности, эволюция человека пошла дальше. Ведь у животных перманентная сексуальность свойственна только самцам, а у самок сексуальность осталась цикличной. Но у людей сексуальность женщин стала тоже перманентной. Т. е. репродуктивность женщин осталась цикличной, а сексуальное поведение стало перманентным. Т. е. женщины стали сексуальны вне их непродолжительного фертильного периода. Суммарно, сексуализация всего вида человека возросла. Возникает вопрос, почему сексуальность женщин тоже стала перманентной и приблизилась к мужской? И в чем, собственно, особенности мужской сексуальности?

Сексуальность у самцов животных

Обеспечивая поиск новых генов и эволюцию вида, самцы должны быть конкурентны (внутриполовая конкуренция), что позволяет работать механизмам отбора. Это касается различных сфер конкуренции у самцов (за территорию, статус и пр.), в том числе и половой конкуренции за самку (за возможность передать свои гены потомству). Соревнования разных геноти-

пов позволяет самке выбрать самые успешные гены для потомства. Но самцы при этом полигамны. К конкуренции приводит соотношение полов (см. выше). Будучи экспериментальной и расходной частью популяции самцы производятся в избытке, и самок вечно на всех не хватает. А при гаремной организации не хватает гаремов. Таким образом, чтобы оплодотворить самку, задачей самца является победить других самцов и, соответственно, получить благосклонность самки. Он должен предъявить ей доказательства своего превосходства, своей победы над другими самцами, доказать ей высокое качество своего генотипа. Для этого у самцов есть соответствующие методы демонстрации своих конкурентных преимуществ.

Сама конкуренция самцов может реализоваться в разных сферах (у разных видов животных). Самке могут предъявляться и демонстрироваться: а) материальные ресурсы самца (пищевые подношения самке, владение хорошо построенным или украшенным гнездом, часто — владение территорией), б) внешность самца (его вторичные половые признаки — брачный наряд, величина рогов, гривы у львов, хвостов у павлинов, гребней у петухов и пр.), в) активность его брачного поведения (ухаживаний и брачных игр, токование, брачные танцы), г) его силовое превосходство (победить в брачных боях других самцов, отогнать их от самки и остаться одному рядом с ней), д) его статус в иерархии (в том числе у человекообразных и людей).

Ситуация, когда рядом с самкой оказывается только один самец, а других нет, и он ни с кем не конкурировал, тоже возможна. Это произойдёт, если сама жизнь устранила других самцов, оставив его одного. И тогда самка автоматически выбирает именно его. Т. е., когда условия для популяции неблагоприятны и самцы массово гибнут (ноцептивность самцов), всё же останется самец, который генетически отличался от погибших и выжил, т. е. он оказался генетически приспособлен к таким неблагоприятным условиям (результат генетической экспериментальности самцов). Он победил других самцов фактом своего выживания. Именно он оплодотворит всех доступных самок и

передаст свои адаптивные гены потомству. Этому и служит полигамность самцов.

Какая сексуальность нужна самцам для воплощения данных целей? Чтобы оплодотворить многих самок, надо иметь: а) высокий репродуктивный потенциал (много половых клеток — гамет), б) перманентную готовность к оплодотворению (что есть у самцов полициклических видов), в) влечение ко всем самкам (полигамность). Полигамность, в свою очередь, означает: а) высокую сексуальную возбудимость, б) низкую сексуальную избирательность, в) стремление к новизне (смена самок позволяет их всех оплодотворить). Высокая возбудимость и низкая избирательность означают, что для сексуального реагирования самцу достаточно информации, что перед ним: а) особь своего вида, б) противоположного пола, в) она не отвергает его как сексуального партнёра. Однако самку он воспринимает как сексуальный объект, только когда она потенциально фертильна и сексуально рецептивна (способна на секс), о чем она и сигнализирует самцу (половые феромоны, визуальные сигналы, и пр.). В этих аспектах мужчины биологически не отличаются от самцов животных, но отличаются по социальным нормативам.

Половых клеток (гамет) самцы всех видов вырабатывают больше, чем самки. Даже у рыб, где самка выделяет для осеменения многие тысячи икринок, оплодотворяющих их сперматозоидов самцы выделяют гораздо больше (сотни миллионов).

У полициклических видов репродуктивность у самцов не имеет циклического характера (как бывает у моноциклических видов), она **перманентна**. Самец заранее не знает, когда потребуются его сперма для оплодотворения, и она вырабатывается постоянно. Это же касается и его сексуальности, он потенциально всегда готов к сексу. Постоянный сперматогенез и постоянная сексуальная готовность самцов обеспечены постоянной выработкой гормонов. Начав вырабатываться в пубертатном возрасте, гормоны далее постоянно вырабатываются до периода инволюции, обеспечивая стабильность сперматогенеза и сексуальности (её эндокринных аспектов).

Но перманентность сексуальности у самцов полициклических видов обеспечивается не только гормонально. Для поддержания перманентной сексуальности самцов важен принцип подкрепления (удовольствия). То, что приятно и даёт удовольствие, никогда не надоедает и этого всегда хочется. Таким удовольствием является оргазм. Т. е. сексуальность самцов **оргазмична**.

Оргазм — это эмоция, это реакция подкорковых структур головного мозга. Каждая эмоция имеет свои периферические вегетативные проявления. Эмоция оргазма выражается учащением пульса и дыхания, повышением давления, мышечным напряжением (общим и локальным), и пр. И одним из вегетативных компонентов оргазма является эякуляция. Без оргазма эякуляции не будет [10, 14], хотя оргазм без эякуляции бывает. Эта связь оргазма и эякуляции позволяет объединить удовольствие и репродукцию.

Однако, при всей перманентности сексуальности самцов, в ней возникают паузы. Выброс гормонов удовольствия при оргазме снижает напряжённость его сексуальной мотивации. В этот период самец восстанавливается, теряет интерес к самке и к сексу. И у некоторых видов доступ к самке получают нижестоящие самцы. Т. е., сексуальность самцов, в отличие от сексуальности самки в период её фертильности, **дискретна**. Она временно блокируется его оргазмом. Такова диалектика: сексуальность самца полициклических видов перманентна, но дискретна.

У полициклических видов сексуальное поведение самцов включается сексуальными сигналами репродуктивного состояния самки, о чём она сразу извещает самцов. Но когда самца приманили, оценили, и (ура!) выбрали, то следующий ход за ним. Т. е. инициативу к копуляции проявляет уже не самка, а самец. Эти труды самка с себя снимает. Это прерогатива самца. И он старается с этим не затягивать (пока самка не передумала, пока его не опередили другие). Стремление самца к копуляции, его копулятивная инициатива — означает **процептивность** его сексуальности. А самка готова его копулятивную активность принять, её сексуальность рецептивна (рецепция — восприятие).

Высокая возбудимость и низкая избирательность сексуальности самцов необходимое и важное свойство мужской **полигамной** сексуальности. Поскольку экспериментально-генетическая функция самцов оборачивается их ноцептивностью (высокой смертностью, так как не всякий эксперимент успешен), то даже один оставшийся в живых самец (удачный эксперимент) должен быть способен передать свои успешные гены всем самкам популяции, т. е. иметь возможность сексуально отреагировать на каждую из них и каждую оплодотворить. Именно высокая возбудимость и низкая избирательность сексуальности самцов обеспечивает эту задачу. Если самец будет отдавать индивидуальные предпочтения сугубо одной самке, то другие окажутся не оплодотворёнными. А такого в природе быть не должно. Любая рецептивная самка, оказавшаяся в пределах доступности, должна вызвать в самце сексуальные реакции.

Наоборот, самец с низкой возбудимостью и высокой избирательностью, когда он чрезмерно придиристо и долго примеривается к самке и оценивает её, будет постоянно проигрывать более активным и менее разборчивым самцам в их внутривидовой конкуренции. Они его будут опережать, и он не оставит потомства. Т. е. гены такого придиристого и чрезмерно разборчивого (высоко избирательного) самца не смогут передаваться потомкам, и будут элиминироваться из популяции. Такие ситуации, как пожизненная моногамность самцов некоторых видов (обычно вспоминают лебедей, хотя специалисты в их верности сомневаются), обусловлена чисто генетически, но у предков человека такого гена не было. Конечно, в дальнейшем у мужчин появилась определённая избирательность, но она обусловлена преимущественно социо-культуральными механизмами.

Стремление к **новизне** (смена самок) означает, что если данный самец оплодотворит несколько самок, значит другие самцы не смогут уже этого сделать (до следующей фазы её фертильности). И сколько самок он оплодотворит, столько самцов-конкурентов он победит. Кроме того, смена самок повышает комбинаторную изменчивость у потомства, при том же самом генотипе самца. Стремление к новизне может быть ограничено

только недоступностью самки, т. е. она его отвергает. А сексуального насилия в животном мире нет.

У животных конкуренция самцов (в отличие от человека) происходит по какому-то одному фактору (территория, внешность, ранг, и пр.). И у обезьян основным фактором конкуренции самца является его **статус (ранг) в иерархии**. У приматов доминирующий пол — это мужской пол. Интересно, что у видов, где доминирующим полом являются самки (например — у гиен) их доминантность подкреплена (или детерминирована?) высоким уровнем тестостерона, в результате чего клитор у самок гиен значительно развит и имеет пенисообразный вид. Но у приматов доминантным полом являются самцы, они же имеют высокий уровень тестостерона. Жизнь самцов в группе обезьян — это сплошное выяснение ранговых (статусных) отношений и борьба за его повышение. Зато иерарх (доминант) получает всё. Может отнять пищу у нижестоящих членов, имеет право первенства при доступе к дефицитной (мясной) пище, владеет всеми самками (гаремом), или имеет право первенства при копуляции с фертильной самкой (тогда конкуренция самцов продолжается в виде «войны сперм»), может любому дать взбучку (хотя бы даже показательную), и пр. Таким образом, секс и агрессия у людей глубинно связаны.

Очевидно, что альфа-самец не случайно им стал. В драках он доказал свою состоятельность. Он оказался самым сильным, самым агрессивным и замотивированным на статус. А эти характеристики связаны с высоким тестостероном. А раз он более гормонально насыщен, значит и более плодовит. Впрочем, уровень тестостерона показатель очень динамичный, и во многом он подстраивается под достигнутый статус и обеспечивает его. В опытах вожака изолировали от стада, отсадив за решётку. Из оставшихся самцов, поконкурировав, появился новый вожак. В итоге, старый вожак впал в стресс (с переходом от ярости к депрессии), надпочечниковые гормоны у него подскочили, тестостерон упал, и у него развилась психосоматика (инфаркт). А у нового вожака наоборот. Он, будучи субдоминантом, был угнетён и находился в стрессе. Но став вожаком он вышел из

стресса, и за счёт положительной эмоции победителя у него надпочечниковые гормоны снизились, а тестостерон повысился, обеспечивая нужную для его статуса половую активность и фертильность.

Структура стадной иерархии: над всеми — доминант, ниже — субдоминанты, это тоже высокоранговые самцы. Они обладают всеми задатками лидера, готовы к захвату власти, пытаются доминанта сместить, но их час ещё не пришёл. Это элита группы. В результате у доминанта и субдоминантов всё их время тратится на взаимную борьбу, на иные дела времени не остаётся, а риски, связанные с постоянной взаимной борьбой, могут сокращать их жизнь. Таковы представители высоко ранговой группы. Ниже субдоминантов — среднеранговые самцы. Они знают своё место и явно не пытаются свергнуть доминанта (возможно — только в своих мечтах). Они менее амбициозны (менее агрессивны), но потенциал их довольно высок. Соответственно, время, не затраченное на междоусобицы, они могут посвятить иным вопросам (мы к этому ещё вернемся): общаться, играть, дружить (формировать альянсы), «думать». И срок их жизни потенциально дольше. Ещё ниже — низкоранговые самцы. Это уже полные маргиналы, тем более, что и территориально они оттеснены на периферию стада. Самки у человекообразных в борьбе за статус не участвуют, не пытаются доминировать над самцами.

Территориальная локализация рангов. В центре группы самки (как самое ценное). При них вожак, отгоняющий субдоминантов, которые так и крутятся рядом. Дальше область средне ранговых самцов. А потом и низко ранговых. Их несостоятельность в иерархической борьбе оттесняет их на периферию стада. Туда же оттеснены молодые самцы, которые не имеют ранга по молодому возрасту. Да и любознательность молодости манит их на границу с внешним миром.

Иерархия стада хорошо подкреплена ранговой коммуникацией. Идёт постоянный обмен ранговыми сигналами. На сигнал доминанта следует сигнал подчинённости, что сохраняет мир и покой. Если же такого сигнала нет (или даже есть сигнал

неподчинённости, вызов), то это кончается дракой. Например, сигналы доминанта в виде демонстрации клыков. Доминант их демонстрирует, а другие самцы не имеют на это права. Считается, что клыки у обезьян играют сугубо сигнальную функцию во внутривидовой конкуренции самцов. Обезьяны не хищники, хотя мясо любят и нередко охотятся. А не хищникам клыки не нужны, они только жевать мешают. Но у обезьян клыки хорошо выражены. Уменьшение клыков произошло у ранних гоминид (сахельантропы и ардипитеки) и сохраняется у человека. Это трактуется как снижение внутривидовой агрессии. Думается, что это характерно для перехода от гаремного или промискуитетного секса — к моногамному (что облегчает доступ к самке), к переходу от жизни малыми группами — к жизни в больших сообществах (чему излишняя агрессия препятствует). Правда, у австралопитеков клыки опять увеличились, но в итоге «победила дружба» (внутривидовая), т. е. клыки у людей опять стали небольшими. Возможно, на стадии австралопитеков клыки оказались востребованы уже не как сигнал внутривидовой агрессии, а для разделки туш павших животных. Охотиться австралопитеки не умели (плохо передвигались, орудий ещё не было), но в саваннах они перешли на мясную пищу в качестве падальщиков. Как раз в эти периоды саванны вытесняли леса, и многие лесные животные вымирали целыми видами. Но пра-человек выжил, видимо было чем подкормиться. А когда хабилисы обзавелись орудиями и стали разделять туши каменными ножами, то клыки опять уменьшились, чтобы не провоцировать внутривидовую агрессию (с драками и гибелью самцов), и не отнимать силы самцов от более полезных для вида дел.

Другие варианты ранговой коммуникации — это демонстрация полового члена и поз сексуального доминирования/подчинения. Вожак может показывать свой член (символ силы и агрессии) всем, а ему никто, иначе это наглый вызов. Наоборот, для кооперативной коммуникации в ответ надо продемонстрировать позу сексуального подчинения. Для полной уверенности в состоявшейся ранговой коммуникации доминант может даже пристроиться сзади, имитируя половой акт («началь-

ство сделало втык»). И не важно, какого пола была нижестоящая особь. Иерарх демонстрирует доминантный пол (изображает самца), субмиссив изображает подчинённый пол (самку). Если особь притворяется самкой (имитирует её), то она признаёт свою подчинённость. Причём подчинённая особь имитирует именно фертильную самку, как бы способную на секс. И секс имитируется, происходит как бы «понарошку». Истоки коммуникации: самка всегда имеет ценность для вида, и её надо беречь. А фертильная самка — ценность вдвойне. И это программа «беречь самку» гасит агрессию самца. Кроме того, самки за статус не борются. И если ты как бы самка, значит, ты тоже отказываешься от борьбы. Низкоранговые (по возрасту) молодые самцы не в праве направить свой член внутрь стада, в итоге они располагаясь на непрестижной периферии стада спиной к остальным, выставив свой член вовне, посылая вызов всему миру и демонстрируя свою «грозность». В итоге, по факту, они охраняют стадо.

Ещё один вариант статусной коммуникации, это мимикрия «под детёныша». Дети — это святое. И если особь притворяется ребёнком (просительно тянет ладошку, выпрашивая еду), то это тоже хорошо гасит агрессию, детей обижать нельзя. У людей этот механизм оказался востребован у женщин. Они уже и так постоянно (не циклически) имеют фертильный вид, значит при манипуляциях осталось эксплуатировать инфантильность, т. е. имитировать ребёнка (см. ниже).

Помимо этих перечисленных вариантов статусной коммуникации, имеется ещё множество иных, не столь конкретных и явных ранговых сигналов. Ранговые сигналы должны проявляться у доминанта в его мимике, моторике, интонациях, поведении, даже без прямых демонстраций, типа поз доминирования. Особенно чутки к ранговым сигналам самки, ведь у них это критерий выбор самца (критерий их полового отбора).

Таким образом, поиск самцами новых генетических признаков, обеспечивающих эволюцию, требует соответствующих особенностей сексуальности у самцов. Им надо: победить других самцов-конкурентов, т. е. оплодотворить (передать свои гены)

максимально большому количеству самок. Соответственно, для сексуальности самцов характерно:

— Самцы биологически имеют **колоссальный репродуктивный потенциал**. Это обеспечивает физиологическую возможность оплодотворить громадное количество самок (потенциально - всех).

— Этому же соответствуют и сексуально-поведенческие особенности самцов, которые обеспечивают максимально широкое распространение их генов. Т. е. самцы **полигамны**. Для этого их сексуальность:

— Сексуальность самцов отличается **высокой возбудимостью** и **низкой избирательностью**.

— Сексуальность самцов **ориентирована на новизну** самок, чтобы оплодотворить всех самок и исключить их оплодотворение другими самцами.

— В сексуальном поведении самца полициклических видов большую роль играет реакция на сексуальные сигналы от фертильной самки, что активизирует сексуальное (копулятивное) поведение самца. С нефертильной самкой секса не бывает, самцу нельзя тратить сперму, силы, и время, если нет потенциальной гарантии зачатия. Т. е., активизация и реализация перманентной сексуальности самцов зависит от репродуктивных сигналов самки. Самка извещает самца, когда она фертильна и сексуально рецептивна. Т. е. сексуальность самца **обслуживает репродуктивность самки**. Без разрешающих сигналов самки (обонятельных, визуальных, поведенческих), нет и секса. Это же происходит и при отвержении фертильной самкой самца (за счёт её поведенческих запрещающих сигналов).

— Сексуальность у самцов полициклических видов **перманентна**. Он в принципе постоянно сексуально готов к сексу. Исключение — рефрактерный период после оргазма. Т. е., при всей перманентности его сексуальности, она **дискретна**.

— Перманентность сексуальности у самца должна иметь позитивное подкрепление в виде удовольствия. Наградой является оргазм, включающий эякуляцию. Если половые гормоны обеспечивают возможность сексуальной мотивации и реагирования,

то это должно быть подкреплено. И основной мотивацией к сексу у самца является стремление к удовольствию, а конкретно, к оргазмическому удовольствию. Природа постаралась дать самцам сильное удовольствие для сильной мотивации к сексуальному поведению, для поощрения за успешность его сексуальных усилий (поощрение внутривидовой конкуренции и усилий по оплодотворению). Т. е. сексуальность самцов **оргазмична**.

— Если самец выбран и получает доступ к самке, то за инициативу к спариванию несёт ответственность самец, т. е. сексуальность самца **процептивна**, а сексуальность самки дополняет её своей рецептивностью.

— У самцов приматов секс и агрессия тесно связаны. Благодаря агрессивности самец получает и **статус и секс** (в одном пакете).

— У приматов мужской пол является **доминантным**.

Сексуальность у самок животных, её функции:

а) «привлечение», б) «оценка и выбор» самца

У самок животных сексуальность иная. Во-первых, она **циклична** и совпадает с потенциальной репродуктивностью. Т. е. сексуальность самок предназначена сугубо для **репродукции** и обслуживает её, не имея других целей. Во-вторых, количество гамет (половых клеток) у самок не велико. У многих видов, в том числе у приматов, самка в репродуктивной фазе располагает одной яйцеклеткой. И распорядиться ею она должна крайне ответственно, выбрав для этого самого хорошего, в плане наследственности, самца. Если привлечён один самец, то выбора нет вообще. Если привлечено несколько самцов, то возможности хорошего выбора возрастают. Среди самцов начинается конкуренция, и высокая избирательность самки является последним звеном полового отбора, подводя итог внутривидовой конкуренции самцов. Привлекая многих самцов, самка выбирает одного, отвергнув («обманув») остальных.

Таким образом, важными функциями сексуальности у самок являются функции а) привлечения самцов, б) оценки самцов,

в) выбора самца. Эти функции сопряжены: чем эффективнее привлечение, тем больше будет привлечено самцов, значит, успешнее будет выбор. Чтобы иметь перед собой некий набор самцов и выбирать, самке надо уметь их хорошо привлечь.

Функция привлечения. Для «функции привлечения» часто используются обонятельные сигналы (половые феромоны, аттрактанты), как и у предков человека. Обонятельные сексуальные сигналы очень видоспецифичны. У насекомых самцы имеют специальные и очень чувствительные обонятельные структуры, позволяющие им улавливать отдельные молекулы половых феромонов и чувствовать самку за многие километры. У некоторых животных самка может оставлять феромоны на земле в виде обонятельных морок, что бы самцы нашли их по следам. Обонятельные сигналы могут содержаться в вагинальных выделениях (копулины), в моче самок и пр. У горилл, правда, вагинальные копулины самки не играют роли феромонов (приманить партнёра), но самец периодически обонятельно исследует их для проверки степени её готовности к спариванию.

Изредка, самки животных для привлечения самцов используют чисто зрительные сигналы (ведь это рискованно, так как может привлечь хищников). Например, у страусов самка привлекает самцов в свой репродуктивный период, подавая им зрительные сигналы в виде «брачного танца самки», что самцы могут увидеть издали, и прибежать. Но самкам страуса мало кто угрожает. На открытых равнинах к ним трудно подкрасться, а главное, бегают они быстро.

Возможно сочетание и обонятельных, и визуальных сигналов. Например, у самок обезьян на фоне обонятельных сигналов, присутствуют и зрительные телесные сигналы в виде участков «половой кожи» [2, 18, 27]. По мере созревания яйцеклетки эти участки краснеют и набухают, достигая максимума к моменту овуляции. Часто участки половой кожи у обезьян локализованы на седалищной части (заднее сексуальное представление), реже — на груди или на лице (переднее представление). Помимо телесных визуальных сигналов (изменения тела), у самок приматов могут иметь место и поведенческие ви-

зуальные сигналы сексуальной коммуникации (изменения поведения). Они ещё называются «поведенческий эструс», так как достигают своей максимальной выраженности тоже к моменту овуляции. К ним относятся специальные позы: «позы подставления», поза «замирание самки», чтобы не отпугнуть самца, специальные мимика, движения (жесты). Но и телесные и поведенческие визуальные сигналы тоже гормонально опосредованы и цикличны. Гормоны не только меняют тело, но и включают соответствующие мозговые поведенческие программы. Такой зачаточный уровень использования зрительных сигналов у приматов и, тем более, их сугубо циклический характер, далёки от того уровня, к которому пришёл человеческий вид, перейдя от обонятельных сигналов к, преимущественно, зрительным.

Функция привлечения отсутствует у самок тех видов, где имеет место территориальная организация. Территорию к себе не привлечёшь. Там самцы владеют территорией и отстаивают её границы, не покидая её. Это их ресурсы, интересные для самок. Они не могут бросить территорию и устремиться к самке, тем более, что их территория — это их половая конкуренция, их козырь (см. ниже). Таким образом, хотя функции привлечения у самок таких видов нет, но функции оценки и выбора самца (в данном случае — по качеству его владений) остаётся.

Невзрачные (незаметные для хищников) самки у птиц не имеют ни визуальных, ни обонятельных сигналов привлечения самцов. Но нужное для выбора количество самцов они находят на местах токования. Там самцы собрались, их много, самке надо только туда прибыть, ну и оценивай, и выбирай (кто там лучше токует).

Функция оценки и выбора. Когда самцы собрались — самка начинает оценивать и выбирать, т. е. «функции оценки и выбора» выходят на первое место. Принцип выбора у самок один — выбрать самого конкурентного (адаптивного) самца. Выбор одного самца означает отсев всех других. Таким образом, выбор самки является последним этапом полового отбора. Самки процеживают самцов через сито своего отбора. У животных выбор

происходит по какому-то одному фактору (признаку), который является символом конкурентного превосходства и который оценивается самкой. Но сам этот фактор у разных видов различен.

Например, выбор может быть основан на **материальном факторе**. У некоторых видов самка выбирает самца, который предложил ей лучшую еду (пищевое подношение). Это встречается у некоторых видов пауков и насекомых (самец приносит самке что-то съедобное). И пока самка ест приношение, самец вступает с ней в консумацию. А иногда самец приносит в жертву самого себя и оплодотворяет самку, пока она его поедает (например, богомолы). Это называется «инвестирование самца-родителя в потомство».

Другой «материальный фактор» — самка выбирает добротное построенное гнездо, которым её соблазняют самцы. Это их метод конкуренции. У некоторых видов такое гнездо украшено цветными камешками, стёклышками и пр. Оценивая и выбирая гнездо, самка автоматически выбирает более успешного и старательного самца. При таких моделях выбора внешность самца, его вторичные половые признаки, для самки не важны.

В территориально-организованных популяциях материальным фактором, которым обладают самцы, является территория, со всеми её пищевыми ресурсами. Мы уже указывали, что у самок таких видов отсутствует механизм привлечения самцов, но от функции оценки и выбора самца отказаться ей нельзя. Самцы конкурируют за территорию (завоёвывают, метят, отстаивают её) не только, чтобы прокормить себя, но чтобы соблазнить и оплодотворить самку, т. е., в итоге, чтобы прокормить и вырастить своё потомство. Конкурируя за территорию, самцы конкурируют репродуктивно, а его победа обеспечивает ему самку и потомство. Критерий его успешности — это его владения. Самки пользуются правом экстерриториальности, свободно перемещаясь, чтобы оценить и выбрать подходящую для выведения потомства территорию. Выбор самца по такому материальному фактору, как территория, обеспечивает ей и её потомству и хорошие гены, и хорошее питание (самцовое инве-

стирование в потомство). У самки при этом нет индивидуального восприятия самца, ей не важно, как он выглядит, она выбирает территорию, а самец становится желанным, так как владеет ресурсной территорией. Он ей — ресурсы и свои успешные гены, она ему — дальнейшую жизнь его генов (потомство). Выбрав территорию, самке остаётся найти владельца территории, для чего самец старается как-то себя проявить: обонятельные и визуальные метки, звуковые сигналы (пение самца у птиц), визуальные сигналы самца (машущий клешнёй краб) и пр.

У других видов выбор основан на оценке внешних признаков самца: половая окраска, рога, оперение, телосложение, размеры самца и иные внешние телесные половые признаки (размер, форма и окраска гребня петуха, хвост павлина, яркость «брачного наряда» и пр.). Именно эти признаки являются методом конкуренции между самцами. Эти признаки относятся к вторичным половым признакам и, соответственно, отражают гормональную насыщенность самца, а значит и его плодовитость. Кроме того, эти признаки говорят о здоровье самца, о его успешности в сохранении и содержании себя, о его иммунитете, и пр. Таким образом, самка, оценивая, например, хвост у павлина, оценивает его гормональную насыщенность: его потенциальную плодовитость, здоровье и наследственность (генотип) самца. Сами самки неяркие, незаметные, более мимикричные (для безопасности).

Самка может оценивать не только внешность самца, но и его брачные усилия, в которых он опережает конкурентов. Эти брачные ритуалы и игры самцов. Например, выбор по «брачным танцам самцов» (их метод конкуренции), по «брачному полёту», брачному пению, по обрядам ухаживания, и по другим вариантам конкурентных брачных игр самцов, означающих их здоровье, гормональную насыщенность и хорошую наследственность. Кто более рьяно проявляет себя в этих ритуалах — тот и будет милее самке (оценен и выбран ею).

У тех видов, где внутривидовая конкуренция представлена в виде прямой агрессии самцов (брачные бои, турниры и пр.), самка выбирает того единственного самца, который остался

рядом с ней. Но он остался рядом с ней потому, что был сильнее других самцов и отогнал их (львы, олени, тюлени и т. д.). В популяциях с гаремно-полигамной организацией половой жизни такой самец-победитель, доказавший свою состоятельность и превосходство во многих брачных битвах, настолько ценен, что он должен оплодотворять не одну, а многих самок (гарем).

В иерархически-организованных популяциях, основанных на системе доминирования, в том числе у обезьян, критерием успешности самца является его статус (ранг). Статус самца — фактор его внутривидовой конкуренции. Выше мы уже писали, что доминант — это самый сильный, здоровый и агрессивный, а значит и гормонально насыщенный, так как агрессивность зависит и от тестостерона [1, 8, 15]. И этот же тестостерон обеспечивает и плодовитость и сексуальную активность самца. Владелец гарема должен быть как самым агрессивным и сильным, так и самым сексуальным и плодовитым. Он же владеет и ресурсами, т. е. имеет право отнять добычу у любого из субмиссивных (подчинённых) самцов, и, кстати, поделиться ею с рецептивной самкой. В таких популяциях самки ценят и выбирают самого доминантного самца. Статус самца — интегративный показатель его конкурентности, состоятельности и хороших генов.

Самки чутко улавливают ранговые сигналы доминанта в его уверенности, активности, мимике, позах, жестах, даже, похоже, в самом запахе победителя. Эманация доминантности альфа-самца очень важна, самки буквально ощущают его брутальную «харизму доминанта». Эти оценки не требуют от самок работы ума, долгого взвешивания и анализа, эти навыки выбора самца по его статусу отшлифованы эволюцией и заложены уже генетически. Доминант — это безусловный лидер симпатий самок обезьян. Хороший набор сигналов доминантности должен самку буквально парализовать, вводить её в любовный транс, включать программу сексуального желания. У людей эта древняя программа сохранена.

Но симпатичны им и потенциальные лидеры (субдоминанты), которые могут вскоре ими стать. Они перспективны и име-

ют все биологические предпосылки для победы в лидерстве, и самки эту информацию потенциального доминанта хорошо считывают. Позитивное отношение самок к ним, безусловно, присутствует. Но высоко ранговая элита количественно невелика, суммарно, по некоторым оценкам, около 10–20 %.

Низко ранговые маргиналы самок совсем не привлекают. А как со средне ранговыми? С одной стороны, у них нет того набора сигналов доминанта, что делает их неинтересными для самок и не возбуждает их. С другой стороны, у них есть свои плюсы, потенциально интересные для самок. Они не столь эгоистичны, как доминанты, они более эмпатичны, а эмпатия способствует пониманию других и способствует формированию союзов (в том числе и с самками — прообраз моногамного брака), эмпатичность приводит к альтруистичности (что имеет свои выгоды), их много (в отличие от одного доминанта и немногочисленных субдоминантов), они не изнуряют себя бесконечной борьбой за статус и не имеют соответствующих рисков, порожаемых этой борьбой, и пр. Короче, группа средне ранговых самцов потенциально очень интересна. Но самки обезьян не поняли, что менее агрессивные средне ранговые самцы могут представлять для них интерес, и остались обезьянами. А самки гоминид разглядели в среднеранговых самцах особый потенциал, что повело эволюцию в сторону людей.

Правда известны ситуации, что если самец доминирует слишком долго, то самки начинают ему «изменять» с более молодыми нижестоящими субдоминантными претендентами. Адаптивность такого поведения заключается в том, что это снижает риск инбридинга (близкородственного скрещивания) у потомства. Кроме того, не лишним является заранее завоевать симпатии будущего доминанта. Принцип выбора самца по его рангу в иерархически организованной группе характерен для ближайших родственников человека — человекообразных, где он является основным.

У человека данная модель оценки и выбора самца по его статусу сохраняется в структуре палеофемининной (см. ниже) сексуальности у женщин, но стала не единственной.

Нельзя не отметить, что хотя метод оценки и выбора самца по его статусу является для самок обезьян основным, всё же в крупных стадах бывают связи между самцами и самками, основанные на неких индивидуальных симпатиях. Есть самки, которые категорически не принимают некоторых самцов, а другие самцы им почему-то симпатичны. Такие парные отношения могут быть даже довольно продолжительными, их можно расценивать как прообраз моногамности, основанной на особых, т. е. индивидуальных, предпочтениях.

Но в целом, для самок обезьян представляет интерес именно доминант, или сходные с ним по своим биологическим задаткам и пытающиеся с ним конкурировать, субдоминанты. Т. е. её интересы сосредоточены на очень узкой группе самцов. Самка оценивает и выбирает доминанта, а для остальных самцов самки оказываются «не по чину», они для самок, извините, «рылом (рангом) не вышли».

Всё сказанное о небольшом количестве гамет у самок, о тщательном выборе самого успешного самца, что требует массового их привлечении, говорит о **высокой избирательности** сексуальных предпочтений у самок (в отличие от самцов).

Кроме того, ничто не должно отвлекать самку от такого важного процесса, как выбор лучшего самца среди претендентов. Хорошая оценка и выбор должны быть неспешным, им ничто не должно мешать. Даже её собственная сексуальность. Если самка слишком сексуально возбуждима и поторопится с выбором, поддавшись своим первым сексуальным впечатлениям, т. е. вступит в копуляцию и оплодотворится, то ситуацию уже не переиграешь. А вдруг она сразу после этого встретит более подходящего самца? Т. е., собственная сексуальность самку не должна ослеплять и целиком подчинять, как нередко бывает с самцами. В отличие от самцов, сексуальная возбудимость самки не должна быть чрезмерно высокой. Её **низкая возбудимость** — это обратная сторона её высокой избирательности. Это обеспечивает успешность выбора.

Низкая сексуальность самок проявляется, в частности, в их более высокой (по сравнению с самцами) отвлекаемостью

во время сексуальных игр и копуляции. Это доказано в экспериментах [2, 22], при которых самки во время секса легко отвлекаются на еду или опасность. Но, отвлекаясь на еду, самка уже заботится о питании будущего потомства, отвлекаясь на опасность, она сохраняет себя и будущее потомство. В отличие от самок, самцы во время секса на еду или опасность отвлекаются гораздо меньше, они больше подчинены своей сексуальности, и больше рискуют.

Невысокая сексуальность самки проявляется также в том, что она привлекает самцов и провоцирует их на сексуальную активность, но сама активность должна исходить от самцов. Высокая сексуальная активность и инициативность самца (его процептивность) говорит самке о его хорошем репродуктивном потенциале, высоком гормональном обеспечении, о его репродуктивной настойчивости. Надо же самца окончательно проверить. А её собственная невысокая сексуальность, это тот барьер, который самец должен преодолеть, что тоже служит фактором полового отбора и отсева самцов (последний барьер). Исключением являются ситуации, когда у самки возникает риск не оплодотвориться. Тогда самка может снижать уровни своих претензий, снижать требования к качеству самца, снижать барьеры отбора.

Затратив энергию на привлечение, оценку и выбор самцов, дальнейшую копулятивную активность самка ждёт от самца. Высокую процептивность самца обеспечивает его высокая возбудимость. А самке высокой возбудимости не требуется. Возбуждение должно быть достаточным для способности к сексу, к принятию его. Т. е. сексуальность самок **рецептивна**.

Это же касается и вопроса о целесообразности оргазма у самок животных. Хотя вопрос о наличии оргазма у самок животных окончательно не решён, но многие специалисты [4, 21, 24] факт оргазма у самок животных отрицают. Если у самцов без оргазма не будет эякуляции, а, значит, и потомства, то оргазм у самок (и у женщин) на зачатие не влияет. Оргазм у самки не имеет репродуктивного потенциала, он у самок животных не имеет биологического смысла и нецелесообразен (в отличие

от женщин). Ведь сексуальность самки (копулятивное поведение и необходимые половые реакции) в её фертильной фазе обусловлена гормонально-индуцированными мозговыми программами, а не оргазмическим подкреплением. Т. е. гормоны включают у самки мозговую сексуально-поведенческую программу, которая носит эндогенный характер, и не зависит от наличия и качества секса. Непродолжительность периода репродуктивной сексуальности у самки не требует иного мотивационного обеспечения, кроме как гормонального. Вагинальные копулятивные ощущения, вагинальная стимуляция (заполненность), как сигнал нахождения члена в вагине, должны быть. И они дают определённое удовольствие, которое говорит о достижении самкой репродуктивной цели — копуляции. Эта обратная связь сообщает, что её сексуальное поведение эффективно. Но в этой копуляции оргазм ей не требуется (он только сбивает её с продолжения секса), и он вообще не характерен для невысокой сексуальной возбудимости. Таким образом, сексуальность самки **аноргазмична**. Для зачатия ей оргазм не нужен, сама её репродуктивная сексуальность держится на гормонах. А у самца оргазм для её зачатия (см. выше) обязателен.

Высокая сексуальная рецептивность самки автоматически должна сохраняться у неё весь потенциально фертильный период, и ничто (в том числе оргазм!) не должно мешать этой сексуальности или прерывать её. Ведь оргазм (сексуальная разрядка), снижает напряжённость сексуального желания, вплоть до желания расслабиться и отдохнуть. Оргазм сделал бы её секс дискретным, а он у самок в их короткий фертильный период должен быть непрерывным (**не дискретным**). Дискретность сексуальности у самок в репродуктивной фазе её циклического секса недопустима. Весь короткий период своей репродуктивности, самка должна быть постоянно сексуально рецептивной [2, 4, 18]. Она должна быть ненасытной и всё время хотеть копуляции, т. е. постоянно быть неудовлетворённой. Аноргазмичность заставляет её быть максимально рецептивной и готовой к копуляции весь этот недолгий период, что повышает вероятность зачатия. Т. е., при репродуктивной модели секса желание

и коитальное удовольствие (удовольствие от процесса копуляции) у самки в фертильный период целесообразны (это важно), а оргазм — нет.

В результате сохранения возбуждения и рецептивности у самки на протяжении всего её фертильного периода, самец может проводить с ней в этот период неоднократные сношения и эякуляции, не опасаясь дискретности её сексуальности. Наличие у неё постоянного желания в этот период благоприятно для зачатия. Самец-вожак у обезьян может после секса (после своего оргазма) потерять желание и интерес к самке, но у неё желание сохраняется. Этой ситуацией могут воспользоваться менее статусные самцы и вступить с ней в копуляцию. Это тоже повышает вероятность зачатия (а вдруг вожак неплодовит?). У некоторых видов обезьян все самцы стада по очереди (сообразно своему рангу) вступают в копуляцию с рецептивной самкой. Это гарантирует зачатие и снижает сексуальную агрессию самцов. Но в чём тогда конкуренция самцов? В первоочерёдности доминанта, что повышает его шансы, ну и можно вспомнить концепцию о конкуренции самцов на уровне «спермовой войны», которая приписывается приматам с промискуитетно организованным сексуальным поведением. Ещё ярче выражена сексуальная ненасытность у самок моноциклических видов с редкими эстральными циклами (а человек, к счастью, полициклический).

Ситуация подобной сексуальной ненасытности была бы невозможна, если бы самка получала оргазм, удовлетворялась и сексуально насыщалась. Такая удовлетворённость снижала бы её сексуальную мотивацию, мешала бы ей продолжать заниматься сексом, снижала бы вероятность зачатия. Конечно, можно предположить, что самка животных и оргазм получает, и не насыщается (способна на множественный оргазм). Однако, это отвергает сам характер секса у млекопитающих. Достижению оргазма предшествует сенсорная фаза, когда ощущения нарастают, копятя, и происходит преодоление порогов в центрах оргазма. Сенсорная фаза — это ощущения. Их источник: это тактильные ощущения (ласки), и генитальные ощущения.

Но у животных длительных ласк или нет, или они непродолжительны и имеют только сигнально-коммуникативный характер (обозначить ситуацию), а не как процесс накопления физиологического возбуждения. И непродолжительность фрикционной фазы сношения (длительность её вагинальной стимуляции) у животных не рассчитана на удовлетворение самки.

Биологическим смыслом длительности фрикционной стадии у животных является получение самцом достоверной сенсорной информации о том, что его член действительно оказался во влагалище. Когда сенсорная информация говорит самцу, что член уже в вагине, то ему нет смысла затягивать фрикционную стадию. Он эякулирует. Именно вагинальность эякуляции самца обеспечивает зачатие. Это тот максимум, который самец может сделать для зачатия. А при длительном сношении и энергия тратится попусту, и возрастает риск со стороны хищников. Он совсем не стремится затянуть время копуляции с целью удовлетворить самку. Важнее потратить время на сон, питание, уход за собой, и пр. Других функций, кроме как почувствовать, что член попал во влагалище и уже можно эякулировать, длительность фрикционной стадии у животных не имеет. И у приматов половой акт длится секунды. И даже самки самого сексуального среди приматов вида, т. е. женщины у людей, где наличие оргазма у женщин биологически целесообразно и предусмотрено природой (см. ниже), не способны получить оргазм при таком сексе (без прелюдий и кратковременном). Чего уж тут говорить о самках животных! Да ещё при малых размерах члена у обезьян, в отличие от мужчин (см. ниже).

Есть правда исследования, где при специальной мануальной стимуляции клитора у обезьян, у некоторых самок удавалось получить некие оргазмоподобные реакции. Но это эксперимент. А в реальной жизни самцы этих обезьян такого не делают.

Возможно, оргазм целесообразен и может иметь место у самок тех видов животных, у которых имеется не спонтанная, а «зависимая» овуляция. У приматов овуляторный цикл является менструальным и овуляция является однозначно спонтанной (не зависит от копуляции). Но при эстральном цикле, у некото-

рых видов животных имеется зависимая овуляция. У некоторых видов овуляция возникает в присутствии самца (или его обонятельного сигнала — его запаха), т. е. раз самец есть, то и секс неизбежен, можно овулировать. А у некоторых видов зависимая овуляция происходит после копуляции (например, кошки). Т. е. овуляция возникает в результате или коитальных ощущений (но оргазм ли это?), или от химических влияний (например, простогландины спермы). У таких видов сначала происходит копуляция и эякуляция у самца, а потом, когда уже имеется гарантия наличия спермы, происходит овуляция заранее созревших яйцеклеток. Не исключено, что ощущения при копуляции имеют для самок таких видов сигнальный характер, не исключено, что у них могут быть оргазмоподобные реакции, запускающие овуляцию.

Таким образом, для сексуальности самок у животных характерно:

— У приматов женский пол не является доминантным, он является **подчинённым**.

— Самки, по сравнению с самцами, имеют **более низкий репродуктивный потенциал**. Малое количество гамет требует от самок осмотрительного подхода к оплодотворению, т. е. поиска самца с хорошей наследственностью (с хорошими генами).

— Сексуальность самок животных **циклична и репродуктивна**. Она не перманентна, как у самцов, и вне периодов фертильности самка сексуально не рецептивна. Она не вызывает сексуального интереса у самца, не имеет собственного сексуального желания и не имеет технической (физиологической) возможности вступить в копуляцию. Т. е. сексуальность самок обслуживает их циклическую репродуктивность и имеет сугубо репродуктивные задачи.

— Для сексуальности самок характерны: **низкая возбудимость и высокая избирательность**, что тоже способствует эффективной оценке и выбору самца.

— Кроме того, циклическая и репродуктивная сексуальность самок с коротким периодом сексуальной рецептивности означает биологическую нецелесообразность оргазма. У самок жи-

вотных сексуальность **аноргазмична**. Т. е. в короткий период репродуктивного секса сексуальность самок **не дискретна**.

— В копулятивных аспектах у самок **сексуальность рецептивна**. В период своей фазы репродуктивности она постоянно способна и готова к сексу. Такое её сексуальное желание и возбудимость **обусловлены гормонально** (эндогенно). Когда у самок период репродуктивной активности заканчивается, они утрачивают свои функции привлечения, утрачивают сексуальную рецептивность и способность к коитальной активности, и самцы перестают воспринимать их как сексуальный объект.

— Функциями сексуальности самок (характер их сексуальной инициативы) это функции **привлечения, оценки и выбора самцов**. Сексуальный призыв самок неудержимо привлекает самцов в короткий период её фертильности и рецептивности. Функции **привлечения, оценки и выбора** обеспечивают самке: а) исключают ситуацию остаться неоплодотворённой, б) обеспечивают ей адекватную оценку и выбор наиболее генетически адаптивного самца.

Часть II. ЭВОЛЮЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Маскулинность и фемининность

Поскольку далее речь будет идти о человеке, то необходимо понимать некоторые психологические аспекты человеческой сущности, которые для нас важны. Стереотипы (стандарты) маскулинности/фемининности (психосексуальный диморфизм) — это одни из базовых характеристик личности. Они являются компонентом половой роли, которая формируется в процессе психосексуального развития (ПСР) индивида. Половая роль — это приобретение всех тех особенностей (внешность, одежда, поведение, мимика, моторика, психология, система предпочтений, жизненные приоритеты, и пр.), что позволяет окружающему социуму воспринимать индивида, как представителя конкретного пола.

Включение в дефиницию ссылки на конкретный социум, ясно говорит о социально-психологических влияниях на формирование стандартов маскулинности/фемининности. Но некоторые проявления половых ролей совпадают во всех социумах. Например, физическая агрессивность считается более характерной для мужского пола, (исключение — воинственные амазонки греческих мифов). А независимость признака от социума, означает зависимость его от биологии. В целом, идет много споров о том, что заложено генетически, а что социовоспитательно. Считается доказанным, что у мужчин биологически запрограммировано пространственное мышление (ориентация), а у женщин — вербальные способности. Во всем остальном вопрос пока не решён.

Но нам представляется, что это и неважно. Подход не должен быть столь альтернативным. Природа закладывает не гото-

вые программы, а только биологические предпосылки к ним. Далее они должны социализироваться и получить завершенность по мере индивидуального развития (онтогенеза). Биология задаёт только вектор развития и диапазон допустимой вариативности. Как, например, прямохождение: если ребёнка не учить ходить, то он так и будет передвигаться практически на четвереньках. Т. е. его биологические предпосылки для прямохождения не разовьются в зрелый навык прямохождения. Так же и с речью. Биологические предпосылки для речи у человека есть, но без обучения он разговаривать не будет. С другой стороны, без биологических предпосылок к чему-либо, одних только социально-воспитательных усилий будет недостаточно. Четвероногих животных, как ни учи прямохождению и речи, не научишь. Даже если их научить ходить на двух лапах (как в цирке), по своим делам они, всё же, побегут на четырёх.

Носитель пола должен одеваться, двигаться, выглядеть, вести себя, думать, жить и дышать так, как этого требует половая роль с соответствующими ролевыми стандартами. От каждого индивида идёт поток информации (полоролевые сигналы), которые говорят о его половой роли. Окружающие осознанно/бессознательно оценивают эти сигналы и определяют: а) пол носителя, б) качество его половой роли. Соответствие половой роли стандартам может быть высоким, и всем сразу ясно, что это «настоящий мужчина/женщина». Соответствие может быть не идеальным, что приводит к более низкой оценке носителя пола. Если уровень соответствия совсем низкий, то полоролевые качества индивида оцениваются очень низко, вплоть до сомнений в его половой принадлежности. Часто это порождает неосознанную негативную реакцию окружающих. Как всегда, требования к мужчинам в этих вопросах более жёсткие.

К полоролевым стандартам маскулинности относятся: активность, агрессивность, самоуверенность, сила, состязательность (конкурентность), властность, доминантность, настойчивость, эмоциональная сдержанность, инструментальность (тяга к инструментам: машины, оружие и пр.), авторитарность, пространственная ориентация (мужчины держат карты мест-

ности севером вверх, и переворачивают их сообразно местности у себя «в голове», а женщины стараются расположить карту сообразно местности), ориентация на формализацию статуса (ранга), и т. д.

К полоролевым стандартам фемининности относятся: альтруизм, эмоциональность, эмпатия, мягкость, конформность, умение договариваться и находить компромиссы, хорошие вербальные способности, разговорчивость, подчинённость, неформальность статусных отношений, и т. д. Спектр проявлений женского альтруизма варьирует в определённой жертвенности (ради мужа — те же декабристки), вплоть до бесконечно длящегося стремления «спасти мужа алкоголика», хотя всем уже ясно, что это совершенно бесперспективно. Про жертвенность ради детей тем более ясно.

Перечисленные мужские и женские стандарты были заданы биологией, т. е. имеют врождённую инстинктивную основу, но далее продолжены и окончательно развиты в процессе социализации мужчин и женщин. Соответственно, их реальное воплощение может варьировать в зависимости от социо-культуральных факторов.

Безусловно, психология много занималась вопросами полоролевых проявлений и стандартами маскулинности/фемининности. Личность, независимо от пола, имеет зачатки обеих половых ролей, различной степени выраженности. Терминологически это: маскулинный и фемининный личностные радикалы, или мужские/женские субличности, или мужские/женские части личности. Можно пользоваться любыми из этих синонимических терминов. В норме, личностный радикал своего пола преобладает, а радикал противоположного пола дополняет его. Но дополняет его в разной степени, иногда почти с ним сравниваясь по выраженности, или даже несколько преобладая (полоролевые девиации и акцентуации), или трансформируясь (например, транссексуализм). Например, женщина с выраженным маскулинным радикалом личности, или с девиацией (маскулинизацией) половой роли, или с маскулинной акцентуацией. Наличие противоположных полу радикалов (девиаций, ак-

центуаций, субличностей) может или гармонично дополнять собственные полоролевые характеристики, усиливая личность и делая её бипотенциальной, или эти части личности не могут гармонично сочетаться, раздирая личность и порождая невротический конфликт (невротизируя личность вплоть до неврозов и депрессий). Т. е. наличие даже выраженных полоролевых акцентуаций это не патология сама по себе. Главное, есть ли комплиментарное и гармоничное взаимосочетание всех субличностей. А в партнёрстве это может или конгруентно совпадать с ролевыми особенностями партнёра, гармонизируя отношения, или сочетаться неконгруентно, дисгармонизируя отношения и создавая ситуацию полоролевого конфликта в паре.

В целом, у людей маскулинность/фемининность это не жёстко дихотомические и конфронтирующие характеристики по типу: или одно, или другое. Чаше это континуально-альтернативные характеристики, когда происходит их сочетание по типу: больше одного, меньше другого. Но бывают индивиды, где обе половые роли выражены слабо, обе малодифференцированы, не развиты. И бывают индивиды, успешно сочетающие высокие маскулинные характеристики (мужское — андрос) с высокими фемининными (женское — гинос) — **андрогинный тип** полоролевой организации личности. Андрогинность, как «два в одном», даёт максимальную адаптивность индивиду (если не порождает внутренних и партнёрских конфликтов).

Психологических теорий, связанных с сексуальностью и ролями, великое множество. Но они именно психологические. Они не рассматривают данные психологические характеристики в эволюционно-биологических аспектах, не рассматривают их сквозь призму антропогенеза. Но нам интересна связь психологии сексуальности с эволюцией, с биологией, с инстинктами, с тем, что выявлено в исследованиях по антропогенезу и этологии. В биологии тоже имеются различные концепции, окончательной картины нет. Безусловно, интересна концепция «примативности» личности (А. И. Протопопов), которая касается различных аспектов поведения и бытия человека, его психологии и сексуальности.

Примитивность (первичность) означает первичность и преобладание биологических инстинктивных установок и программ поведения у личности, над их (по мнению автора) антиподом — социально-обусловленной психологией и поведением. Если психика индивида преимущественно обусловлена инстинктами, то это высоко примитивный индивид. Если в психике индивида преобладают социальные детерминации, т. е. от биологии он как бы зависит меньше, то это малопримитивный индивид. При этом считается, что высокопримитивный индивид является агрессивным, эгоистичным, стремящимся к доминантности (что как бы инстинкты), а малопримитивный индивид автоматически является более эмпатичным и альтруистичным, предпочитающим конкуренции сотрудничество (что как бы не инстинкты).

Безусловно, биология и её психологические и поведенческие детерминанты являются эволюционно древними. Обезьяноподобные виды существуют более 20 млн лет, с шимпанзе ранние гоминиды разошлись 6—8 млн лет назад, до австралопитеков дело дошло около 4,2 млн лет, люди как вид появились около 2,4 млн лет. А сапиенсы (т. е. мы) появились в Африке 180—200 тыс. лет. Как мы видим, период животного существования и господства биологических инстинктов весьма продолжителен. Поэтому инстинкты генетически заложены и отшлифованы очень прочно, так просто с ними не расстаться. А социальные детерминанты слабы. Кроме того, инстинкты у людей, благодаря длительному общему прошлому, соответствуют таковым у обезьян и ранних гоминид.

При всей значимости данной концепции хотелось бы обсудить и её недостатки. Например, у автора явно прослеживается позиция сексизма. Да, доминирующий пол у людей, пра-людей, и обезьян мужской. У автора часто звучит, что самки самцов обслуживают, что самцы самок используют, и пр. Такие позиции явно оценочны. Ведь можно сказать и ровно наоборот. Самки для своих целей используют самцов. Ради материнского инстинкта они используют самцов для оплодотворения, а чтобы получить лучшие гены, они вынуждают самцов конкуриро-

вать (за самок), используя свои функции привлечения (свои «женские чары»), они привлекают многих самцов, но выберут одного, «коварно обманув» всех остальных, и пр. Два пола, это две равнозначные стороны одной медали, оба пола одинаково важны для сохранения вида и его эволюции, различны только их функции.

Или, автор противопоставляет инстинктивность и социальность. Высокая примативность воплощает генетически заданные (врождённые, биологические) установки и поведение, а низкопримативность воплощает и является результатом социально-воспитательных факторов, без участия инстинктивно-биологических программ (иначе, опять получится примативность). Конечно, чем больше человек социализировался, создавая новые установки, отношения, модели поведения, новую среду обитания, тем меньше он зависел от биологии. Социализация снижает степень биологических влияний, начинает играть определяющую роль (варьируя в пределах, не угрожающих биологической жизни человека). Но когда-то всё только началось, социальные механизмы только зарождались, они не были самодостаточными, тем более, они не могли опираться на пустоту. И они опирались тоже на биологию, но на некую новую биологию, которая только зарождалась. Т. е. не на эгоистично-агрессивно-доминантную и гаремно-организованную биологию вида, а на некую альтернативную альтруистично-эмпатично-эгалитарную и моногамно-организованную биологию вида. Но зависимость от биологии, теперь уже от альтернативной биологии, по сути, тоже следовало бы назвать примативностью (примат биологии), только уже другой примативностью (зависимостью от других инстинктов, от другой биологии).

Но на какую новую биологию опиралась социализация человеческого вида? На биологические предпосылки к способности развить **модель горизонтальной интеграции и коллективизма** в организации стада (вопреки вертикально-доминантной модели). Эти биологические предпосылки возникли у человека и обусловили способность человека к сотрудничеству в рамках горизонтального взаимодействия. Принцип коллективизма оз-

начает: наличие общих интересов и некой эгалитарности, понимание и учёт чужих потребностей, помощь, альтруизм, договорность, и пр. Выживать всем за счёт единства и сотрудничества (коллективизма) оказалось эффективнее, чем за счёт индивидуальной конкуренции за статус. Данная новая горизонтальная модель дополнила прежнюю **модель вертикальной интеграции** стада с её агрессивной и эгоистичной конкуренцией за статус в иерархии, во многом её подкорректировала, и, опираясь на новые биологические предпосылки, человек начал социализироваться. А у обезьян эти биологические предпосылки не возникли, и они не смогли социализироваться. Без соответствующих биологических задатков их этому не научить, даже пытаясь социализировать их специально с помощью человека.

Недоучёт этой новой биологии, predisposing к социализации, проявляется у автора отсутствием позитивного термина для её обозначения. Для альтернативы термину «высокая примативность» (биологичность), автор, для обозначения преобладания «социальных мотивов» в психологии и поведении особи, использует негативный (от обратного) термин: «низкопримативность». Низкопримативность означает, что человек а) мало зависит от инстинктов и сиюминутных эмоций, и б) в основном зависит от социально-воспитательных установок и от рациональных мотивов. Но применение негативных определений обманчиво. Низкопримативность (независимость от инстинктов) совсем не гарантирует высокую социальную детерминацию его психики и поведения. Самый низкопримативный (малоинстинктивный) человек совсем не обязательно окажется эмпатичным, альтруистичным, рационалистичным, порядочным, и вообще «высокодуховным», чему социум людей учит. Т. е. низкопримативность (как негативный термин) — термин недостаточный. Настоятельно требуется позитивный термин, говорящий о новой биологии у человека, и о новых био-психологических особенностях его личности.

Концепция частичной (дополняющей) транссексуализации полов (андрогинности полов)

Разделяя взгляды на влияние биологически-инстинктивных программ на поведение человека (включая его сексуальное поведение), мы хотим рассмотреть эти концепции с точки зрения врача-сексолога. Клиническая медицинская сексология имеет свои знания, которые могут выпадать из поля зрения специалистов-биологов (эволюционистов, антропологов, этологов и пр.). Хотелось бы, чтобы данные клинической сексологии тоже были интегрированы в картину эволюции человека. Естественно, говоря о биологии и социализации, мы не противопоставляем эти аспекты. Мы неоднократно подчёркивали, что социализация человека продолжает усилия биологии человека (её вектор) своими социальными средствами. Социализируются как эгоистично-агрессивно-доминантная и гаремно-организованная биология, так и альтруистично-эмпатично-эгалитарная и моногамно-организованная биология вида. Против биологии не пойдёшь, иначе — вымирание вида.

Соответственно, изменения психики, поведения и сексуальности человека (по ходу его социализации), базируются на изначальных изменениях именно биологии, с последующими механизмами отбора по критерию целесообразности. У человека появляется эволюционно новая биология, которой нет у животных. Она приводит к соответствующим изменениям психики, поведения и сексуальности (к появлению новых половых отношений и новых функций сексуальности). Эти изменения оказываются целесообразными, начинают накапливаться, шлифоваться и закрепляться. Биологические предпосылки к социализации человека, появившись, воплощаются, формируют человека как социальное существо, и социальность человека подхватывает и совершенствует эти эволюционные цели своими методами. При этом социализация у человека определена не генами, как у «социальных» животных (муравьи, термиты, пчёлы и пр.), а генетически заданными психологическими особенностями, способствующими социализации. Отсюда наличие разных вариантов социализации и разных культур.

Новые межполовые взаимодействия включают соответствующие изменения **у каждого из полов** в их психологии, сексуальном поведении, в особенностях сексуальности. В основе понимания этой новой биологии секса лежит предложенная нами **концепция частичной (дополняющей) транссексуализации** полов. Т. е. эта новая биология у каждого из полов не берётся из пустоты, не изобретается эволюцией «с нуля», а берется там, где это уже есть, т. е. у противоположного пола. Происходит перекрёстная транссексуализация полов, приводящая к появлению **новых (для каждого из полов) биологических инстинктивных программ**. У женщин появляются аналоги мужских биологических программ, а у мужчин — женских. Они служат биологической предпосылкой дальнейшей их социализации. Социализируясь, новая биология окончательно воплощается в социально-психологических ролях и стереотипах маскулинности/фемининности, в личностно-психологических особенностях пола и его сексуального поведения, в особенностях самой его сексуальности. Говоря психологическим языком, **дополняющая транссексуализация** полов приводит к появлению феномена **андрогинности** (см. выше). Андрогинность означает суммирование мужских и женских особенностей личности и полоролевых стереотипов у одного индивида. Т. е., естественная психология и сексуальность **собственного пола частично дополняется мозговыми программами, психологией, поведением и сексуальностью другого пола**. Но в данном контексте транссексуализации полов феномен андрогинности проявляет себя уже не только на индивидуальном уровне, а на уровне всего пола.

Результатом такой эволюции стало то, что у людей к филогенетически более древней сексуальности (**палеосексуальности**) прибавилась новая сексуальность (**неосексуальность**). А в отношении психологии можно говорить о **палеотропности** психологии (она тропна древним инстинктам и биологии ещё ранних гоминид и обезьян), и о **неотропности** психологии (она тропна новым биологическим программам человека, и связана с частичной транссексуализацией мозга у людей). Каждый пол получил двойные ресурсы, т. е. стал более андрогинным, стал би-

потенциален. И по каждой из этих биологий можно быть высокопримативным (зависимым от биологических инстинктов), но каждая из этих примативностей будет отражать свою биологию.

Предпринято всё это природой, чтобы как-то интегрировать и иерархически-организованные (вертикальные) и коллективистски-организованные (горизонтальные) модели жизни стада для адаптации и выживания в рамках одного биологического вида.

В чистой психологии, не «запятнавшей себя биологизацией», подобные модели отношений представлены в транзактном анализе Э. Берна [5]. Интеракции по типу «Родитель — Дитя» означают иерархические доминантно-субмиссивные отношения. Непересекающиеся интеракции означают гармоничный (реципрокный, конгруэнтный, комплиментарный) характер таких отношений. Эго-состоянию «Родитель» у одного, соответствует эго-состояние «Дитя» у другого. Пересекающиеся интеракции означают негармоничный (неконгруэнтный) характер интеракции, когда эго-состояния взаимодействующих лиц не совпадают. Кто-то кого-то ставит в подчинённую роль, возникает конфликт. Выход из него — психотерапевтический перевод пересекающейся вертикальной интеракции в горизонтальную (по типу «Взрослый — Взрослый»). И это очень символично: от палеотропной вертикальной модели — к неотропной горизонтальной модели взаимодействия.

Интересно, как люди обычно стремятся трактовать разные личностные проявления. Чуткость, сопереживание, доброта, честность, порядочность, и всё подобное «высокодуховное» — это как бы совсем не связано с биологией, это привито обществом и воспитанием. А агрессивность, злобность, жестокость, коварство, нечестность, эгоизм — это всё «низменные инстинкты». Прямо-таки доктор Джекил и мистер Хайд. И спрятаны в Хайде (Хайд — это прятать) ужасные животные инстинкты. Но без соответствующей биологии человек и высокодуховным не будет. Реально: доброта, понимание, сопереживание, помощь — тоже имеют инстинктивную врождённую базу. И обе биологические программы должны далее социализироваться:

как вертикальные агрессивно-доминантные, так и горизонтальные эмпатично-договорные.

Почему в одной семье и в одной среде (одинаковый микро- и макро-социум) дети могут быть совсем разными? Потому, что у них мозг биологически может быть разным. Может быть, способность сопереживать (эмпатия), из которой проистекает доброта, жертвенность, забота, понимание и другие производные, определяется всего-навсего количеством зеркальных нейронов мозга? Как ни воспитывай животное, честного и порядочного человека не получится — не та биология. «Совсем не та» в примере с животными, «немного не та», при разговоре о различиях у людей.

Взять хотя бы переход женщин к нециклической и оргазмической сексуальности с её функциями психологического симбиоза. Одной социализацией и воспитанием вопрос не решить. Для этого женщинам нужна другая биология. Прежде всего другой (не циклический и способный на оргазм) мозг, как у мужчин, другая физиология секса. Или, например, переход женщин от циклического обонятельного привлечения самцов, к стабильному визуальному — это тоже потребовало новой биологии (отказа от телесного оволосения, развития внешне заметных телесных форм женщины). Всё это одними социально-воспитательными влияниями не решить, это уже новая биология и мозга, и тела (его анатомия и физиология).

Посмотрим на агрессивную преступность. У преступника мужчины мы объясняем его криминальность его древними инстинктами (высокопримативный, палеомаскулинный агрессивный мужчина). И вообще саму агрессивность мужского пола, как проявление стереотипов маскулинности в целом, тоже связываем с мужской биологией. Но, как правило, общество специально агрессивному и криминальному поведению этого мужчину учило, оно прививало ему идеи добра. Вот и остаётся — свалить всё на инстинкты, что очень удобно. Но как тогда быть с преступницей женщиной? Или даже с просто агрессивной женщиной. Ведь общество её такому тем более не учило, это не женская социализация. Но и на «женские» инстинкты при этом

не сошлѣшься, поскольку высокопримативная женщина по своим женским инстинктам субмиссивна и не агрессивна. Парадокс получается. Мы же считаем, что при частичной транссексуализации им просто досталось больше мужского мозга, чем другим женщинам. У них появились не свойственные женщинам мужские биологические программы: агрессивность, конкуренция, статусность, стремление к власти. Таковы проявления частичной транссексуализации (конкретно — частичной маскулинизации) мозга у женщин. Т. е. мы всё же в своих трактовках данного примера исходим из биологии, но уже не из палеофемининной, а из её новой парамаскулинной биологии.

У женщин базовые уровни половых гормонов регулируется по механизму обратной отрицательной связи: повышение уровня половых гормонов влияет на гипоталамус, и он снижает выработку этих половых гормонов. Но на этот базовый уровень накладываются циклические изменения, которые уже регулируются методом положительной обратной связи: в предовуляторный период нарастание эстрогенов не тормозит уровень лютеинизирующего гормона (ЛГ), а повышает его, в ответ уровень эстрогенов возрастает ещё больше, что ещё больше стимулирует выработку ЛГ, и т.д. Лавинообразно, как цепная реакция, возникает предовуляторный пик эстрогенов и ЛГ. В мозге мужчин таких механизмов положительной обратной связи нет. Но они отмечаются, как парадоксальная реакция, у некоторых транссексуальных и гомосексуальных мужчин. Вообще, работая с транссексуалами, не перестаёшь удивляться, насколько они поведенчески переоплавлены из своего биологического пола, в желанный (личностно-психологический) пол. Имитацией и подражанием этого не объяснить. Явно воплощены биологические поведенческие мозговые программы их личностного пола.

Но транссексуализм — это крайний вариант транссексуализации мозга, это уже патология (нарушение половой идентичности). При этом человек изначально осознаёт себя лицом другого (не своего биологического) пола. Близки к нему некоторые (трансвеститно-трансролевые) варианты гомосексуальности. При этом человек формально осознаёт себя лицом своего био-

логического пола, но на уровне предпочтений он нам скажет, что если выбирать, то он предпочёл бы родиться лицом другого пола. Хотя идентичность при этом не нарушена, но эти мозговые особенности проявляют себя в характере сексуальной ориентации (лицо своего пола). Однако, такие индивидуальные варианты мозговой дифференцировки (транссексуализации мозга) не соответствуют уровню нормальной для человека транссексуализации каждого их полов.

При частичной транссексуализации эволюция добавила мужчинам элементы женского мозга (в их психологии, поведении, сексуальности), а женщинам — элементы мужского мозга (в их психологии, поведении, сексуальности). Но не чисто механически, не абсолютно тождественно, а переработав и адаптировав («подогнав по фигуре»). В результате у каждого пола появилось две составляющих их сексуальности. У мужчины его естественная и эволюционно древняя маскулинизация мозга (его палеомаскулинная составляющая), дополнилась частичной феминизацией его мозга, его мозг стал не стопроцентно мужской. Т. е. появилась парафемининная составляющая мужского мозга (пара — около, рядом, параллельно, т. е. подобная женской). Она включает элементы поведения, реагирования, психологии и сексуальности, свойственные женщинам. А у женщин их естественная и древняя феминизация мозга (палеофемининная составляющая) дополнилась частичной маскулинизацией мозга, её мозг стал не стопроцентно женский. Добавилась подобная мужской парамаскулинная составляющая женской психологии и сексуальности. Это и есть частичная дополняющая транссексуализация полов, служащая биологической базой для нарастающей андрогинности психики. А у обезьян мозг остался стопроцентно или мужским или женским, и эволюция застопорилась.

Как уже было сказано, дополняющую транссексуализацию мозга нельзя путать с таким расстройством личности, как транссексуализм. Однако, думается, механизмы частичной транссексуализации соответствуют таковым при транссексуализме. Но выражены они в меньшей степени и находятся в нормаль-

ном диапазоне транссексуализации каждого из полов. А транссексуализм — это вышедший из под контроля процесс естественной частичной транссексуализации. Этиологию данного нарушения связывают преимущественно с биологией, а именно с нарушением половой дифференцировки мозга. Изначально плод и его мозг не дифференцированы (бипотенциальны). У девочек половая дифференцировка тела и мозга происходит автоматически (задана женским генотипом), без дополнительных усилий. У мальчиков для дифференцировки тела и мозга по мужскому типу генных факторов не достаточно. Для половой дифференцировки у мальчиков нужен ряд дополнительных (аддивных) факторов. В отношении половой дифференцировки мозга у мальчиков основным аддивным фактором развития является тестостерон. Он влияет на половую дифференцировку мозга в период с 20 по 32 недели. В результате, нормальный ребёнок рождается не только с мужским или женским телом, но с соответствующим мужским или женским мозгом. Далее это служит биологической базой для дальнейшей социализации (психосексуального развития) ребёнка.

Но если гормонов у плода мальчика не хватало, то половая дифференцировка мозга нарушается. Без аддивного фактора (тестостерона) развитие мозга автоматически идёт по женскому типу, и рождается мальчик-транссексуал (из мужчины в женщину: male to female — MtF). А если у матери девочки, при соответствующих периодах беременности, внепланово появились тестостерон или подобные ему надпочечниковые андрогены, то они становятся аддивным фактором и маскулинизируют мозг плода девочки. В итоге рождается девочка-транссексуал (из женщины в мужчину: female to male — FtM). Далее у такого ребёнка начинается конфликт между его генетическим/соматическим полом и противоположно сформированным мозгом, между нормативными требованиями семьи и социума с его аутоидентификацией.

Но за счёт чего мальчику может не хватить тестостерона, а у девочек тестостерон (или другие андрогены) может появиться? Велика роль стресса. Стресс — это активация симпато-ад-

реналовой системы. И гормоны надпочечников, в том числе надпочечниковые андрогены, будут при стрессе у матери возрастать. Тестостерон и надпочечниковые андрогены — это стероидные гормоны, и они похожи. Но полностью не идентичны. По сравнению с тестостероном, надпочечниковые андрогены гораздо слабее и замещают тестостерон не в полной мере, их эффекты не идентичны. У плода мальчика стрессовые надпочечниковые андрогены вступят в конкуренцию с тестостероном, будут захватывать рецепторы к тестостерону и вытеснять его с них, снижая его тканевые эффекты. Возникнет эффект тканевого дефицита тестостерона. Это снизит маскулинизацию мозга и, соответственно, автоматически начнётся его феминизация. А у плода девочки, где для феминизации мозга никакого тестостерона вообще не предусмотрено, эти надпочечниковые андрогены, хотя и относительно слабые, всё же окажут на мозг девочки маскулинизирующий эффект.

Таким образом, стресс в определённые периоды беременности может нарушать половую дифференцировку мозга. Можно предположить, что в критический период выживания человеческий вид находился в длительном периоде стресса и усиленной видовой адаптации. Стресс влиял и на беременных женщин. В этих условиях мобилизация гормонов стресса для адаптации вида (особенно надпочечниковых андрогенов) стала влиять на половую дифференцировку мозга рождающихся детей. Но не в виде такой выраженной патологии, как транссексуализм, а в более мягких вариантах. Она именно а) частичная и б) дополняющая, по отношению к нормальной базовой (соответствующей генотипу) половой дифференцировке мозга. Оказалось, что приобретение новых признаков повышало выживаемость, это стало шлифоваться и закрепляться отбором. У мужчин частичная феминизация снизила внутривидовую агрессию, повысила способность мужчин к сотрудничеству, и т. д. У женщин частичная маскулинизация их мозга обеспечила переход женщин к перманентной сексуальности со всеми её новыми функциями, что обеспечило вовлечение практически всех (прежде свободных) половозрелых самцов в репродуктивное

поведение с заботой об идентифицированном собственном потомстве. Это улучшило выживание потомства и возможность его более длительного взросления (в результате — длительного обучения). В результате частичной транссексуализации полов человек приобрёл «двойную силу» (бипотенциальность), силу каждого из полов, и выжил.

Но некая конкуренция между двумя этими аспектами психики и сексуальностями имеется. Иногда приобретая вид внутреннего конфликта. Раздираемая невротическим конфликтом личность становится нестабильной и противоречивой. В чрезмерно выраженных вариантах дополняющая транссексуализация может восприниматься как некая личностная патология. Тем более, если такие мозговые задатки были усугублены воспитанием. Например, слишком феминизированный мужчина, или чрезмерно маскулинизированная женщина. Это можно даже выразить как диагноз, по типу: «маскулинная акцентуация» у женщины, «фемининная акцентуация» у мужчины [3].

Хотя такая частичная транссексуализация характерна для каждого из полов, но, с нашей точки зрения, женщины в этой частичной транссексуализации мозга преуспели больше, и изменились в эволюционном плане гораздо больше мужчин. Конечно, поиск новых генетических признаков возложен на мужской пол. Но в определённый момент, когда признак доказал свою целесообразность, он начинает аккумулироваться в женской части популяции. Первая «генетическая праматерь» человечества собрала все придуманные и проверенные мужчинами гены в единый базовый генофонд человеческого вида. Мужчины экспериментировали и искали новые гены, но сапиенсы как вид появились тогда, когда женщины собрали и включили в свой генофонд эти новые гены, передав их потомкам.

Возможно, что большая эволюционная динамика со стороны женщин связана с их менее специализированным (более гибким), по сравнению с мужчинами, мозгом. Имеется в виду меньшая степень функциональной асимметрии мозга, т. е. специализации полушарий. Или, способствующим этому фактором может быть более широкий «диапазон нормы признака» у жен-

щин, т. е. диапазон, в котором варьирует признак, оставаясь нормальным [6]. Т. е. мозг женщин менее дифференцирован, и это могло служить благоприятной биологической предпосылкой для их более динамичной эволюции в направлении частичной дополняющей транссексуализации мозга.

Частичная транссексуализация полов привела к новым межполовым и внутриполовым отношениям.

Новые межполовые и внутриполовые отношения

В периоды глобальных гео-климатических изменений (замещение лесов саваннами) вымирали целые виды. И вид человека был на грани. Но выжил. Пришлось постараться. Во-первых, на первое место вышла необходимость усиленно сохранять самок (их биологическая значимость, они продолжают род). Во-вторых, необходимость усиленно сохранять потомство. В-третьих, самцам пришлось поменьше конкурировать и биться за статус и гарем, а научиться сотрудничать на благо популяции. Одному, даже самому адаптивному самцу доминантному с этими задачами не справиться, он слишком «заточен» под вертикальную агрессивно-доминантную модель.

Соответственно, новые задачи по усиленному сохранению самок и потомства, по сотрудничеству для общего блага, требовали новых самцов. Т. е. самцов, предрасположенных к заботе и сотрудничеству. Такие самцы должны были: а) появиться, б) должны быть замотивированы на заботу и сотрудничество. И какие-то самцы стада оказались на это способны. Стала возникать модель бартера «секс в обмен на продовольствие (на заботу)». Некоторые самцы стали самок подкармливать, получая за это секс. Поначалу проявление заботы (подкормить самку) делалось тайно, вне поля зрения доминанта, на периферии группы. Конечно, в глазах самки, с лидером и с его харизмой доминанта никто не мог сравниться. Все её сексуальные желания персонифицированы на нём. И пускай секс с ним бывает редко (только в фазу её фертильности), зато это секс именно с ним.

Когда вид хорошо адаптирован, когда самки не выживают, а живут, то такая модель вполне достаточна.

Но когда самки не живут, а выживают, ситуация меняется. И если вдруг не доминант подкармливает её, то разве откажешься? И уже этот самец тоже кажется «таким милым». Её оправдывает то, что этот самец, посягнув на право доминанта (владение дефицитными ресурсами и право подкармливать фертильную самку), сам стал в этот момент похож на доминанта. Хотя реально он не доминант, а просто «разжился пищей» и почувствовал желание ею поделиться. Но в момент её кормления, она реагирует на него как на доминанта. Т. е. отвечает на его внимание сексом.

Такой самец, когда он подкармливает самку, сам ощущает себя более статусным самцом. На обыденную пищу (листья и плоды) никто не претендует. Но на дефицитную пищу (например, мясо) претендует доминант, который имеет право её распределять. Уподобляться доминанту и самому приятно, и самку можно соблазнить (получить секс), и потомство произвести. А так как это уже его дети, то резко ускорился эволюционный отбор по фактору заботы. Самки стали выбирать не только самых доминантных, но и самых заботливых. Когда заработал новый вид доступа к самке, через заботу о ней, то гены этих самцов стали передаваться потомкам, так как обеспечивали выживание самок и потомства. Заботливые самцы стали накапливаться в популяции. И чем самец был заботливее, тем он был предпочтительнее. И чем он был заботливее, тем лучше выживало его потомство (его гены). Тем более, когда он стал специально заботиться о собственных персональных детях. К вектору отбора по силе-агрессивности-доминантности добавился вектор отбора по фактору заботливости, который требовал новых качеств у самца.

Чем больше помощи для самки, тем вероятнее выживание. В самые голодные времена приходилось даже объединять усилия нескольких самцов. Т. е. «они ей пищу, она им секс». Возникли **полиандрийные** модели отношений. Скорее всего, с этого моногамность и начиналось. Ведь законному гневу обманутого

доминанта одному самцу-претенденту противостоять было трудно, а в союзе с самцами напарниками можно. Т. е., способность к горизонтальному сотрудничеству самцов тоже стала передаваться потомству. Объединившись, они смогли отстоять для своего альянса общую самку из хозяйского гарема. В итоге, и ей стало хорошо (кормление и забота), и самцы получили сексуальные радости, а иные из них и передачу генов потомкам. В гареме при одном доминанте для неё такой заботы не было. Хотя, при взгляде на непревзойдённого доминанта, сердце её, конечно, сладостно замирало.

Но для того, чтобы отдавать секс в ответ на продовольствие и быть способной на поощрительное спаривание, самке надо быть способной на секс не только в период фертильности. Способность к перманентной (как у самцов) сексуальности стала зарождаться у самок ещё в гареме. Самки, у которых дольше длился сексуальный период (сексуальный сигнал и способность к сексу) дольше находились в зоне внимания и заботы доминанта. Хотя от доминанта заботы было немного, но даже это помогало выживать. И отбор пошёл в сторону продления фазы сексуальной рецептивности. Самки в гареме по-прежнему поочередно овулировали, оставаясь фертильными циклически, но учились способности всё дольше не выпадать из секса. Они учились сохранять сексуальную привлекательность и рецептивность всё более долго, т. е. уже не будучи фертильными, а только притворяясь ими. В зачаточном виде этим стали овладевать обезьяны верветки, продлевая видимость фертильности и свою сексуальную способность на часть своей беременности. Это обеспечило им возможность к поощрительному спариванию.

Из этого: а) доминанту стало всё более трудно справляться со своими сексуальными обязанностями: вместо поочередного секса с самками в период овуляции, надо заниматься сексом со всеми внешне фертильными самками, б) он стал менее ревнив и менее щепетилен к сексуальным пронкам других самцов и к неверности своих самок, в) снизилась возможность и степень его контроля за этими как бы фертильными самками, попробуй за всеми уследи, г) самки получили больше свободы, им уже

не грозила взбучка за вольности, и они этим воспользовались, получая заботу от других самцов, и выживая.

Таким образом, новые методы доступа к самке (через заботу) у самцов, и новые возможности (переход к перманентной сексуальности) у самок, оказались двумя встречными векторами эволюции самцов и самок. Но в результате стала эволюционировать сама сексуальность, меняя методы взаимодействия полов, отделяя сексуальность от репродукции, прибавляя к сексуальности новые функции, меняя саму физиологию сексуальности, и пр. Например, к функциям «привлечения, оценки и выбора самцов», у самок добавились функции «удержания и управления самцом» (чего нет у самок животных). Если эволюцию отхода от гаремной организации сексуальных отношений можно назвать революционной, то это первая сексуальная революция в истории человека. На смену пришёл моногамный или полигинный (но с малым количеством самок) вариант брака. По сути, полигинный (но с малым количеством самок) брак лучше называть олигогинным браком. Такой брак по психологии отношений ближе к моногамности, чем к настоящей полигамности, когда количество самок в гареме не лимитировано (см. ниже).

К отбору самцов по фактору заботы прибавились и другие факторы.

Эволюционная задача: «Чтобы выжить — надо сотрудничать» опёрлась на биологические возможности (изначально зачаточные) некоторых особей к сотрудничеству. Забота о самке — это, кстати, тоже вариант сотрудничества, как и сотрудничество с другими самцами (их альянс) против доминанта за изъятие самки из его гарема. Способность к сотрудничеству опирается на наличие соответствующих психологических особенностей. В целом, эти особенности (эмпатия, понимание другого, альтруизм, сотрудничество вместо конкуренции) изначально были более характерны для женского мозга, они помогали им выращивать детей. Но для горизонтального сотрудничества они потребовались и мужчинам. Появился новый вектор отбора по способности самцов к сотрудничеству (а не только по конку-

ренции). И биология на это откликнулась. Особи, более способные к горизонтальной интеграции, носители «генов сотрудничества», стали накапливаться в группах. Эти группы за счёт использования сотрудничества лучше выживали (групповой отбор). Степень выраженности биологических предпосылок к взаимопониманию, договорности и коллективному сотрудничеству стали усиливаться, развиваться и эволюционировать. Добавился ещё один вектор эволюции: способность к горизонтальной интеграции, повышению коммуникации, эгалитарности (в противовес иерархичности) в группе. Это потребовало больших биологических изменений, в том числе и в сексуальной жизни (см. ниже).

У обезьян только матери кормят своих малых детей. А взрослые кормятся сами, наелся — отдыхай. А как там другие взрослые — никого не волнует. Но если самцу ради секса надо ещё и самку накормить, да ещё и её потомство, то какой там отдых. Только успевай подносить. Самки существа очень «заботоёмкие», а уж с детьми и подавно. Даже современные отцы семейств об этом знают не понаслышке. Инвестиции родителя-самца в потомство у гоминид резко возросли. Для этого пра-мужчинам пришлось много работать, много думать, стать настойчивыми и целеустремлёнными. Как найти пищу, с помощью каких орудий надо успешно наковырять корней и поохотиться, как придумать и сделать эти орудия, как объединить усилия для делания орудий и охоты (сотрудничество), как договориться о взаимодействии на охоте и пр. Из невербальной коммуникации стала формироваться речь.

В результате расширения доступа к самке не только доминантов, но и способных на сотрудничество и заботу самцов, потомству стали передаваться не только гены агрессивно-конкурентных самцов, стали передаваться гены **разных** самцов: и умных, и изобретательных, и старательных (настойчиво трудолюбивых), и сотрудничающих, и всяких других, чьи качества помогали этим самцам победить других заботливых самцов в конкуренции по фактору заботы. Отбор по фактору заботы и сотрудничества становился всё более многофакторным. Эволюция резко ускорилась.

Когда возник бартер «секс в обмен на продовольствие», то возникла задача это продовольствие к самкам доставлять. Обезьяны кормятся, где живут, а живут, где есть корм. Закончился корм, переместятся. Но там кормятся все сами, и длительные вояжи за пищей не нужны. Кстати, перемещения самок с детёнышами — это тоже фактор риска. Безопаснее для самки и детёнышей сидеть в относительно безопасном убежище-логове. А самцам пищу приносить. Но чтобы приносить — нужны руки. У некоторых видов родители доставляют пищу детям в пасти (в клюве), или срыгивают из желудка. Но у людей эволюции проще использовать то, к чему уже были предпосылки, т. е. руки. Но если руки заняты, то приходится идти на двух ногах. Возникла настоящая необходимость прямохождения: в руки побольше набрать, на ногах побыстрее и подальше донести. Имевшиеся биологические предпосылки к прямохождению оказались востребованы и стали шлифоваться.

Конечно, теорий прямохождения и освобождения рук довольно много. Саванновая, акватическая, орудийно-трудовая, и пр. Но одно не противоречит другому. Да, прямохождение облегчает ориентацию, безопасность и поиск пропитания в высокотравье саванн. Но успешно добытую пищу надо ещё и до самки с потомством донести. Если изготовление орудий не требует прямохождения, делать это удобнее сидя, то тащить их с собой для охоты или копания корешков надо в руках, т. е. на двух ногах. Т. е. руки заняты и на пути туда (орудия), и на пути обратно (пища). Но и пра-женщины четвероногими не остались. Во-первых, если самцы стали прямоходящими, то этому автоматически следуют и самки. Половой диморфизм вида не может быть столь поляризованным (двуногие самцы при четвероногих самках). Во-вторых, у самок при передвижении тоже заняты руки — они несут детей. Детёныши обезьян сами держатся за шерсть, почти не мешая ей передвигаться на четырёх лапах. Но люди уже стали переходить к отказу от телесной шерсти, и держаться ребёнку не за что. Но ещё важнее то, что по сравнению с детёнышами обезьян, у людей дети рождаются гораздо более незрелыми («недоношенными») и беспомощными.

И хотя хватательный рефлекс у детей есть, но сил и способностей самым удержаться за мать у грудных детей нет. Его надо именно нести. Относительная недоношенность и беспомощность ребёнка приводят к его максимальной зависимости от матери, к формированию симбиотичности их отношений.

В результате: вид стал выживать не только за счёт вертикально-интегрированных, но и за счёт горизонтально-интегрированных моделей организации стада. Горизонталь «секс в обмен на продовольствие» привела у самок к развитию перманентности их сексуальности, к соответствующим анатомо-физиологическим, поведенческим и психологическим изменениям, к изменению прежних функций сексуальности и к появлению новых функций сексуальности. У самцов изменение их поведения с самками (вместо захвата гарема — взаимовыгодное сотрудничество с самками по типу секс в обмен на заботу), стало менять их поведение и с самцами. Стала нарастать способность самцов к сотрудничеству. Это было выгодно виду. Эволюция пошла в сторону отбора тех качеств, которые обеспечивали эти горизонтальные отношения: эмпатия, понимание, альтруизм, и пр. Это значительно ускорило процесс эволюции вида в сторону его способности к социализации.

Таким образом, эволюционировать стала сама сексуальность вида людей. Т. е. параллельно с эволюцией самцов в мужчин и самок в женщин, стал меняться сам принцип сексуальности у людей. Сексуальность в значительной степени оторвалась от репродуктивности и приобрела новые самостоятельные функции. У животных такой сексуальности (не репродуктивной сексуальности) нет. Человек стал самым сексуальным существом, его сексуальность приобрела новые функции и переплелась с внеполовыми отношениями, и пр.

Всё описанное характеризует общую динамику эволюции вида. А как всё происходило у каждого из полов, детально представлено ниже.

От самцов к мужчинам

В результате дополняющей транссексуализации мозга у мужчин к основному и давнему **палеомаскулинному** поведению и сексуальности, добавилась новая для них **парафемининная** (подобная женской) составляющая их психики, поведения и сексуальности.

В силу естественного преобладания палеомаскулинной составляющей, основные её проявления (подобные самцам обезьян) у мужчин хорошо выражены. Особенно ярко они выражены у примитивных (палеомаскулинных) мужчин. Палеомаскулинные проявления — это: нацеленность на иерархические отношения, хорошее чувство иерархической структуры и ранговости участников, стремление к доминантности, статусная тревожность (мотиватор статусного роста), авторитарность, эгоизм, агрессивность, конкурентность и соревновательность, елейность и заискивание с более статусными и презрение к низеранговым индивидам, стремление к ресурсности, полигамность, брутальность (низкая эмпатия и сензитивность, отсутствие рефлексии и неуверенности), упрощённость и недооценка эмоциональных и межличностных отношений (кроме иерархических), инструментальность их психики вообще (тяга к инструментам: оружие, машины и пр.) и инструментальное отношение к людям, особенно к женщинам, которые не угрожают их рангу по определению, и пр.

Конечно, у людей эти биологически заданные проявления палеомаскулинности социализировались и окультурились. Но через витрину социо-культуральности просвечивают их инстинктивно-палеомаскулинные мотивации. Биологическая агрессивность/доминантность мужчин социализируется до адекватной социальной модели мужского поведения в данной социокультуральной среде. Например, доминантность. Она проявляется социально приемлемыми методами, типа карьерного роста (в разных сферах), повышающего статус и, в идеале, ресурсность. Хотя насчёт ресурсности не всё так однозначно: высшее образование часто обрекает мужчину на низкий доход, в той же

медицине — чем выше статус (профессора и доценты кафедры), тем ниже зарплата. В каждом социуме существуют свои социальные границы для воплощения мужской агрессивности, в рамках которых он законными методами повышает свой статус. Выход за эти границы означает преступный характер повышения своего статуса и ресурсов.

Согласно обычным социальным нормативам, мужчина должен быть активен, конкурентен, в меру агрессивен, инструментален и пр. А в сексе мужчина должен быть процептивен: проявлять активную роль при знакомстве, при ухаживаниях, при инициации сексуального контакта.

Ранговые сигналы тоже социализированы. В сферах, где надо быстро и чётко разобраться в ранге, ранговые сигналы формализовались: звания и чины в армии (лычки, звёзды, лампасы, и др. знаки отличия), золотые цепи и татуировки в криминалитете. Есть менее формализованные ранговые сигналы. Ранг демонстрируется через поведение: начальник имеет право проявлять агрессию и «делать втык» подчинённым, а они ему — нет. Вместо клыков и демонстрации члена — демонстрируются другие статусные атрибуты: марка машины, часов, одежды, статусная недвижимость, загородные угодья, и пр. Ранг демонстрируется самим образом жизни: роскошь, демонстративный уровень трат. Соответственно, появились возможности ложной имитации статуса. Если статус повысился, то ранговые сигналы и ранговые атрибуты тоже надо менять на соответствующие. Например, повышение собственного статуса требует более статусной машины, кабинета, или партнёрши. И, поскольку сексуальный статус молодой красивой девушки выше, чем у пожилой дамы, то надо получить новый ранговый атрибут, т. е. поменять прежнюю жену на более престижную молодую (вариант использования людей, инструментальное к ним отношение).

Стремление к доминантности и статусности (комплекс власти) социализировалось в карьерном росте. Соревновательность и агрессивность социализировались в спорте. И всё это социально поощряется и прививается. Т. е. примативность — это инстинкты, реализованные в социо-культуральной сфере и ею

подкреплённые. Все палеомаскилинные особенности мужчин хорошо видны в сфере криминальной психологии. Сама анти-социальность говорит о высокоранговых претензиях. Вызов обществу — это проявление и конкурентности, и агрессивности.

Палеомаскулинность (примативность) личности выражается в соответствующих архетипических образах коллективного бессознательного, перенося палеомаскулинное понимание бытия на всю картину мира. Например, религия. Бог — это сверх доминант. Остальные должны признавать его доминантность сигналами (позами) подчинённости: преклонять колени, падать ниц, бить поклоны, смиренно опускать глаза, и пр. Или, если доминант может отнять пищу у субмиссивных особей, то они будут из-за этого голодать, и аналог в религии — это голодание во время поста. Или, захватывая всех самок (гарем), доминант лишает других самцов секса. И в религии много сексуальных запретов, ограничений, сексуального аскетизма, что лишает (ограничивает) секс у населения. Монахини — это «божьи невесты», которые составляют гарем сверх доминанта, принадлежат ему и изъяты из сексуального оборота. Так как доминанту все должны оказывать уважение, то в религии есть обряды жертвоприношения (жертвенные животные, десятина, пожертвования, и пр.). Особенно это характерно для древних языческих религий, где боги были жестоки, коварны, и даже враждовали и боролись за власть. А в более поздних религиях (христианство, ислам) уже появились идеи добра и гуманизма. Тоже символично: к архетипам палеомаскулинной (агрессивно-доминантной) языческой психологии добавились гуманистические идеи новой парафемининной (эмпатично-альтруистичной) психологии.

Палеомаскулинная психология и сексуальность мужчин полигамна. Как и самцы животных, мужчины имеют громадный репродуктивный потенциал, т. е. они имеют колоссальное количество гамет (половых клеток, сперматозоидов). У женщины за месяц созревает одна (обычно) яйцеклетка. А у мужчин при умеренно активной половой жизни (например, через день, т. е. 15 раз в месяц), при среднем объёме эякулята 4 мл, при концен-

трации сперматозоидов от 40 млн/мл до 120 млн/мл, получается примерно от 2.400 млн до 50.400 млн сперматозоидов в месяц. И это далеко не максимальные показатели сперматогенеза и количества эякуляций. Мужчины, как и самцы животных, технически способны оплодотворить колоссальное количество женщин.

Для реализации полигамности мужчины, как и самцы, имеют высокую сексуальную возбудимость и низкую избирательность, стремление к сексуальной новизне. Низкая избирательность означает, что мужчины сексуально-поливалентны (полигамны, полигинны), биологическая программа «оплодотворить всех» незыблема, этим поступится природа не даст. Мужчины, в принципе, перманентно готовы к сексу. И чем мужчина примативнее (палеомаскулиннее), тем сильнее установки на полигамное поведение. Мужчины также стремятся к новизне (к конкурентности) в сексе: если он женщину оплодотворил, то другие мужчины этого уже не сделают, значит, можно искать новую.

Мужчины, как и самцы обезьян, не могут не реагировать на исходящие от самки сексуальные сигналы. Это обеспечивают привлечение к самкам самцов, провоцирует их конкуренцию, позволяя самкам их оценивать и выбирать. Самцы обезьян реагируют на обонятельные и визуальные (половая кожа) сигналы от самок, но эти сигналы цикличны. Эти сигналы говорят самцу обезьян о сиюминутной репродуктивности и рецептивности самки. В остальное время, без этих сигналов репродуктивной готовности, самец не может сексуально на неё реагировать [2, 4, 7]. Для восприятия обонятельных сигналов от самки у самцов есть специальные структуры — Вомеровы железы (Вомероназальная система). И у мужчин они тоже не исчезли.

Однако, у мужчин основными сексуальными сигналами от женщины, на которые он реагирует, стали перманентные визуальные сигналы. Они уже не цикличны, они появляются единожды, как результат полового созревания, и практически стабильно держатся весь репродуктивный период жизни женщины. Эти визуальные сигналы говорят не о сиюминутной сексу-

альности и репродуктивности, а о наличии их в принципе. Визуальный сексуальный призыв женщины известен как её сексапильность. Но её внешность не скажет ему, есть у неё овуляция, или нет. Внешность стабильна. А обонятельные сигналы цикличны, и, значит, нежелательны. Иначе не будет стабильной половой жизни. Циклический сигнал — циклическая половая жизнь, стабильный сигнал — стабильная половая жизнь. Когда женщины в процессе антропогенеза перешли от обонятельного сексуального призыва (феромоны) к зрительному, то соответствующая перестройка произошла и у мужчин, которые стали сексуально реагировать на визуальные (телесные и поведенческие) сигналы женщины. Но о том, что именно обонятельные сигналы и у человека изначально были основными, говорит то, что нейрофизиологически у людей управляет сексуальностью по-прежнему именно обонятельный мозг.

У мужчин их сексуальность глубинно связана с женской репродуктивностью, пусть даже с потенциальной. Что такое сексуальная привлекательность женщины — это соответствие её внешности эталонам женственности, это демонстрация её потенциальной фертильности. Мужчина видит, что она привлекательна, и это говорит ему о её здоровье, о её половозрелом и фертильном возрасте, о её потенциальной (а не сиюминутной) репродуктивности. Мужчины, в норме, при отсутствии у женщины сигналов фертильности (например, в силу её уже нефертильного возраста), оценивают женщину как менее привлекательный сексуальный объект.

Особенно реакция мужчин на сигналы фертильности женщин касается их юного возраста. У обезьян, самцов привлекает самка в период **нарастания и пика** её фертильности (обонятельные и визуальные сигналы на максимуме), потом выраженность её сексуальных сигналов идёт на убыль, её привлекательность для самцов падает, и они теряют к ней интерес. Но у самки обезьян это нарастание и пик повторяется при каждой её овуляции, при каждом менструальном цикле. А у женщины нарастание её фертильности — это её половое созревание, которое происходит раз в жизни. Далее она не теряет своей привлекатель-

ности и сексуальности даже вне периодов своей циклической фертильности (периодов овуляции), удерживая мужчину рядом с собой и обеспечивая его стабильным сексом, что позволяет ей снижать его полигамность. А период её привлекательности (потенциальной фертильности) — это достаточно длительный возрастной период сохранения её визуального сексуального сигнала (сексапильность женщины трудно выразить в цифрах конкретного возраста). Т. е., у женщин нарастание сексуальной привлекательности — это не сопровождающий овуляцию повторяющийся процесс, а единовременный процесс полового созревания. Соответственно, особая сексуальная реакция мужчин на процесс именно **нарастания** женской сексуальности означает особую реакцию мужчин на созревание девушки (её юный возраст). Архетипически, юный возраст девушки означает её максимальную привлекательность. Кроме того, для мужчин это означает, что она репродуктивно перспективна (она ещё долго будет фертильной).

Стремление женщин «молодо выглядеть» ориентировано на эти особенности сексуального реагирования мужчин. Вообще, выглядеть привлекательно — это означает иметь (или имитировать) сигналы фертильности. К чему женщины и стремятся, стараясь выглядеть моложе и фертильнее (см. ниже). Ответные реакции мужчин подтверждают факт эволюционного перехода мужчин на визуальные сигналы от женщин, отражают переход к визуальной сексуальной коммуникации.

Хотя произошёл переход на стабильные зрительные сигналы, всё же какие-то циклические обонятельные сигналы от женщин сохранились, но они подавлены и замаскированы. Они: а) снижены по интенсивности, б) идёт борьба с обонятельными телесными сигналами (гигиена — устранить их, парфюмерия — замаскировать их), в) мужчины эти сигналы на уровне сознания не воспринимают (вытесняют), но подсознательно воспринимать и подспудно реагировать на них мужчины могут. Вомероназальная система у мужчин исподволь себя проявляет.

Как и у животных, первый шаг в сексуальных взаимодействиях делает женщина, посылая сигнал привлечения (визуальный).

Но это ещё не секс, партнёров надо собрать, оценить и выбрать. А вот если мужчина выбран, то далее уже именно он (как и самец у животных) проявляет активность и инициативу к копулятивному сближению. Т. е. мужчины, как и самцы животных, **процептивны**, что конгруентно женской рецептивности. Конечно, эволюция женской сексуальности вносит свои коррективы в модели сексуального поведения женщины, что отражается и в социо-культуральных стандартах женских половых ролей. Но пока ещё палеомаскулинная процептивность мужчин остаётся базовым вариантом мужского поведения. И большинство женщин (высокопримативные, палеофемининные) предпочитают не сами предпринимать инициативу к копуляции, а ждать её от мужчины. Кроме того, такая позиция женщин (быть объектом мужской инициативы) обогащает арсенал их манипулятивного управления мужчиной (см. ниже): пока мужчина её домогается, этим можно пользоваться.

У мужчин, в отличие от самцов других приматов, изменились и некоторые анатомические характеристики. По сравнению с самцами других приматов (гориллы, шимпанзе), у мужчин увеличились размеры полового члена, что имеет свои причины. Увеличение члена у мужчин является вторичной реакцией, и это отражает изменения мотивационных аспектов женской сексуальности. Для циклической репродуктивной сексуальности самок им хватало одних только гормональных импульсов, что и мотивировало их на секс. Но цикличность гормональных фаз не могла обеспечить стабильного секса. Переход женщин к перманентной парамаскулинной сексуальности потребовал соответствующих изменений в их сексуальной мотивации, она тоже должна была стать стабильной (см. ниже). Так как хотеть можно только того, что приятно, и стремиться можно только к удовольствию, то у самок ранних гоминид начал формироваться механизм подкрепляющего удовольствия от секса, стал формироваться женский оргазм. Оргазм у женщин является «псевдомужской» реакцией, т. е. атрибутом парамаскулинной составляющей женской сексуальности (самкам животных он не нужен). Оргазм у женщин имеет громадное биологическое зна-

чение, но не для зачатия ребёнка, а для его сохранения и выращивания. Это достигается стабильным сексуальным привлечением к ней мужчины и его удержанием через обеспечение сексом. Оргазм у женщин, во-первых, подкрепляет её положительное отношение к сексу, как к источнику наслаждения, мотивирует её на секс, во-вторых, формирует прочный альянс с источником её наслаждения (с мужчиной).

Но для сексуального удовольствия и оргазма ощущения необходимы, и у женщин в них возникла потребность. А уровень ощущений напрямую связан с размерами полового члена. Необходимость поддерживать мотивацию к сексу за счёт удовольствия, привела у женщин к предпочтению более крупного члена. Стал происходить эволюционный отбор по фактору увеличения размера полового члена, гены «крупного члена» стали накапливаться, и у мужчин произошли соответствующие телесные изменения. Особенно эти процессы стали актуальны при переходе к моногамной модели сексуальных отношений. Уж какой член выберешь, такие ощущения и получишь, и потом поменять его при моногамности уже трудно. Конечно, размеры члена не единственный фактор выбора. Добавим (см. ниже), что эротические ощущения по своей нейрофизиологии являются обычными тактильными ощущениями, и только мозг (психическая деятельность) перекодируют тактильные ощущения в эротические [14]. Таким образом, у мужчин увеличился половой член, который стал давать больше тактильных ощущений, а женщины научились перекодировать тактильный сигнал в эротический, способный привести к удовольствию и оргазму.

Кроме того, формирование члена связано с гормональной насыщенностью как на первом (внутриутробное развитие), так и на втором (пубертат) этапах развития. Соответственно, к ряду вышеперечисленных эффектов тестостерона (агрессивность, статус, энергетика, сексуальность, плодовитость), добавился ещё один член — половой член. Крупный член говорит о том, что с гормонами у мужчины было всё в порядке. А при врождённом или приобретённом (в допубертатном возрасте) гипогонадизме (недостаточность гонад), из-за низкого тестостерона член

будет недоразвит, вплоть до детского вида. Соответственно, плодovitость, энергетика, агрессивность и статус самца тоже будут низкими. Конечно, линейной зависимости в эффектах тестостерона нет: если уровень тестостерона достаточный, то его дальнейшее возрастание мало что меняет.

Архетипически, крупный член как бы выражает высокий статус мужчины. Древняя живопись явно отражает эти архетипы: самые большие члены у фараонов и царей, поменьше — у вельмож, а у остальных — «по остаточному принципу». Таким образом, размеры члена явно имеют знаковый характер, символически выражая статус мужчины. Это привлекает женщин и заставляет их выбирать подобных мужчин, становясь фактором полового отбора по данному признаку. Заметим, что у обезьян фактор отбора по размерам полового члена не заработал, хотя они любят его демонстрировать, утверждая свой статус. Но демонстрация члена у обезьян осталась только демонстрацией (играми самцов), так как самок не интересовало, какие вагинальные ощущения он даёт. Только у женщин вагинальные ощущения, удовольствие от секса и оргазм стали значимы, направив половой отбор в сторону предпочтения крупных членов.

Кроме того, этим же целям (сексуальному удовольствию и оргазму у женщин) стала служить значительная длительность сношения у мужчин. Биологический смысл фрикционной фазы у животных заключается в том, чтобы самец получил достоверную сенсорную информацию о том, что его член действительно оказался там, где надо, т. е. во влагалище. Соответственно, он получает гарантию того, что при эякуляции семя попадёт именно во влагалище, а не пропадёт понапрасну. Самцу животных этого достаточно, он совсем не стремится затянуть время копуляции с целью удовлетворить самку. Когда сенсорная информация говорит самцу, что член оказался в вагине, то чего ещё ждать? Надо эякулировать. Иначе и энергия тратиться понапрасну, и риск угроз со стороны хищников возрастает, и пропитание надо искать, и пр. Других функций длительность сношения у животных не имеет. И у человекообразных половой акт короткий. Но у человека длительность фрикционной фазы су-

щественно возросла [16, 25]. Нарастание длительности сношения у мужчин возникло в соответствии с эволюцией сексуальности, с её гедонистическими и партнёрскими функциями, с изменившейся сексуальностью женщин. Если у мужчины преобладает палеомаскулинная модель секса с продолжительностью сношения в несколько секунд, то это оценивается как сексуальная дисфункция — преждевременная эякуляция. А стремление мужчины увеличить продолжительность сношения обусловлена новой парафемининной сексуальностью мужчин, при которой важно женщину удовлетворить (это тоже забота, альтруизм и сотрудничество).

Во всём мире считается, что никаких соматических заболеваний, приводящих к преждевременной эякуляции, у мужчин нет. Исключительно только в нашей стране придуман миф о способности простатита приводить к сексуальным дисфункциям, в том числе и к преждевременной эякуляции. На самом деле, кроме болезненной эякуляции (что бывает крайне редко), простатит ни к каким сексуальным дисфункциям не приводит. Соответственно, преждевременная эякуляция — это проявление палеомаскулинной мозговой (психической) программы мужчин («не надо половой акт затягивать, эякулировать надо побыстрее»). Конечно, к ней могут добавляться психопатологические механизмы — явные и скрытые установки, тревоги, усилия, фиксации, и пр., что ещё более усугубляет программу «эякулировать надо быстро». А лечение преждевременной эякуляции — это формирование новой психической программы: «половой акт длится долго».

Ещё одно явное эволюционно-биологическое отличие мужчин от животных предков, это отказ от выраженного телесного оволосения (густой шерсти) (см. ниже).

Но эволюция вида потребовала от мужчин принципиальных изменений не только в сексе, но и в мужском поведении вообще. По сути, виду потребовались новые самцы: **не только осеменители, но и отцы**. Отец означает заботу, защиту, кормление, общение и пр. (см. выше). Забота требовалась как женщине, так и её детям (уже их общим!). Причём о детях заботиться надо

было долго, как минимум до их половозрелости («совершеннолетия»). Началась вышеуказанная эволюция в сторону отбора и накопления заботливых самцов. Безусловно, самец за такие усилия получал вознаграждение, по бартеру он получал секс (см. выше). А такое поведение самца это и есть сотрудничество и с самкой, и с потомством, и с другими самцами. Т. е. менялось всё поведение самцов. В сотрудничестве подразумеваются уже не личные, а общие цели, методы достижения, распределение ролей и усилий, и пр.

Но где самкам взять способных на сотрудничество с ними самцов, из которых можно создать отцов? Группа доминанта и субдоминантов, во-первых, не велика, их на всех самок не хватит. Во-вторых, они слишком специализированы на агрессивном соперничестве за статус и гарем, и изменить их невозможно. В-третьих, они чрезмерно эгоистичны. Эгоизм — мотиватор агрессивности, он даёт право на агрессию («только я достоин всего»). Соответственно, доминанты — заведомые эгоисты. Такие агрессивно-эгоистические самцы малоспособны на сотрудничество и альянсы, им никто не нужен. Их мозг чрезмерно маскулинен.

Субдоминантам тоже трудно создавать союзы. Они рассчитывают на свои собственные силы, им не надо объединиться против доминанта, так как они ничем не отличаются от доминанта, просто ещё пока им не стали. Каждый за себя, за свой статус, за весь гарем сразу, им надо только всё. Если они и создают союз, то их союз сразу превращается в новую статусную войну. Т. е. они, как и доминант, мало способны на сотрудничество в принципе.

И как ни прекрасны и великолепны в глазах самок игроки высшей лиги, на них надежды не было. Пришлось присмотреться к другим самцам. И среднеранговые самцы оказались в этих аспектах вполне перспективны. Пускай они не элита, зато менее специализированы на борьбе за ранг доминанта. А значит, более гибки и способны на что-либо другое, например не на конкуренцию, а на сотрудничество. Кроме того, они меньше страдают во внутри самцовых конфликтах и дольше живут (ведь

уже не кулаки, а дубины стали в ход идти). А дольше живут, значит, дольше могут и заботиться и воспитывать.

Среднеранговые самцы не всегда слабее доминанта. Среди среднеранговых самцов встречаются вполне физически сильные, способные захватить лидерство. Но они не столь агрессивны и не столь подчинены идее безусловного доминирования. Именно менее агрессивные среднеранговые самцы оказались более предрасположены к сотрудничеству во всех сферах. Меньшая агрессивность (большая дружелюбность) означает меньшую эгоистичность, большую способность понять другого, способность сформировать альянс (союз) для достижения неких целей. Способность к заботе и альтруизму, к сотрудничеству и к образованию союзов (в том числе и «брачных»), позволяла самцам увидеть в них перспективных отцов. Конечно, вначале самцы в полной мере всеми нужными отцу качествами не обладали, но у них к этому был потенциал.

Отсутствие мозговой программы безудержной борьбы за высший ранг, означает, что их мозг маскулинизировался не максимально, не полностью, не на 100 %. Но если какая-то часть мозга не маскулинизировалась, то, по закону об аддитивных факторах (см. выше), она автоматически феминизировалась. Именно поэтому они не боролись фанатично за власть. В рамках этой частичной феминизации они приобрели: эмпатию, меньшую агрессивность, большую конформность, способность к компромиссам, и пр. В принципе, это особенности именно женского мозга, без которых невозможно успешно выращивать потомство. Первостепенную роль играет чувство эмпатии: сопереживание, умение глубинно почувствовать другого, «влезть в его шкуру». Эмпатия — чувство базовое, которое имеет ряд производных. Сопереживая другому, ощущая его боль как свою, можно прийти к пониманию, бескорыстной поддержке (доброте, альтруизму), способности не доминировать, а формировать альянсы (союзы), к жертвенности, и другим не эгоистическим проявлениям. Если эти качества у матери повышают выживаемость ребенка, то эти же качества членов группы повышают выживаемость всей группы. Группы, которые этими факторами обла-

дают, побеждают в групповом отборе. Когда самки стали выбирать самцов по этим факторам, то их группы стали выживать, а самцы стали постепенно эволюционировать из доминантов в отцов.

Всё более развиваясь, способность самцов к сотрудничеству позволила им сотрудничать не только с самками в сексе и отцовстве, но перейти к новому внутривидовому взаимодействию. А именно, сотрудничать и формировать альянсы с другими среднеранговыми самцами. Оказалось, что коллективная деятельность, которой не мешает чрезмерная эгоистичность/агрессивность, эффективнее индивидуальной. В союзе способности участников суммируются. В итоге, союзнические отношения среднеранговых самцов позволяли им решать много вопросов как вне группы (охота и другая совместная деятельность), так и внутри группы, в том числе успешно конкурировать с доминантом и ограничивать его права (в том числе и на гарем).

Но проблема в том, что сместить доминанта, не меняя сами принципы ранговой системы, невозможно. Иначе в победившем альянсе начнётся своя ранговая война. Значит, прежний принцип: «Доминанту всё, остальным ничего», требует коррекции. В победившем альянсе возник новый принцип: «Надо делиться». Т. е. не один кто-то захватывает гарем, а самки распределяются поровну, по-честному. А самкам только этого и надо. Гаремная модель организации сексуальной жизни стада стала меняться на моногамную. И вот уже у самок начинают появляться собственные самцы, старательные и заботливые отцы для собственного потомства. Ясно, что это процесс достаточно протяжённый, и что самкам для этого пришлось многое изменить в себе.

Но возможен ли союз самок с низкоранговыми самцами? Их маргинальность может скрывать их биологическую несостоятельность. Какие же из них защитники, добытчики и воспитатели? Чему они сыновей научат? На низкоранговых самцов, как и на группу доминантов, им надеяться не приходилось.

Союз доминанта (субдоминанта) со среднеранговыми самцами без «обещания» делиться самками, тоже не получится.

Доминанту этого не хочется (в силу «характера»), а среднеранговому самцу без этого нет смысла сотрудничать. Т. е. эти союзы нецелесообразны.

А вот с низкоранговым самцом альянс доминанта не исключён. Толку от такого самца не очень много, но и этого может хватить. И с ним, при этом, не надо делиться самками. Что такое низкоранговый самец? Он настолько малоагрессивен, что избегает конкуренции, он не претендует на гарем. Это маргинал, который подчинён всем. В результате, он почти не разгибаясь пребывает в позах подчинения. Ему все «делают втык». Он ко всем «подлизывается» (делает груминг). Он ко всему этому уже привык полностью, такова его жизнь. Он как «опущенный» на зоне. А почему он такой? Видимо, половая дифференцировка мозга была столь нарушена, что вместо частичной феминизации мозга, у него феминизация оказалась гораздо более выраженной. Мужские интересы (борьба за статус, за самок) у него снижены, они не в сфере его интересов. Если подумать, он фактически живёт как самка, но не имеющая фаз репродуктивной привлекательности и потомства. Самки, которые вне репродукции имеют низкий ранг, всё же сохраняют свою значимость за счёт наличия потомства и перспектив следующей фазы фертильности. А низкоранговый самец и этого не имеет. При такой жизни даже ранговая коммуникация («получить втык») уже может восприниматься им как внимание и давать радость от тактильного контакта с другим членом стада.

Выгода наличия такого самца для группы в том, что он может формировать альянсы с доминантами (субдоминантами), помогать им, но не требовать самок взамен, не ломать систему «всё или ничего». Доминанту такие помощники нужны. Он получает от них поддержку в статусной борьбе, но без необходимости делиться самками своего гарема. И все довольны. Доминант доволен наличием статуса и гарема. Его низкоранговый ассистент доволен вниманием к нему, доволен тем, что тоже повысил статус (как сателлит доминанта), а на самок он не претендует. Но такие альянсы не плод раздумий и расчетливости, разума пока для этого не хватало. Выгода ощущалась как под-

спудное стремление объединиться, как чувство взаимной симпатии. В этих симпатиях между самцами можно усмотреть зачатки будущей гомосексуальности. Т. е. **гомосексуальность имеет биологическую целесообразность**. Доминантный самец получает союзника, который не может стать конкурентом за самок, что не рушит систему доминантности/подчинённости («всё или ничего»). Низкоранговый самец получает защиту, повышает свой статус как близкий к доминанту, но это не приводит к распаду союза из-за конкуренции за гарем. Ему хватает близости к доминанту, своей симпатии к нему, факту их единства (единства двух самцов).

Таким образом, именно среднеранговые самцы с частичной феминизацией мозга (с наличием андрогинности), будучи менее агрессивно-конкурентными, оказались способны на содружественность, сотрудничество и общую коллективную деятельность (потенциал социализации), и на новый вид доступа к самке через заботу (кормление и груминг).

От самок к женщинам

В результате дополняющей транссексуализации мозга, у женщин к их **палеофемининным** поведению и сексуальности, добавились новые для них **парамаскулинные** (подобные мужским) поведение и сексуальность. Парамаскулинная составляющая сексуальности женщин имеет большое сходство с мужской сексуальностью, но она не полностью ей идентична. Такая сексуальность отсутствует у самок животных и присуща только женщинам.

Палеофемининная сексуальность женщин — это, конечно, базовая составляющая женской сексуальности. В некоторых аспектах она входит в противоречие с парамаскулиной сексуальностью и имеет противоположный вектор. В таких ситуациях палеофемининная сексуальность отходит от прежних своих стандартов, становится редуцированной и замаскированной, уступает место эволюционно новой парамаскулинной сек-

суальности. Например, палеофемининная сексуальность циклична, но это противоречит принципу парамаскулинной (как у мужчин) перманентной сексуальности. Соответственно, все циклические проявления фемининной сексуальности (циклический обонятельный сигнал, циклические визуальные изменения половой кожи, циклический «поведенческий эструс», циклическая рецептивность) или приобрели перманентность, или стали менее заметны и замаскированы проявлениями парамаскулиной сексуальности, или психологически вытесняются (субъективно игнорируются).

На поведенческом и психологическом уровне палеофемининность женщин проявляет себя через тяготение к пассивным и подчинённым моделям поведения, к ожиданию мужского доминирования, к субмиссивным сексуальным ролям и сценариям, которые характерны для палеофемининности. Вплоть до патологического варианта в виде мазохизма, который считается патологическим (гиперролевым) вариантом нормального женского полоролевого поведения. В непатологических своих проявлениях это может воплощаться в виде притворно-отказного и дразнящее-ускользающего сексуального поведения, что должно провоцировать мужчину на проявление его доминантности, и проверить его репродуктивную настойчивость (способности преодолевать барьеры ради секса).

Репродуктивность и сексуальность стали не тождественны. Репродуктивность осталась цикличной (палеофемининной), а сексуальность стала перманентной (парамаскулинной). Скрыв период репродуктивности (овуляции), природа заставила людей для зачатия вести половую жизнь постоянно, и это обеспечивает уже не репродуктивные функции парамаскулинной составляющая женской сексуальности.

Изменилась «функция привлечения». Она утратила свои циклические проявления, сексуальный призыв стал перманентным.

Изменились «функции оценки и выбора» мужчин. От палеофемининной сексуальности у женщин осталась глубинная архетипическая мечта о мужчине-доминанте, равному которому

никого вокруг нет: о супермене, о «настоящем» мужчине. Долгожданная встреча с таким мужчиной неотвратимо-фатально и парализующее действует на палеофемининные установки женщин. У женщин «сносит крышу», и они «готовы на всё». Бывает, что оно того стоит. Однако, нередко роман с таким палеомаскулинным (высокопримативным) мужчиной добром не заканчивается и оказывается неудачным. Ведь оборотной стороной его палеомаскулинности является эгоизм (мотиватор его статусности), его погружённость в ранговую борьбу (в работу, карьеру и пр.), его полигамность, причём успешно реализуемую (таких мужчин все палеофемининные женщины любят).

Обманчива для женщин и ложная доминантность (псевдодоминантность) мужчины. Ранговые сигналы у него есть и отражают высокий уровень его ранговых претензий, но реальных биологических и личностных возможностей для высокого ранга у него нет. Такие мужчины склонны компенсировать свою нереализованную доминантность на своих женщинах: конкурировать с ними, командовать и контролировать их, проявлять к ним агрессию (придираясь к мелочам), возвышать себя самым примитивным методом — принижая других (жену).

Бывает, что архетипическая мечта женщины о доминанте оборачивается у неё субъективными проекциями: у мужчины нет признаков даже ложной доминантности, но женщина их придумает и найдёт их в нём. В итоге — риск разочарований (а ведь был «настоящий полковник»). Палеофемининные женщины забывают (не хотят даже такого помнить) главную тайну о мужчинах: «мужчины — это всего-навсего мужчины», а не принцы из сказок, благородные рыцари, несокрушимые супермены, сверхбогатые олигархи, и пр. Но прочные палеофемининные установки перевешивают доводы рассудка. И у палеофемининных (высокопримативных) женщин биологически заданное обожествление мужчины-доминанта порождает много проблем. Так как другие мужчины им не нужны, то возникает риск одиночества. В браке с не доминантами они быстро теряют сексуальное желание к ним (гиполибидемия, так как он не их тип), у них нет с ними оргазма (нет нужных эмоций). Т. е. при

всех плюсах не доминанта (старательный, заботливый, понимающий, деликатный, не грубый и пр.), он их не возбуждает («не включает, не заводит, и пр.»).

Палеофемининная сексуальность репродуктивна и ориентирована на вагинальный половой акт, именно он (а не другие варианты секса) обеспечивает зачатие. Чувство вагинальной заполненности при сношении сигнализирует самке, что сперма попадёт во влагалище. Это её репродуктивный успех. Это значит, что все компоненты её сексуальности (и привлечение, и оценка и выбор, и копулятивное поведение) были эффективны. Определённое вагинальное удовольствие у самок животных при копуляции присутствует. Однако, это вагинальное удовольствие не должно быть настолько сильным, чтобы самка не потеряла бдительность (контроль за ситуацией). Самки более отвлекаемы в сексе (на еду, на опасность), чем самцы (см. выше). Оберегая себя даже при сношении, самка спасает себя и потенциальное потомство. Палеофемининное вагинальное удовольствие от копуляции у самки не должно прерываться оргазмом, не должно быть дискретным. Мы уже указывали, что у самок животных оргазм нецелесообразен [9, 21, 24]. Для зачатия он самкам не нужен, но он может прерывать (делать дискретным) процесс копуляции, снижая вероятность зачатия, или снижая вышеуказанную бдительность самки. Мы уже писали, что в этот период самка сексуально ненасытна [2, 21], постоянно готова к сексу, и чем его больше, тем вероятнее оплодотворение. Вагинальное удовольствие у самок должно быть, а оргазм — нет.

У женщин их палеофемининная сексуальность тоже проявляет себя через вагинальное удовольствие. Это отражает успешную реализацию их репродуктивной палеофемининной сексуальности. Удовольствие от чувства вагинальной заполненности (вагинального полового акта) означает удовольствие от процесса секса, а не от его результата (оргазма). Степень вагинального удовольствия у женщин может варьировать очень широко. От нейтральных или слабоприятных ощущений, до очень сильных, или даже запредельных (экстатических) переживаний. Но оргазма, в виде чётко очерченного сброса напряжения, расслаблен-

ности и снижения сексуального возбуждения, палеофемининная сексуальность не обеспечивает. И даже сильнейшее состояние экстатического транса — это не оргазмическая разрядка, это некое протяжённое состояние. Оно имеет начало и конец (ничто не длится вечно), но это не чётко очерченный оргазм («псевдомужская» реакция [21]). Вагинального оргазма в структуре сугубо палеофемининной сексуальности, т. е. без участия парамаскулинных структур (клитор и мужской мозг), не бывает [14, 20, 21]. Но если женщина может научиться клиторному оргазму, она всегда может научиться и вагинальному [14].

Для палеофемининной сексуальности у женщин, как и у самок животных, характерны низкая возбудимость и высокая избирательность.

Таким образом, хотя палеофемининная составляющая женской сексуальности во многом изменена и замаскирована наслонившейся на неё парамаскулинной сексуальностью, но она, бесспорно, у женщин не исчезла. Она по своему влияет на проявления парамаскулинной сексуальности как на поведенческом, так и на сексуально-физиологическом уровнях (см. ниже).

А как проявляет себя у женщин их парамаскулинная составляющая?

Парамаскулинная составляющая у женщин, как результат дополняющей транссексуализации и маскулинизации их мозга, проявляет себя в виде повышения андрогинности их психологии и поведения. Например, она порождает у женщин **определённую конкурентность, статусность и агрессивность**, которые у животных характерны не для самок, а для самцов. Женщины могут конкурировать и с женщинами, и с мужчинами, и иногда в очень сильной степени.

У животных самки не конкурируют за оплодотворение, но могут конкурировать за пищевые ресурсы, что связано с высокой энерго- и ресурсно-затратностью их репродуктивной функции (вынашивание потомства). У самок некоторых видов внутривидовая конкуренция на этапе привлечения-оплодотворения может быть довольно жёсткой, вплоть до запрета на зачатие и роды у других самок со стороны доминирующей самки (самки

доминирующего самца). Это бывает в популяциях с низкими пищевыми ресурсами. Но если ресурсов достаточно, то внутриполовая конкуренция самок на этапе привлечения-оплодотворения может практически исчезнуть. Например, самец гарантированно оплодотворит всех самок своего гарема, без всяких конфликтов между самками.

А у женщин конкуренция на уровне привлечения есть. Тому есть причины. Во-первых, переход на визуальный метод привлечения мужчин. Феромон, он видоспецифичен и стандартен, это молекула. А внешность — вариабельна. А где есть варианты, там есть и конкуренция. И для привлечения мужчин она должна быть неотразимой. Во-вторых, вместо гарема — моногамность. В гареме самкам не важно, хватит ли самцов на всех самок, для зачатия им достаточно одного доминанта. Но это важно при появлении моногамности. У людей мужчины количественно преобладают до примерно 30 лет, а потом их постепенно становится меньше (см. выше). Но эти цифры формальны. Часть мужчин относится к репродуктивной некондиции. Например, гомосексуалы (до 5—7 % мужчин). Часть мужчин — алкоголики и наркоманы. Часть мужчин — социально дезадаптированные маргиналы. Часть, в силу высокой ноцептивности самцов (см. выше), имеют инвалидизирующие психиатрические и соматические заболевания, что ограничивает их выбор в качестве мужей и отцов. В итоге, соответствующих брачному и репродуктивному «ГОСТ-у» мужчин не достаточно. Эта диспропорция тоже способствует внутривидовой конкуренции у женщин при моногамности.

Но многие женщины активно конкурируют ещё и с мужчинами, и нередко побеждают их. И это уже не имеет никаких объективных причин, а сугубо субъективные, т. е. выраженные парамаскулинные особенности психики женщины. Т. е. при частичной транссексуализации мозга женщина получила мужскую конкурентность и статусность. У неё появилась способность и желание конкурировать, получить статус лидера, и она это реализует. У самок животных маскулинизации мозга нет, мужских программ бороться за статус у них тоже нет, и им и в голову

не придёт конкурировать с самцом за лидерство. А у женщин всё это есть (в разной степени выраженности).

Соревновательность и борьба за лидерство могут порождать конфликты с мужем, и порой достигать уровня семейной войны. Однако, однозначно трактовать её победу (подчинённость мужчины) нельзя. Если обоих супругов такая ситуация устраивает, то все счастливы и в семье мир и гармония. Но бывает и наоборот: победив мужчину, женщина сама начинает от этого страдать. Парадокс в том, что за счёт своей парамаскулинности победив мужчину, её палеофемининная составляющая оказывается фрустрирована (нет рядом доминанта). Это заставляет её страдать: «Дома нет мужчины, нет крепкой мужской руки, муж не мужчина — а тряпка...». И желание к нему исчезает. Причём, победить его в борьбе за лидерство она может не потому, что он слаб и не конкурентен. Возможно, его плохо воспитывали (по типу «хорошие мальчики девочек не обижают»). К мальчишкам его конкурентность поощрялась: «Тебя толкнули, толкни и ты..., Дай сдачу..., Умей постоять за себя..., и пр.». А вот девочек — «обижать нельзя», даже если «она сама первая начала...». А такая родительская программа (указание), как: «Да не связывайся ты с девчонками...» вообще кодирует или на безбрачие, или на гомосексуальность (если не связываться с девчонками, то с кем?). При таких вариантах родительского программирования мужчина может конкурировать с мужчинами, а с женщинами срабатывает родительский запрет, и он с ними беспомощен и безоружен. Многие мужчины его победить не могут, по характеру он сильный лидер, а вот женщинам такого победить не сложно. Девочкам в детстве не внушают: «Не обижай мальчиков», и у них запретов на конкуренцию с мужчинами нет. Патологические варианты родительского программирования потому и патологические, что приводят к проблемам у взрослых [14].

Более мягкий вариант женского доминирования имеет свои последствия: желание у неё не исчезло, и её даже устраивает её собственное лидерство днём, но в постели она лидировать уже не может. Ведь по воспитанию «хорошие девочки асексуальны».

В сексе она ждёт инициативы от мужчины (естественной мужской процептивности). А инициативы от него нет. У мужчин всё чётко: «Кто лидер, тот и принимает решения (как до постели, так и в постели)». Это нормальная мужская психика. И он вместо своей инициативы, изводит жену вопросами: «Как мы сегодня?, хочешь ли ты?, будем ли мы?, а не заняться ли нам..?, и пр.». Женщин подобные вопросы со временем полностью выводят из себя. Отсутствие мужской инициативы в сексе обижает женщину, порождает у женщины неуверенность в своей женственности, привлекательности, лишает её статуса желанного объекта, т. е. лишает её соответствующих манипулятивных методов управления мужчиной через секс, и пр. Т. е. её победа в лидерстве дисгармонизирует семью и невротизирует женщину. Такие варианты ролевой дезадаптации в браке не редкость.

Парамаскулинная составляющая женщины сказывается и на «функции оценки и выбора» партнёра. Выбор партнёра исключительно по фактору его доминантности (как у животных) стал не столь однозначным. Зачем ей конкурент в борьбе за лидерство? Сфера выбора расширилась. Можно выбрать не осеменителя-доминанта, а хорошего отца будущим детям, близкого по духу человека, и пр. (см. ниже).

Конкурентность женщины отражается в виде женской статусности. Она у женщин проявляется разнообразно. Во-первых, это может быть отражённый статус от статуса её мужа. При этом статус мужа показывает степень её женских способностей и привлекательности («Вот кого она смогла заполучить!»), что повышает её собственный женский статус. Во-вторых, собственный социальный статус женщины, как аспект её парамаскулинности. Его может выражать её собственная карьера и уровень общественного положения. В-третьих, молодость и красота показывают высокий статус её женственности. Статус женщины имеет свои ранговые сигналы: драгоценности, меха, дорогая одежда, и пр. Даже в истории имели место официальные регламентации в отношении роскошности женских нарядов, соответствующих статусу женщины.

Парамаскулидная сексуальность женщин — это **перманентная сексуальность** (по механизмам привлечения, сексуального желания, половым реакциям и копулятивной способности).

Перманентность сексуальности у женщин позволяет, помимо функций привлечения, оценки и выбора, реализовать новые функции женской сексуальности, которых не было у самок животных. Т. е. «**функция удержания**» партнёра (см. ниже). Она нацелена на стабильное удержание партнёра за счёт использования секса. Перманентная сексуальность позволяет одной женщине заменить целый гарем и удерживать мужчину, в полной мере соответствующая мужской перманентной сексуальности. А взамен получать всё внимание и заботу самца целиком, не делась с другими женщинами. Именно появление у женщины такой же перманентной сексуальности, как у мужчин, позволило ей не только успешно привлекать, но и удерживать мужчину, давая возможность качественно и длительно выращивать и воспитывать потомство с обеспеченным и заинтересованным участием персонального мужчины. Соответственно, женская внутривидовая конкуренция не только возникает на стадии привлечения, но и продолжается на стадии удержания мужчины (см. ниже). Мало его привлечь, приходится не терять бдительности и продолжать принимать усилия для его удержания, побеждая этим конкурентов.

Другая новая функция, это «**функция управления**» партнёром (см. ниже). Постоянный сексуальный призыв женщины приводит к постоянной инверсии доминирования у мужчин, делая его управляемым. Женщина стала стабильным сексуальным объектом, интерес мужчины к ней уже не зависит от её репродуктивной фазы, не пропадает вместе с её обонятельными сигналами, и женщине грех было этим не воспользоваться, управляя мужчиной на благо себя, а значит, и потомства.

Сохранив палеофемининную рецептивность, сексуальность женщины приобрела определённую степень **парамаскулидной процептивности** (копулятивной инициативности). Как и у мужчин, это означает определённую степень собственной инициативности женщины в реализации копуляции, что базируется на

достаточно стабильном собственном внутреннем сексуальном влечении, различной степени выраженности. Индивидуальная степень выраженности парамаскулинной процептивности в сексе у женщин может широко варьировать. У некоторых женщин их сексуальное поведение может быть очень инициативным, и они могут получать большое удовольствие от собственной активности. Может иметь место психологическая ситуация, когда у женщины имеется достаточно выраженная потребность в процептивном сексуальном поведении, но её консервативные социально-психологические установки эту процептивность блокируют, и она ведёт себя сугубо рецептивно. Кроме того, исходя из того, что онтогенез повторяет филогенез (индивидуальное развитие особи повторяет эволюционное развитие вида), можно сказать, что если парамаскулинное процептивное поведение появилось у женского пола эволюционно позже, то оно позже проявит себя и в процессе индивидуального развития женщины. Т. е., если в юные годы у девушки могут преобладать рецептивные (пассивно-принимающие) формы сексуального поведения, то с возрастом появляются и могут возобладать процептивные (инициативно-активные) модели сексуального поведения.

В отличие от палеофемининной сексуальности, для парамаскулинной сексуальности характерно наличие перманентного сексуального либидо. Высокий уровень сексуального либидо у женщин, при отсутствии партнёра, может проявлять себя через тягостные ощущения от сексуального воздержания, через наличие эротических снов, через заместительную мастурбацию. Низкий уровень сексуального либидо не приводит к таким абстинентным проявлениям. Но, даже при самом низком уровне парамаскулинной сексуальности, когда женщина может не иметь собственного сексуального желания (или иметь его редко), возможность сексуально отреагировать на сексуальную стимуляцию и вступить в копуляцию, вне её репродуктивных периодов, у женщины, в отличие от самок животных, есть.

В структуре парамаскулинной сексуальности у женщин мотивация к сексу тоже изменилась, так как гормональные меха-

низмы цикличны. А к удовольствию стремление сохраняется всегда. Возникла, как и у мужчин, необходимость иметь оргазм. Парамаскулинная сексуальность должна быть **оргазмизной**. Оргазм является наградой за сексуальные усилия, поддерживает сексуальное влечение женщины и её половые реакции, подкрепляет её психологическую установку на дающего оргазм партнёра, формирует симбиотические отношения. Наличие оргазма у женщин — это уникальная для самок «псевдомужская», т. е. парамаскулинная, половая реакция [21].

Парамаскулинная составляющая женской сексуальности является эволюционно недавним приобретением женщин, она не столь эффективно отшлифована миллионами лет эволюции, как у мужчин, она не столь жёстко задана биологически. Диапазон проявлений парамаскулинной сексуальности может очень широко варьировать у разных женщин, но даже если её сексуальное желание и получаемое удовольствие крайне незначительны, то способность к сексу вне репродуктивной фазы явно присутствует.

Таким образом, парамаскулинная составляющая женской сексуальности во многом вышла на первое место по значимости, завуалировав и видоизменив проявления палеофемининной сексуальности. Изменились методы реализации функций «привлечения, оценки и выбора» партнёра. Появились новые функций женской сексуальности, не свойственным самкам животных: функции «удержания партнёра» и «управления партнёром». В данной главе мы кратко перечислили выделенные составляющие женской сексуальности, а более детально — смотри ниже.

Составляющие женской сексуальности и гормоны

О половой дифференцировке мозга мы уже говорили (см. выше). Но половой мозг — это гормональный мозг. И гормоны влияют не только на внутриутробную половую дифференцировку мозга, но и на функционирование мозга у взрослых.

Говоря о гормональной регуляции сексуального поведения у человека, следует подчеркнуть имеющиеся различия у мужчин и женщин. У мужчин сексуальное влечение, сексуальное поведение, способность к половым реакциям (эрекция, эякуляция), а так же и репродуктивность (созревание сперматозоидов, секрета простаты и семенных пузырьков), всё регулируется собственными, т. е. мужскими, половыми гормонами. И многие соматические (метаболизм, оволосение, телосложение и пр.) и психические (агрессивность, активность, энергетика) мужские характеристики тоже определяются тестостероном.

Но для женской сексуальности нужны как женские половые гормоны, так и мужские. За сексуальное либидо, за способность к оргазму у женщин отвечает (как и у мужчин) тестостерон, а за половые реакции (любрикация, реакции вагины, и пр.) отвечают женские гормоны. Они же отвечают за женскую репродуктивность: созревание яйцеклетки и все сопутствующие этому циклические изменения репродуктивной системы и всего организма.

У самок животных, как репродуктивность, так и обслуживающая её циклическая сексуальность, регулируется одними только женскими половыми гормонами. Циклические нарастания уровней женских половых гормонов определяют появление у самки циклических изменений сексуального призыва (обонятельных, визуальных, поведенческих), сексуального желания, сексуальной рецептивности (включая копулятивное поведение и нужные половые реакции), и фертильности. Женские гормоны влияют на сексуальное поведение самки, активизируя соответствующие врождённые программы женского мозга.

И у женщин палеофемининная составляющая её сексуальности реализуются тоже через женский мозг и регулируются женскими половыми гормонами.

Но парамаскулинная сексуальность у женщин, как и у мужчин, регулируется через сформированные при частичной транссексуализации зачатки мужского мозга и, соответственно, мужскими половыми гормонами: тестостерон и сходные с ним надпочечниковые андрогены. Андрогены у женщин действуют на

структуры их мужского мозга, и включают подобные мужским сексуальные программы (влечение, возбудимость, копулятивная активность, оргазм и пр.). Именно поэтому андрогены (тестостерон прежде всего) считаются универсальным либидогенным гормоном как у мужчин, так и у женщин.

То же самое касается процессов сексуальной возбудимости женщин. Под действием тестостерона женщины приобрели способность сексуально возбуждаться не циклически, а перманентно, были бы сексуальные стимулы. Но в целом, возбудимость женщин уступает мужской по интенсивности и выраженности. Об эволюционной целесообразности более низкой сексуальной возбудимости женского пола (не торопить женщину при функции выбора партнёра, не терять осторожность, т. е. сберечь себя и будущее потомство, даже во время секса, и пр.) — смотри выше. Относительно меньшая возбудимость женщин требует наличия у неё соответствующего настроения (отсутствие тормозящих её сексуальность факторов) и наличия дополнительных усилий для её возбуждения, прежде всего эмоциональных и тактильных (ласки). Докоитальные ласки в прелюдии создают сенсорную фазу [1, 12, 14] нарастания возбуждения. Они помогают женщинам достаточно возбудиться и достигнуть необходимого уровня половых реакций. Своими корнями докоитальные ласки эволюционно уходят в ситуацию инверсии доминирования, когда самцы заискивали перед рецептивной самкой и старались её к себе расположить за счёт ритуалов груминга. Совпадение у самок гормонально обусловленной сексуальности с тактильными ощущениями от воздействия самцов, слились у женщин в единую систему. Тактильный контакт стал необходим для достижения её эротического настроения и её сексуального возбуждения со всеми нужными половыми реакциями.

Генитальные половые реакции у женщин — это реакция lubrication вагины и соответствующие сосудистые, железистые и мышечные реакции. Лубрикация (смазка) — это основная женская половая реакция стадии возбуждения (как эрекция у мужчин), а потеря лубрикации приравнивается к потере эрекции.

У женщин способность к lubricации относится к палеофеминной сексуальности и зависит от женских половых гормонов. Количество lubricации может уменьшаться из-за снижения женских половых гормонов при гормональных нарушениях, при их возрастном снижении [1, 14, 22]. Происходящие при этом изменения слизистой влагалища, вплоть до её полной атрофии, оборачиваются снижением её способности к lubricации.

Соответственно, если у мужчин и влечение, и генитальные половые реакции (эрекция) регулируется одним тестостероном, то у женщин ситуация иная. Для реализации сексуальности у женщин требуются как мужские половые гормоны (перманентное влечение, оргазм), так и женские (lubricация и др. половые реакции). Т.е её палеофемининная сексуальность опосредована женскими половыми гормонами (эстрогенами), а парамаскулинная — мужскими. У женщин эти гормональные факторы должны взаимно соответствовать и действовать синергически.

Влечение и возбудимость женщины могут быть снижены при снижении уровня мужских половых гормонов. Повышение тестостерона (или надпочечниковых андрогенов) при таких ситуациях может сексуальность женщины повысить. Казалось бы, чем выше концентрация андрогенов, тем выше будет сексуальность женщин. Однако, если уровень мужских гормонов дойдёт до оптимального уровня, то дальнейший их рост сексуальность женщины уже не повысит. Наоборот, она может снизиться. Избыток андрогенов вступит в конкуренцию с эстрогенами. Эстрогены будут вытеснены с их тканевых рецепторов, возникнет их тканевой дефицит. В результате нарушится слизистая влагалища, вплоть до атрофических её изменений. Снизятся функции влагалища, такие как его эластичность и способность к lubricации. А без эластичности влагалища и достаточной lubricации, половой акт станет неприятным или болезненным, в результате чего половое влечение и возбудимость снизятся по защитным механизмам избегания боли.

Выше мы указывали, что у мужчин во внутриутробном периоде половая дифференцировка мозга по мужскому типу не тре-

бует женских половых гормонов, а требует только мужских. И частичная траннсексуализация (феминизация) мужского мозга определяется только дефицитом мужских половых гормонов, без участия женских. Так и у взрослых мужчин их сексуальность требует только мужских гормонов, без помощи женских. А у женщин во внутриутробном периоде частичная транссексуализация (маскулинизация) их мозга происходит под влиянием андрогенов, и у взрослых женщин их сексуальность требует участия как женских гормонов, отвечающих за её палеофемининную сексуальность, так и мужских гормонов, отвечающих за её парамаскулинную сексуальность.

Эволюция функции «привлечения» у женщин: телесные аспекты

Выше много говорилось о появлении у женщин в процессе эволюции перманентной сексуальности. Но что это означает? Перманентными должны были стать сексуальный призыв (сексапильность) и сексуальная рецептивность (способность к сексу). Вместо циклического и непродолжительного обонятельного сигнала, женщинам пришлось найти какой-то стабильный сексуальный сигнал. Им оказался визуальный сигнал, который гораздо стабильнее обонятельного. Причём, даже если мужчина реагирует на визуальные сигналы, исходящие от других женщин, то всё же он не теряет визуального сексуального сигнала и от своей женщины вне её репродуктивных периодов, как это было бы неизбежно с регулярно исчезающими обонятельными сигналами. Он постоянно получает её сексуальный призыв, и она не перестаёт быть для него сексуальным объектом.

А что такое визуальный сигнал (стимул)? Что такого женщина может показать мужчине, чтобы привлечь и удерживать его? Ничего, кроме самой себя. Визуальный сигнал — это, собственно, вид самой женщины, вид её женского тела. Но, поскольку разглядеть телесные половые различия под покровом густой

шерсти трудно, пришлось с ней расстаться. Человек — это «голая обезьяна» [21].

Вопрос, почему человек расстался с телесным волосяным покровом, окончательно не решён и существует множество гипотез. Мы не хотим оспаривать ни акватические и литоральные теории, ни саванновые, ни паразитарные или иные. Но нам кажется, что сексуальные и социальные поводы для отказа от телесного волосяного покрова, тоже важны. Причём, они принципиально не противоречат указанным гипотезам. В какой бы среде не эволюционировал человек, эти сексуальные и социальные факторы вполне могли присутствовать.

И витаминные факторы, похоже, тоже играют роль в отказе от волосяного покрова. Согласно литоральной теории, жизнь в полосе приливов а) сделала ненужным телесное оволосение и б) снабдила человека большим количеством ценных жирных кислот, которые способствовали развитию мозга. Но такая пища содержала много витамина D (рыбий жир), который стал необходимым атрибутом метаболизма человека. Отойдя от полосы приливов и изменив пищевой режим, человек смог компенсировать возникший дефицит витамина D только витамино-образующими дозами инсоляции (солнечного облучения). А для получения достаточно больших доз витамина D густое телесное оволосение было бы препятствием.

В плане сексуальности, процесс отказа от волосяного покрова начался с потребности иметь визуальные сексуальные сигналы. Уже у самок обезьян появились зачатки использования зрительных сексуальных сигналов — участки «половой кожи», которая не имеет волосяного покрова. В периоды овуляции (фертильности) эти участки кожи наливаются кровью и краснеют, показывая фертильную и рецептивную готовность самки, и привлекая самцов. У некоторых видов обезьян это может быть безволосая седалищная часть (заднее представительство), у других видов — участок кожи на груди или на лице (переднее представительство). Например, переднее представительство (безволосый участок в области шеи и верхней части груди) у самок эфиопских бабуинов гелада обусловлено тем, что они живут

в холодных и ветреных условиях высокогорья, питаются травой, для чего им не надо вставать, а удобнее и теплее сидеть. Это скрывает заднее представительство, пришлось перенести его на видимые участки на груди.

Но, такие визуальные сигналы тоже зависят, как и запахи, от гормонов, показывают сексуальную готовность только в период её репродуктивной фазы, т. е. остаются циклическими, они не могут привлекать самцов постоянно. Женщины наших предков отказались от специальных (циклически работающих) участков «половой кожи», всё их тело стало сексуальным и стабильным «сексуальным сигналом» для мужчин (и мужчины это приняли). Когда всё тело лишилось волос, то безволосые участки половой кожи перестали выделяться. Визуальных циклических сигналов (участки половой кожи) не осталось. Рудиментарными аналогами являются зоны «полового покраснения», которые появляются у женщин при нарастании сексуального возбуждения.

Образно говоря, сбросив телесное оволосение, женщины «разделись», показав мужчинам своё тело (стабильный сигнал). У людей различия в телесном оволосении относятся к вторичным половым признакам. Т. е. они альтернативны: либо мужские, либо женские. Его выраженность зависит от генетики и от мужских половых гормонов. Мужское тело сохранило больше волос, поскольку не мужчины, а женщины должны своё тело демонстрировать. Оволосение лица тоже имеет половые различия и свою целесообразность. Густая окладистая борода у женщины мешала бы грудному кормлению ребёнка, и лицевого оволосения у женщин нет. В тоже время длинные волосы головы при холоде потенциально могут шатром прикрывать ребёнка, сохраняя его в тепле при кормлении, а в жару можно их откинуть.

Но мало «раздеться», надо чтобы само женское тело стало привлекать мужчин. А что такое «женское»? Это то, что «не мужское», что отличается от мужского. Вспоминается выражение: «Что у мужчин на уме, у женщин — везде». Процесс «обнажения» у женщин сопровождался развитием их тела по женскому типу,

чтобы больше отличаться от мужского. У многих видов животных половых различий в телосложении практически нет, хотя различия могут касаться окраски оперения/шерсти, или различий в общих телесных размерах самцов и самок. Но у человека эти внешние телесные различия между полами развились в значительной степени, они стали настолько заметны, что их относят к половым различиям. Телосложение по мужскому или женскому типу, как и половое оволосение, относится к вторичным половым признакам. Эти различия явно носят сигнальный характер.

У женщин телесно-сигнальные отличия развились в рамках как переднего, так и заднего представительства. У четвероногих обычная копулятивная позиция — это самец сзади. И у обезьян она тоже преобладает (хотя и не является единственной, особенно у шимпанзе и бонобо). И вид самки сзади, это и есть заднее представительство. Тем более, что и половая кожа самки — это, обычно, седалищная зона, которая не только краснела, но и набухала, значительно увеличиваясь в объёме. Соответственно, у женщин изначально было развито заднее представительство. Её тазово-ягодичная область имела стабильно увеличенный объём, отличаясь от мужского аналога. На ещё большее развитие тазово-ягодичной области повлияла необходимость рожать детей с большими размерами головы. В итоге, это стало заметным телесным отличием от мужчин («задние полусферы»), т. е. приобрело сигнальный характер и стало задним сексуальным представительством.

Но в результате развития общения (мимика, жесты, далее — речь), стало развиваться переднее представительство: все те признаки женственности, которые видны при общении «лицом к лицу». В конечном итоге переднее сексуальное представительство значительно развилось. Обилие вариантов переднего сексуального представительства означает: а) факт появления прямохождения, когда на уровне глаз находится не седалищная часть, которую удобно обонятельно и визуальное изучать на четвереньках, а лицо; б) факт появления активного фронтального общения у наших двуногих предков («лицом-к-лицу»). Факт

фронтальной коммуникации способствовал переходу от эволюционно древней дорзальной (задней) коитальной позиции, преимущественно к фронтальной (передней).

Переднее представительство — это вид спереди (лицо, молочные железы, лобок, и пр.). Например, значительно развились молочные железы («передние полусферы»), и этому придаётся именно сигнальное значение, так как с лактацией это напрямую не связано. У животных вне лактации молочные железы самок столь же малозаметны, как у самцов (искусственно выведенные коровы не в счёт). Считается, что «передние полушария» приятны мужчинам и сексуально провоцируют их, поскольку напоминают им о «задних полушариях» [7, 9, 21]. Развилось и лицевое переднее представительство. Человек имеет ярко выраженные, крупные, чётко очерченные, контрастированные цветом и «вывернутые» губы (у обезьян таких губ нет). У женщин губы ещё более выражены, чем у мужчин. Губам тоже приписывают половое сигнальное значение. Считают, что своей формой и цветом они должны вызывать у мужчин генитальные ассоциации и сексуально провоцировать мужчин. И не зря у негроидной расы недостаточная цветовая контрастность цвета губ (на фоне их тёмного лица), компенсируется увеличением размера и вывернутостью их губ. Это делает их более заметными. Подкрашивание губ у женщин явно имеет функцию сексуального привлечения.

Однако, не все сигналы предназначены для мужчин. Например, цветовая контрастность сосков молочных желёз и их ареол, которая делает их заметными. Она тоже имеет сигнальное значение, но этот сигнал направлен сосущим грудью младенцам. Нечто похожее можно предположить и о губах женщины. Ведь когда беззубого малыша отлучали от груди и переводили на естественное вскармливание, то был неизбежен период, когда мать помогала малышу. Ведь детских питательных смесей, как и механической и термической обработки пищи, раньше не было. Мать жевала зерна, корешки, плоды или мясо, и, наклонившись к малышу, передавала ему готовую пищевую кашницу изо рта в рот. Кроме того, материнская слюна улучшала перева-

ривание пищи у малыша и могла укреплять его иммунитет. Судя по всему, именно из этого пищевого контакта губ у человека возник «феномен поцелуя». Поцелуй символизирует близость и полное слияние, как матери и дитя. Кстати сказать, считается, что любовь к поцелуям более свойственна женщинам, а не мужчинам. Т. е. сама природа (генетика) подготовила их к получению удовольствия от взаимного контакта губ для будущего кормления своих детей методом рот в рот. Далее поцелуи, поскольку они уже возникли, приобрели уже новые функции: оценить партнёра «на вкус». Переход к моногамности сделал функции «оценки и выбора» партнёра очень важными, ведь потом поменять партнёра уже трудно. Обонятельная и вкусовая информация позволяла самкам оценить различные соматические аспекты претендента мужчины (его здоровье и генетику), оценить, приятен ли он ей самой.

Переход к зрительным стимулам сначала решался биологически: отказ от волосяного телесного покрова, развитие женских телесных половых признаков (привлекательное тело). А далее постепенно добавились визуальные стимулы социокультурального характера: украшения, одежда, косметика, причёски, и пр. Эти женские атрибуты могут играть как роль сексуального сигнала, так и роль рангового сигнала. Украшения, как всё блестящее, привлекает взгляд мужчины, но они отражают статус и богатство женщины в глазах других женщин. Одежда явно имеет не только функцию защиты от холода и непогоды. Подчёркивая прелести и скрывая недостатки, одежда усиливает эротический сигнал. В полной мере это касается эротической одежды (белья), где иные функции, кроме эротических, вообще отсутствуют. Эротическое бельё ни утеплить, ни защитить от непогоды не может, а ватник эротическим не бывает, разве только женщина своим собственным видом не сделает его таковым. Шуба, конечно, и красива и тепла, но её носят не столько для тепла или привлечения мужчин, сколько для демонстрации статуса, как ранговый сигнал. Действительно, когда «женщины одеваются не столько для мужчин, сколько против других женщин», нередкая ситуация.

При этом можно заметить, что в некоторых примитивных племенах мужчины внешне «украшены» гораздо ярче соплеменниц: носят разные головные уборы, перья, ожерелья из когтей, татуировки и пр. Однако, это не украшения как таковые (в эстетическом аспекте), это ранговые обозначения, которые показывают статус мужчины и являются заслуженными знаками различия, как знаки отличия и ордена в армии. Конечно, хотя у женщин одежда и украшения могут иметь роль ранговых сигналов, но всё же чаще они нацелены на усиление её сексуальной привлекательности, т. е. на повышение эффективности в функциях «привлечения», а значит и «выбора», партнера.

Когда мы говорили о принципе женской привлекательности, то связывали её с демонстрацией репродуктивного потенциала женщины (см. выше), который включал демонстрацию а) телесных половых признаков женского пола (фигура, грудь и пр.), б) молодости, как нарастание и расцвет её фертильности (аналог предовуляторного периода у животных), так и отражение длительности предстоящего периода фертильности, в) здоровья женщины (кожа, волосы и пр.), что важно как для репродукции, так и для её достаточно продолжительной жизни. Всё это обеспечивает успешность деторождения и длительного воспитания потомства, т. е. выживания популяции.

Кроме одежды и украшений, наработаны и другие социокультуральные факторы усиления и сохранения «функции привлечения» у женщин. Т. е. цивилизация продолжила биологические методы визуальной привлекательности женщин своими методами. Кремы, массажи, маски — для молодости кожи, помада, тушь, тени и другая косметика — для визуальной привлекательности лица, и пр. Ныне, к этому добавились аппаратные и хирургические методы. Это позволяет усилить, продлить или имитировать визуальные сигналы привлекательности (по сути — фертильности) женщин. И мужчины на них реагируют.

Визуальные сигналы привлечения, стабильные по сравнению с обонятельными, далее работают не только на «функцию привлечения», но и на функции «удержания и управления» партнёром (см. ниже).

Строго говоря, все указанные телесные визуальные стимулы тоже не совсем стабильны, некоторая цикличность выявляется и в них. Полностью замаскировать их не удаётся. В экспериментах доказано, что в фазе овуляции женщина внешне выглядит ещё привлекательнее, и мужчины, неосознанно, ещё больше на неё в такой фазе реагируют. Эта цикличность — замаскированное проявление палеофемининной составляющей женской сексуальности. Перманентная парамаскулинная сексуальность делает женщину постоянно желанной для мужчины, поддерживая их сексуальные отношения, но циклическая палеофемининная сексуальность в репродуктивные периоды делает её ещё более желанной, тем более активизируя сексуальность мужчины. Т. е. происходит суммация эффектов обоих составляющих женской сексуальности на благо продолжения рода.

Это же касается и обонятельных сигналов (другой телесный механизм привлечения). Отказавшись от обонятельных методов привлечения в пользу стабильных визуальных, т. е. расставшись с телесным оволосением, люди всё же сохранили островки лобкового и подмышечного оволосения. Они-то как раз и являются теми депо обонятельных половых сигналов (феромоны и копулины), которые хоть и подспудно, но всё же могут влиять на сексуальность мужчин, усиливая её в подходящие для зачатия периоды. Феромоны вырабатываются кожными железами и содержатся в поте, который впитывается (фиксируется) половым оволосением. Половое оволосение — это то оволосение, которое появляется в период полового созревания и служит сексуальным целям. Кроме зон лобкового и подмышечного оволосения, феромоны вырабатываются железами ладоней и стоп. Видимо, чтобы прамужчины могли найти праженицу даже по её следам.

Повышая за счёт запахов сексуальность мужчин во время предовуляторного гормонального пика у женщины (пусть даже они этого не осознают), природа постаралась повысить сексуальную активность мужчины и вероятность зачатия. Мы упомянули, что многие исследования выявляют неосознанное повышение сексуальности мужчин в предовуляторный период женщины за счёт повышения её внешней привлекательности и «пове-

денческого эструса». Но это же касается и её рудиментарных обонятельных сексуальных сигналов, которые не осознаются мужчинами, но скрытно на них влияют. И не зря так популярно стало стремление женщин спровоцировать интерес и сексуальность мужчин за счёт женских «духов с феромонами». Такие скрытые обонятельные сигналы автоматически повышают уровень тестостерона у мужчин. Через это проявляется эволюционно древняя биологическая реакция мужчин именно на обонятельные сигналы. Последовательность такова: обонятельный сигнал — повышение тестостерона — включение мозговой сексуальной поведенческой программы — сексуальное поведение и реакции. Особенно характерны эти обонятельные влияния на мужчин в проживающих вместе парах, где имеется тесный телесный и обонятельный контакт.

Скрытые аспекты обонятельной коммуникации надо учитывать и при трактовке любых невербальных сексуальных сигналов женщины. Когда собака виляет хвостом, она посылает нам не зрительные, как нам кажется, а обонятельные сигналы, усиленно распространяя с помощью хвоста свой запах. А когда собака виновата, боится и хочет быть незаметной, то она поджимает хвост, пряча свои обонятельные сигналы. Как бы: нет запаха, нет и её. У людей женщины тоже могут закрывать или открывать свои депо половых запахов (зоны генитального и подмышечного оволосения). Когда женщина, пытаясь заинтересовать мужчину, постоянно поправляет волосы, то она не только визуально привлекает его внимание к своим красивым волосам и рукам, но и, открывая подмышечные зоны, она инстинктивно старается не прятать свой обонятельный сексуальный призыв, а послать его мужчине. Или, постоянно перекидывая ногу на ногу, сидящая женщина не только визуально привлекает внимание мужчины к своим красивым ногам, но и, аналогичным образом, тоже инстинктивно и неосознанно, посылает обонятельный сигнал и пытается привлечь его обонятельно. Таким образом, вышеупомянутая мини юбка не только открывает ноги (визуальный стимул для мужчин), она и обонятельные сигналы хуже скрывает.

В противоположность этому, когда мы прячемся, мы сжимаемся, при этом мы не только зрительно уменьшаемся и делаемся менее заметными, но и закрываем свои депо половых запахов.

Самки многих видов, как известно, отличаются выраженной мимикрией (защитной маскировочной окраской, внешней незаметностью), в то время как более яркие самцы гораздо заметнее. В результате хищник их скорее обнаружит, а самка будет сохранена. Размышляя подобным образом, мы можем думать и о защитной «обонятельной мимикрии» женщин. Можно предположить, что меньшее телесное оволосение женщин означает уменьшение их обонятельных общих телесных сигналов, т. е. это как бы их «обонятельная мимикрия». Обонятельно хищнику труднее обнаружить женщину, в отличие от более волосатого и более пахнущего мужчины. Мужчины обонятельно отвлекают хищников на себя, сберегая самок. Аналогично ситуации, когда хищник не может найти детёныша лани или газели, поскольку тот не имеет запаха, и пытается преследовать их имеющую запах мать. Кроме того, чем меньше телесных волос — тем легче устранить (смыть) или замаскировать (парфюмерия) нежелательные телесные запахи. Т. е. женщинам это сделать легче.

Проявления визуальности и обонятельности можно увидеть и в фетишизме (как в его допатологических, так и в его патологических вариантах). Визуально фетиш (бельё, одежда, обувь, перчатки) повторяет формы тела, отражает телесную внешность. А обонятельные стимулы связаны с тем, что фетиш был в контакте с соответствующими частями тела, и хранит половые обонятельные сигналы женщины. Например, в Японии герметично запакованные ношенные трусики девушек продаются, с указанием длительности их ношения и с фотографией девушки. И фетишисты не только любят фетиш и прижимают его к члену при мастурбации, но и вдыхают сохранённый им запах. Крайний вариант фетишизма, это «фетишистский трансвестизм», когда фетишист при мастурбации перевоплощается в женщину (одежда, косметика, и пр.). Существует и

фетишизм женских ног (foot-fetish). Он включает различные манипуляции с чулками, обувью и непосредственно со ступнями женских ног, в том числе с получением явного обонятельного удовольствия от ног или их фетиша.

Мы считаем, что помимо перечисленных причин для отказа от телесного оволосения, есть и социальные причины. Члены одного стада (стаи, прайда) метят свою территорию и друг друга своими запахами и пахнут одинаково. Когда львицы трутся мордами, а кошка трётся о ногу хозяйки, то в этом выражается стремление пометить «своих» общим запахом, иметь одинаковый запах. А запах чужого на собственной территории вызывает агрессию. Перейти к жизни в крупных сообществах невозможно, не решив эту проблему. Крупные сообщества — это семейно организованные племена. Все не могут пахнуть одинаково, и взаимная агрессия была бы неизбежна. Надо что-то делать.

Во-первых, надо снизить уровень телесных запахов. Верный путь к этому, как было сказано, — это снижение телесного оволосения. У женщин изначально преобладали сексуальные причины — показать своё тело, свой стабильный визуальный сексуальный сигнал. И в отказе от волос женщины преуспели больше. У мужчин преобладали социальные факторы — снижение оволосения помогало снизить риск взаимной обонятельной агрессии. «Запах чужака» стал снижаться при снижении телесного оволосения.

Во-вторых, механизмом, позволяющим снизить риск обонятельной агрессии и мирно сотрудничать в крупных сообществах, стало снижение обонятельной чувствительности. Оказалось, что излишне хорошее обоняние у мужчин в крупных сообществах нецелесообразно, обонятельная агрессия мешает сотрудничеству. Соответственно, обонятельная чувствительность у человека стала снижаться, и у мужчин она снизилось в большей степени, чем у женщин. Для мужчин снижение обоняния оказалось более важным, чем для женщин, они раньше овладели этой особенностью, и больше преуспели. В результате, обонятельное напряжение в отношениях между мужчинами стало снижаться. С другой стороны, процесс снижения мужского обо-

нения при переходе к племенной организации, это ещё одна причина для перехода женщин с обонятельных сигналов на зрительные (ведь зрение у мужчин не ухудшилось!). Но, поскольку у женщин запах чужака не провоцирует агрессию (не они охраняют территорию и воюют за неё), то нужды в сильном отказе от хорошего обоняния у женщин не было. Наоборот, женщинам полезно иметь хорошее обоняние. Оно необходимо женщинам для оценки состояния здоровья ребёнка, для неосознанной оценки состояния здоровья и иммунитета мужчин (на стадии их «выбора»), для выявления потенциальных угроз и своевременного спасения, и пр. В целом, у женщин обоняние осталось более острым, чем у мужчин. Напоминаем, что половые различия — это различия групповые, а не индивидуальные. У мужчин диапазон нормы признака уже, чем у женщин, но шире диапазон крайних его проявлений [6]. Это касается и обоняния. Например, наличие особо острого обоняния у мужчин профессиональных дегустаторов, парфюмеров и пр.

В-третьих, проблема борьбы с избыточным телесным запахом стала издавна решаться методом устранения телесного запаха. Люди решили, что «плохо пахнуть — плохо». Для этого пришлось устранять избыточные телесные запахи. Появилась культура чистоты тела, гигиена, желание смыть избыточные телесные запахи. Потеря телесного оволосения и здесь оказалась к месту. Ведь омыть кожу легче, чем промыть густое телесное оволосение. Цивилизация продолжила инстинктивные программы избавления от телесных запахов социальными методами. Появилась культура тела. Вспомним гигантские римские термы. Дошло до того, что появилось мыло, шампуни и пр. Кроме того, пришлось телесные запахи маскировать. С давних времён люди старались приятными запахами перебить нежелательные телесные запахи (умаживания ароматическими маслами, травами), что далее привело к развитию парфюмерно-косметической культуры (духи, дезодоранты, и пр.).

И всё равно, какой-то уровень телесного обонятельного сигнала остаётся. Причины некоторых неосознанных симпатий или антипатий специалисты связывают с неосознанным обо-

нятельным принятием или отвержением другого человека. Возможно, эти обонятельные паттерны связаны не только с детством и запахом родителей (механизмы семейных обонятельных паттернов), но могут иметь и глубинные генетически-родовые механизмы. Подобные варианты обонятельного отвержения встречаются и в сексуальных отношениях (хороший человек, но секс с ним является обонятельной пыткой). И решать проблему обонятельного отвержения в сексе бывает сложно.

В-четвёртых, ещё одна причина отказа от телесного запаха и оволосения, которая тоже связана с сексуальностью, это переход к экзогамной семье. Дабы избежать риска инбридинга, семьи стали обмениваться женщинами. Но, попадая со своим родовым телесным запахом в другую семью, женщина могла столкнуться с отторжением и с непроизвольной агрессивной реакцией на неё, как на чужую. Ей было выгодно не иметь сильного телесного запаха и не провоцировать агрессию к ней в новой семье, т. е. не иметь телесного оволосения или легко, опять же в силу отсутствия этого оволосения, устранять нежелательные телесные запахи. Т. е. экстерриториальность женщин проявилась и в их **обонятельной экстерриториальности**. Ещё до семейно-племенной организации, на этапе семейно-территориальной организации жизни популяции, это всё стало проявляться. Мужчины владели своей территорией, где жили и кочевали, а самки более свободно экстерриториально передвигались. Находя себе новых мужчин, они: а) избегали инбридинга, б) могли выбрать более хорошую территорию для своих генов (потомства). Однако, в отличие от нежелательных родовых запахов (телесное оволосение), которое надо было минимизировать, половые женские запахи (половое оволосение) было выгодно сохранить и предъявить их новому мужчине.

Таким образом, хотя стабильный визуальный сигнал перекрывает по значимости циклические обонятельные сексуальные сигналы, но в рудиментарном виде они сохраняются в структуре палеофемининной составляющей женской сексуальности. И их депо — это участки лобкового и подмышечного оволосения, которые и сохранились. Кроме того, говоря об экс-

территориальности самок и экзогамности брака, вспомним врождённую низкую способность женщин к пространственной ориентации. Выискивая пищу на бескрайних просторах лесов и саванн, им было несложно просто заблудиться, прибиться к другой семье, и, не вызывая в самцах обонятельной агрессии, понравиться им. В итоге — профилактика близкородственного кровосмешательства. Генетические исследования выявили, что родственные самцы жили на одной территории (владели ею), а самки были пришлыми, т. е. отличались от них генетически.

Но плюсов без минусов не бывает. При обонятельных механизмах привлечения самки за самца не конкурировали. Обонятельно они не отличались друг от друга. Химическая формула обонятельной молекулы полового феромона у всех самок одинакова и видоспецифична. Но внешность не столь стандартна, как молекула. Внешность вариабельна. Таким образом, получив парамаскулинную психику (конкурентность и агрессивность), парамаскулинную перманентную сексуальность и перейдя на перманентный зрительный сигнал (сексапильная внешность), женщины, как и мужчины, стали конкурировать за противоположный пол (см. выше). Их конкуренция реализуется как на стадии привлечения мужчины, так и на стадии его удержания.

Эволюция функции «привлечения» у женщин: поведенческие аспекты

Однако, мало иметь сексапильное тело (визуальный стимул), надо уметь им в этом качестве пользоваться, надо уметь его «подать». Прежде всего, это потребовало своих особых поведенческих навыков. Проявления циклического «поведенческого эструса» у самок животных относительно невелики. У самок животных отмечаются позы «замирания», чтобы не отпугнуть самцов и дать им себя обонятельно исследовать. Есть позы «подставления» с целью сексуально привлечь и возбудить самца (не путать с позами ранговых отношений, которые не имеют целью

сношение). Самки обезьян используют также взгляды, мимические и звуковые сигналы, специальные жесты.

В отличие от перечисленных довольно скудных проявлений поведенческого эструса у самок животных, у женщин поведенческие проявления их сексуальной готовности радикально изменилось. Они стали весьма значительными и перманентными. Переход к перманентному визуальному сигналу (привлекательному телу) привёл к необходимости перманентно демонстрировать его сексуальную привлекательность. У женщин развились соответствующие мимика, моторика, пластика и пр., которые стали подчёркивать их телесные женские признаки, насыщать их живостью и эротическим содержанием, привлекать к ней мужчин. Рыбаки знают, что блесна должна не только красиво выглядеть, но и соблазнительно «играть». Женское тело «заиграло».

Помимо того, что поведенческая программа привлечения и соблазнения у женщин явно заложена биологически, ей ещё надо учиться и овладевать ею. Девочки с детства более кокетливы, и это поведение у них не только разрешается, но и поощряется (а у мальчиков, обычно, подавляется). Этот навык у женщин постоянно тренируется и шлифуется с детских лет. Это же реализуется и тренируется в играх, танцах и пр.

Навык привлечения изначально нужен для «привлечения и выбора» партнёра, а потом для «удержания и управления» партнёром (см. ниже). Не только тело женщины, но и оживляющая его моторика и пластика должны быть сексуальным стимулом. Этот эротический призыв проявляется в движениях глаз и губ, в движениях рук, в походке и, в идеале, в любом движении женщины. Хотя у людей эротические танцы существуют как отдельная категория, но на самом деле любой танец женщины эротичен. Он позволяет раскрыть эротический потенциал женского тела, т. е. показать его именно в движении, в «игре». Конечно и сами мужчины, воспринимая женское тело как эротический стимул, склонны насыщать женское тело и его пластику эротическим содержанием.

Конечно, существуют крайние, выходящие за пределы социальных норм, варианты разрешающего, провоцирующего и

дразнящего женского поведения. Такие варианты хорошо представлены в проституции и других вариантах коммерческого секса. Понятие об образе проститутки, хоть и размыто, но как-то отражено в архетипическом образе блудницы. И включают в себя не только чрезмерно сексуально-провоцирующую одежду или её минимизацию, но и дразнящее и провоцирующее секс поведение.

Роль поведенческих сигналов столь велика, что даже если у женщины привлекательная внешность есть, но поведенческих эротических сигналов нет, то мужчина воспринимает это как её нежелание секса и, в норме, не проявляет своей сексуальной инициативы. Т. е. отсутствие у женщины разрешающих сигналов равнозначно наличию запрещающих, и исходящий от женщины запрет на секс блокирует мужскую сексуальность. Например, в период благополучия в сексуальной жизни у ряда женщин её сексуальные сигналы или уменьшены, или заблокированы, что снижает инициативу у мужчин. Хотя у некоторых женщин в той же ситуации поведенческие механизмы привлечения столь сильно развиты, что сохраняются, проявляясь в игровом кокетливо-флиртующем поведении (см. ниже). Однако, встречаются женщины, имеющие все внешние данные для успеха у мужчин, но одиноких и не способных мужчин привлечь. При всей своей телесной привлекательности, они не научились завлекающему сексуальному поведению (взгляды, мимика, моторика и пр.). Это результат подавляющего их сексуальность воспитания. И мужчины таких женщин тоже обходят.

Пока женщина чувствует себя женщиной, у неё есть потребность быть привлекательной, быть сексуальным стимулом и призывом для мужчин, чувствовать своё воздействие на мужчин. Внутреннее стремление сексуально привлекать настолько сильно, что, даже получив нужного сексуального партнёра и успешно удерживая его, она не перестаёт постоянно тренировать свой навык соблазнения. Это происходит неосознанно и автоматически, просто женщине требуется подтверждение своей женственности и привлекательности, своей женской силы. Кроме того, имитационно привлекая и завлекая других муж-

чин, женщина провоцирует в муже ревность. Поскольку ему надо отгонять конкурентов, ему некогда откликаться на сексуальный призыв других женщин. В этом, кроме того, проявляется её функция удержания партнёра.

Что такое женское кокетство (флирт)? Это сексуальное привлечение мужчины, без гарантии самого секса. Думается, что миф об отсутствии у женщин логики, и обилие анекдотов на эту тему, базируется как раз на подобных ситуациях. С точки зрения мужчины, зачем заигрывать, соблазнять, привлекать, если ничего далее не планируешь? Сделав одно, сделай и другое. Но если женщины так не делают, если они обманывают («динамят») мужчин, то где же логика? На самом деле логика у женщин, даже будучи не осознанной, очень чёткая: потренировать навык привлечения, соблазнить мужчину, убедиться в эффективности своих женских чар, проверить силу своего сексуального призыва, а при наличии мужа — не дать ему возможности забыть о ней и переключиться на других женщин.

Кроме того, когда женщина привлекает мужчин на стадии именно выбора партнёра, то она должна, как мы указывали выше, «привлечь многих, чтобы выбрать одного». А остальные отвергнутые будут чувствовать себя обманутыми, и будут рассуждать о женском коварстве, о нелогичности, непоследовательности и непонятности женщин. Впрочем, непонятное мужчин к себе влечёт, т. е. это тоже становится механизмом их привлечения.

Визуальные телесные сексуальные сигналы, при всей их стабильности, имеют всё же замаскированные и малозаметные циклические проявления, возрастающие в период овуляции (см. выше). Это же касается и визуальных поведенческих сексуальных сигналов. Подчиняясь палеофемининным ритмам повышения сексуальности, женщина неосознанно и одевается, и ведёт себя в такие периоды более сексуально. Это аналогично «поведенческому эструсу» у самок животных [9, 27], при котором самка начинает использовать, помимо обонятельных и визуальных сигналов (половая кожа), ещё и специальные поведенческие сигналы: звуки, мимику, жесты и позы, говорящие

о её сексуальной готовности. И у женщин тоже в предовуляторном периоде непроизвольно усиливается их поведенческий сексуальный призыв: сексуальное поведение становится более дразнящим, демонстративным, провоцирующим. Это проявляется в мимике, моторике, выбранной одежде и пр. В одном из исследований выявлено, что в предовуляторном периоде, идя на танцы, девушки гораздо чаще, по сравнению с другими периодами, предпочитают одевать мини юбки. Поскольку явная цикличность и явные указания на период фертильности не соответствуют принципу перманентной (парамаскулиной) сексуальности у женщин, и должны быть скрыты, то эти изменения сексуальных поведенческих сигналов внешне малозаметны. Но они есть, и они выявляются при специальных исследованиях. И хотя они не осознаются мужчинами, но подспудно ими улавливаются, и на сексуальность мужчин влияют. Например, на танцах большим успехом пользовались и чаще выбирались молодыми людьми девушки именно в фазе овуляции.

Таким образом, эволюционные изменения в механизмах функции «привлечения» в виде отхода от циклических обонятельных стимулов, в виде перехода на перманентный визуальный стимул, существенно изменили не только биологию (характер оволосения и телосложения), но и всё поведение женщины. И даже повлияли на развитие материальной человеческой культуры (гигиена, парфюмерия, косметология, пластическая хирургия и пр.).

Эволюция функций «оценки и выбора» у женщин

Второй важной функцией сексуальности самок животных является функция «оценки и выбора» самца. Естественно, что подобные функции характерны для сексуальности женщин. У женщин базовые функции «привлечения, оценки и выбора» остались, но видоизменились. У животных все доступные самцы привлекаются, оцениваются и выбираются одновременно. Или периодически (сезонность размножения), или цикличес-

ки (очередной цикл её репродуктивности с соответствующим оповещением всех доступных самцов). У женщины привлечение мужчин начинается, когда она телесно сформируется (т. е. после её полового созревания) и стабильно длится весь её потенциально репродуктивный период жизни. По мере стабильно-длительного и непрерывного привлечения мужчин, женщина привлечённых мужчин (по мере их поступления) оценивает и выбирает.

Но категории оценки и выбора у женщин эволюционировали и изменились. У самок животных отбор идёт по одному единственному конкурентному признаку самца, и основой выбора является оценка его сугубо биолого-генетических возможностей, социальных факторов у них нет. Даже оценка статуса самца и выбор по этому признаку в иерархически организованной популяции обезьян отражает его биологические характеристики (сила, агрессивность), других сфер конкуренции самцов, как и сфер выбора у самок, у обезьян нет. Но человек существо биосоциальное. У людей, помимо биологических, есть социальные и индивидуальные личностно-психологические качества. Сама конкурентность мужчин социализировалась, обрядилась в социальные одежды, реализуется в социальной сфере. Конечно, у женщин базовый палеофемининный принцип выбрать «победителя», выбрать «самого-самого», т. е. некого «чемпиона в чём-то», сохранён в полной мере. Но спектр таких мужских проявлений у человека, в отличие от животных, крайне разнообразен.

Палеофемининная составляющая сексуальности у женщин по-прежнему ориентирована на такой интегративный показатель, как оценка статуса мужчины, но теперь уже в разных социальных сферах. Статус мужчины проявляется в разных сферах: армия, госслужба, наука, искусство, и пр. Это, с одной стороны, даёт женщине возможность иметь собственные индивидуальные предпочтения для выбора, но, с другой стороны, это существенно затрудняет у них функцию оценки и выбора. Причём, у человека высокий статус мужчины не всегда отражает его высокие биологические задатки. Например: в сословных обще-

ствах статус не завоёвывался, а наследовался, или: чемпион по шахматам может быть слаб биологически, или: начальник получил статус вопреки своим способностям и в обход конкуренции (по протекции), и пр. Т. е., выбор мужчины по статусу не гарантия его хорошей биологии (силы, адаптивности, конкурентности, и пр.) и его хороших генов. Кроме того, в молодом возрасте мужчина редко имеет самостоятельно достигнутый высокий статус, скорее женщина обращает внимание на его способности в этой сфере, на его ранговый потенциал. Зачастую женщина помогает его ранговому росту и часто служит мотиватором его карьеры. Хотя, конечно, наличие сигналов рангового потенциала у претендента ещё не гарантирует его реального рангового роста.

Кроме того, палеофемининный выбор только по статусу (или по сигналам рангового потенциала) не отражает личностно-психологических особенностей мужчины, важных для счастливого совместного проживания (т. е. крепкого брака), что важно для воспитания детей. При этом современный цивилизованный брак не является пожизненным и нерасторжимым, он держится не на принуждении и подавлении женщины (как в былые времена). Его скрепляют симбиотичные привязанности супругов во всех аспектах их отношений: взаимопонимание, самореализация каждой личности, хороший секс, дети и пр. Соответственно, помимо статуса мужчины (в разных социальных сферах), женщины должны уметь оценить его индивидуальные (биологические и личностно-психологические) особенности, говорящие о его генах и о его способности к партнёрству. Такой метод оценки уже не относится к палеофемининному выбору по статусу.

Парамаскулинная составляющая женской сексуальности ориентирована на оценку способности мужчины к партнёрским отношениям. Партнёрство — это уже горизонтальные отношения, а не вертикальные. Они основаны на взаимной выгоде и на взаимных обязательствах. Например, она ему секс — он ей заботу о ней и детях, у неё свои домашние обязанности — у него свои, и пр. И каждый чувствует, что никто никого не использу-

ет, что всё «по-честному». Сам выбор мужчины не по статусу, и оценка его как потенциального мужа и отца включает: оценку его биологии (здоровье, энергетика, сила...), его социальных характеристик (воспитание, образование, общность целей...), его психологических характеристик (характер, чувство юмора, качество общения, ...), оценку качества их секса, и т. д. Всё это индивидуально и соответствует её собственной социализации и психологии.

В итоге, функция оценки и выбора у женщины становятся многофакторной. По многим факторам её выбор может идти неосознанно. Выбор по палеофемининным и парамаскулинным категориям могут или гармонично дополняться, или иметь взаимоисключающие векторы, или как-то интегрироваться. Например, хочется, чтобы статус мужчины, хорошие гены для потомства, ресурсы мужчины, его стремление заботиться о ней и потомстве соединились в одном мужчине, и чтобы у них было взаимопонимание, близость и хороший секс. Статус (в разных сферах) и ресурсы (материально-финансовая обеспеченность) мужчины отражают его конкурентность и способность обеспечить потомство. Но статусность и ресурсность уже не синонимы, даже они могут не совпадать. С высоким статусом учёного, известнейшего профессора, академика, можно владеть совершенно нищенское существование. А можно и без всякого статуса иметь громадные ресурсы (на них даже фальшивый статус можно потом приобрести). Можно найти одновременно и самого ресурсного и самого статусного мужчину, но это будет не самый сильный, молодой и здоровый (несовпадение по биологии). Ведь у людей не всё решается силой, т. е. статус и ресурсы зависят не только от неё. Наоборот, физическое здоровье и сила молодого возраста обычно не подкреплено соответствующим статусом и наличием соответствующих материальных ресурсов. В конце концов, даже палеофемининно значимое совпадение хороших статуса и ресурсов у мужчины, не гарантируют гармоничного личностно-психологического и сексуального взаимодействия в паре. Мужчина-доминант по определению эгоист (это мотиватор достигнутого им статуса). Соответственно, у него

нет стремления понять партнёра, наладить общение с женщиной (проще её подчинить), нет стремления к прелюдиям и ласкам («не царское это дело»), для него секс — это тоже агрессивное доминирование. И хотя палеофемининная сексуальность женщины эмоционально откликается на такого партнёра сильным возбуждением, но не все женщины способны на оргазм от одних только возникших эмоций, большинству нужна сенсорная активация. А ощущения предполагают соответствующие действия мужчины (и общие ласки, и клиторную стимуляцию). Сочетание «мой ласковый и нежный зверь» хорошо получается в кино, и плохо в жизни: психологические установки альтернативны. Если оргазм у женщины от жёсткого и brutального мужчины в сексе без ласк получается, то паре можно позавидовать (всё гармонично сочетается). В противном случае, без оргазма, интерес к жёсткому сексу у женщины постепенно угаснет, влечение и возбудимость снизятся, попытки переделать мужа не оправдаются (даже если он соглашается, то «забывает» делать). Итогом такой дисгармонии палеофемининных и парамаскулиных потребностей является: или потеря желания женщиной и мучительная жизнь в этом психологически и сексуально некачественном браке (часто, с активной сублимацией), или распад брака, или компенсаторный менее brutальный любовник (что тоже может угрожать браку). В общем, выбор женщин очень сложен. Не позавидуешь...

Если у мужчины нет явных сигналов статусности и ресурсности, то оценка и выбор мужчины ограничивается его биологической и психологическо-поведенческой оценкой. Визуально оцениваются его физические данные: рост, сила, здоровье, активно-энергетические проявления (мимика, моторика, блеск глаз, и пр.), цвет кожи и т.д. Уже на этом этапе многие мужчины моментально оцениваются и автоматически вычёркиваются. На них даже взгляд женщины не задерживается, и женщины даже не замечают, что уже произвели оценку и сделали отрицательный выбор. И женщины искренне удивляются тому, что «мужчин нет». Хотя, точнее, нет «достойных её» мужчин. Иногда требования женщины к мужчинам столь высоки, что надо бы

им снизить планку и уровень своих притязаний. Но если у женщины возникло визуальное ощущение мужской привлекательности, то, далее, не исключено смещение процесса оценки в сторону его психолого-поведенческих особенностей, что является уже в общении. А далее, возможно, и его телесного (обонятельного, осязательного и вкусового) тестирования (ласки и поцелуи). И тоже возможен отсев. Следующим шагом оценки и выбора является уже непосредственно секс. На этом этапе тоже может возникнуть неприятие и отсев мужчины (его отрицательная оценка и отрицательный выбор). Но если партнёр и в сексе положительно оценен, т. е. выбран, то это служит предпосылкой для стабильных сексуальных отношений, хотя ещё не гарантирует брак. Мало ли что может выявиться по ходу длительного партнёрства.

Таким образом, современный путь к браку через этап добрачного секса вполне целесообразен. Патриархальные традиции (выбор жениха родителями, секс после свадьбы) исключали этап оценки и выбора у женщины. Её особо и не спрашивали, а главное, социальная ценность девственности исключала практику добрачного сексуального тестирования (за редкими исключениями). Хотя такие жёсткие социальные регламентации имеют свои плюсы, но для женщины отсутствие возможности добрачной оценки и выбора партнёра оборачивается риском секса с нежеланным (нелюбимым) партнёром. Это может превращать секс для женщины в самопринуждение, а иногда практически в насилие. Такой секс не может служить цементом, скрепляющим семью. А ведь именно для этого эволюция изменила цели и функции секса: к сугубо репродуктивным целям секса добавились эмоционально-гедонистические цели, формирующие симбиотические связи.

Соответственно, чтобы такой секс без любви и удовольствия, основанный на семейном долге, самопринуждении, или насилии не приводил к бегству женщин из такого брака, разводы были жёстко запрещены. Брак был пожизненным. Социально-психологически это выражалось в формализации и сакрализации брака. Такой брак держался на долготерпении и бесправ-

ности женщины, отражал её угнетённое и подчинённое положение. Безусловно, это является проявлением сексизма, т. е. дискриминации по полу. И сейчас, в патриархальных культурах с формальными семейными ролями мужа/жены, эмоционально-личностные аспекты отношений снижены, они заменены ролевыми. По сравнению с таким нерасторжимым патриархальным браком, современный брак в цивилизованных странах не держится на принуждении. Его основой является свободное эмоциональное взаимодействие двух людей, в том числе и в сексе. И эти эмоционально позитивные отношения родителей являются благоприятным фактором воспитания эмоционально здорового потомства. Такой свободный брак аналогичен свободному браку первобытных времён, когда на него ещё не влияли факторы развития материальной культуры с появлением собственности и её наследования, когда не было сословных расслоений и смысла в жёстких социальных регламентациях брачных отношений. Успех таких моделей брака определяется эффективностью выбора партнёра.

В отношении оцениваемых социальных и личностно-психологических характеристик мужчины диапазон выбора весьма широк. Можно выбрать самого понимающего и подходящего психологически. Можно выбрать самого поэтичного, самого умного, самого романтического и ласкового, или самого грубого и маскулинного (мачо). Самого образованного. Можно выбрать самого заботливого. А если женщина выбирает слабого мужчину, о котором ей самой нужно заботиться, то она выберет самого слабого из всех доступных ей слабых мужчин, «чемпиона» среди слабых и беспомощных. Казалось бы, зачем женщине выбирать мужчину по этому параметру?

Во-первых, выбор слабого мужчины может базироваться на компенсации её палеофемининных материнских потребностей личности: она «женщина-мать» и он «мужчина-сын», о котором надо заботиться как о ребёнке. По сути, это символика и компенсация её сильных материнских потребностей. Во-вторых, на её подспудном страхе пред мужчинами, страхом перед мужской агрессией. А если он слаб, и она контролирует его, то

он не страшен. В-третьих, наличие у женщины сильно выраженной парамаскулинной составляющей её личности. Её маскулинная акцентуация, её сильный мужской радикал требует реализации её доминантности, требует, чтобы муж был подчинён и зависим. Такого она и выбирает. В-четвертых, наличие у женщины чрезмерно выраженного альтруизма и жертвенности. При этом высока потребность спасать, сохранять, оберегать и т.д., но уже не собственных детей, а и мужчин. Это ярко проявляется у жён алкоголиков и наркоманов. Бесконечно нянчась с ними и спасая их, они страдают, но держатся за них и не бросают этих слабых и безвольных существ. Это даже даёт им некое удовольствие от их психического мазохизма. Такие психологические выгоды, как получение сопереживания и внимания окружающих, возможность хотя бы этим (за неимением другого) привлечь к себе внимание, тоже возможны. Но носят, на наш взгляд, скорее вторичный характер. Все эти психологические механизмы могут у женщины сочетаться и переплетаться.

Интересен выбор по статусному критерию популярности (популярный артист, певец, писатель, или просто известный человек). Популярность, конечно, говорит об успешности мужчины (хотя можно быть популярным, но «малоресурсным»), но здесь важно то, что женщина может ориентироваться на выбор других женщин, это как бы подсказка, кого надо выбирать: если все его выбирают, то все не могут ошибаться, и данный мужчина действительно достоин женского выбора. Особенно это характерно для молодого возраста («фанатки» популярных певцов и пр.), когда навык оценки и выбора не отшлифован, уверенности в себе и своём выборе нет, и подсказка желательна.

Всё хорошо, если выбор идёт по одному чёткому параметру, но если по нескольким, то у женщин возможны сложные внутриличностные конфликты и проблемы в сфере выбора. Трудно в одном мужчине найти всё, что требуется женщине, не все мужчины такие разносторонние. Вспомните: «Мужчины от всех женщин хотят одного, а женщины от одного мужчины хотят всего». А где таких мужчин найти? Классическая проблема «выбора» описана у Н.В. Гоголя в «Женитьбе», когда невеста мечта-

ла интегрировать отдельные плюсы каждого из претендентов в одном образе. Многофакторный выбор сложен и труден, и за ошибки женщины нередко расплачиваются будущими отношениями в браке и его качеством.

Порой женские сомнения в правильности сделанного ею выбора могут тянуться и в браке, который уже состоялся и длится не один год. Особенно, если она не считает брак идеальным. Это может привести к нарастанию неосознанной обиды и негативизма к партнёру, к кризису семейных отношений. Внутренние конфликты, связанные с «функцией выбора», могут достигать уровня невротического конфликта. Как и всякий невроз, он проявит себя через нервно-психические и соматические (функционального характера) жалобы, или через психосоматику. Вся эта невротизация сказывается на ранимой и психологизированной женской сексуальности. Особенно страдает потеря либидо к мужчине, который не оправдал её ожиданий и не соответствует её образу мужского идеала (который, увы, очень противоречив), и пр. А вслед за снижением либидо, исчезает и её оргазм (муж его «не заслужил»). Такие невротические ситуации при конфликте выбора у женщины в работе сексологов и психотерапевтов встречаются нередко.

Однако, конфликты на фазе выбора — это не капризы избалованных женщин с завышенным уровнем притязаний, которые «сами не знают, чего они хотят», это оборотная сторона функции выбора, которая стала такой предельно сложной из-за её многофакторности. Глубинные цели выбора связаны с материнством: а) выбор мужчин по лучшим генам для потомства, б) выбор по материальным возможностям мужчины для лучшего выращивания потомства, в) выбор по его способности к прочному браку с атмосферой семейного счастья (включая «хороший секс»), что хорошо для воспитания детей. А поскольку дети — это серьёзно, то отсюда такие серьёзные эмоциональные реакции у женщин. При невротической ситуации женщине важно понять, что в одном мужчине не всегда можно воплотить все свои потребности, ей надо расставить приоритеты, ранжировать свои потребности и понять, что она получает в браке, а чего

ей не хватает. К хорошему люди привыкают быстро, и оно перестаёт ими замечаться, в том числе и старания мужа. А свежим взглядом женщина может увидеть, что её приоритетные потребности муж удовлетворяет. А что не все из них, так нам всегда чего-то не хватает. Особенно женщинам (взять хотя бы «Сказку о золотой рыбке»).

У женщин существует риск одиночества при неэффективной функции привлечения (проблемы с внешней привлекательностью, наличие поведенческих запрещающих сигналов). Но даже успешное привлечение с обилием претендентов у красивой женщины, тоже может привести к одиночеству, но уже на этапе оценки и выбора. Чрезмерная разборчивость и отсев — тоже фактор риска одиночества. Некоторые женщины, имея реальных претендентов, боятся упустить что-то потенциально лучшее. В результате выбор всё время откладывается и возрастает риск остаться одной. И чем женщина красивее и чем выше она себя ценит, тем больше этот риск. Всё это издержки их программы выбора.

Изнурительность внутренних усилий по оценке и выбору мужчины, природа компенсировала возможностью полагаться на интуитивные и неосознанные механизмы выбора, которые выражаются в спонтанном появлении избирательности влечения, симпатии и возникновении чувства любви. О любви, как о бессознательной интегративной оценке и высокоизбирательном выборе самого подходящего партнёра (см. ниже).

Функция «удержания» мужчины

После того, как мужчины привлечены, оценены, и достойный выбран, у женщин начинаются новые проблемы, характерные именно для человека и отражающие переход к моногамной модели сексуальных отношений. Т. е., на первое место выходит задача удержания полигамного мужчины в моногамной семье, при конкретной женщине. У самок животных такой функции в их сексуальности нет. Там самец или исчезает после

оплодотворения и самка сама выращивает потомство, или они вместе потомство выкармливают (но связаны они прежде всего с потомством, а не друг с другом), или они имеют прочную моногамную семью, но такая моногамность обусловлена генетически. У человека гена моногамности нет. Женщине мало привлечь и выбрать мужчину, далее его надо «удержать».

У мужчин кульминацией их внутривидовой конкуренции является оплодотворение. А у женщин их внутривидовая конкуренция появляется на этапе привлечения и продолжается на этапе удержания мужчины. Обидно, если желанного мужчину не удалось привлечь, и он выбрал другую. Но если мужчина выбран, семья создана, а потом он бросил семью и ушёл к другой женщине, то это уже не обида, это, как правило, горе. Т. е. неудачи на этапе «удержания» мужчины переживаются больше, чем на этапе его «привлечения».

Мы уже говорили, что у обезьян самец привязан к самке на короткий период её сексуальной привлекательности и рецептивности. Соответственно, эти же сексуальные факторы, при их продлении, должны его и удерживать. И функцию постоянного удержания мужчины как раз и решает появившаяся у женщин в процессе эволюции постоянная парамаскулинная сексуальность.

Сопоставим основные эволюционные достижения женщин, необходимые как для привлечения (см. выше), так и для удержания мужчины:

Во-первых, чтобы мужчина постоянно мог иметь сексуальный интерес к женщине, ей надо иметь **постоянный сексуальный призыв**. И женщины решили этот вопрос, перейдя с циклических обонятельных стимулов на стабильные визуальные (сексапильная внешность). О связи понятия сексуальный визуальный сигнал с фертильностью, возрастом и здоровьем женщины (см. выше). Т. е. стабильный визуальный призыв важен как для привлечения, так и для удержания мужчины. Т. е. постоянное привлечение уже является удержанием.

Во-вторых. Если женщина стабильно посылает мужчине-партнёру визуальный сексуальный призыв, то она должна да-

вать этому мужчине и **стабильный секс**. Т. е., женщина должна иметь физиологические возможности (любрикация и другие половые реакции её фазы рецептивности) для секса вне своей репродуктивной фазы, чего нет у животных (или только в зачаточном виде, как у обезьян верветок). Т. е. женщина, за счёт частичной маскулинизации её мозга, получила перманентную сексуальность, как у мужчин (парамаскулинную сексуальность). Постоянное обеспечение мужчины сексом является его удер-
жанием.

В-третьих, изменилась структура сексуального либидо и мо-
тивация к сексу. Перманентная сексуальность не может базиро-
ваться на циклических гормональных механизмах либидо. В основу легло стремление к удовольствию, которым сексуальное желание и подкрепляется. А максимальным удовольствием (подкреплением) является, как и у мужчин, оргазм. Хотеть можно только того, что приятно, и чем приятнее удовольствие, тем сильнее стремление к нему. Чтобы желание у женщины не угасало, секс должен, как и у мужчин, подкрепляться удовольствием (оргазмом). Секс у женщин стал **оргазмичным**. Оргазму в развитии и подкреплении влечения принадлежит консолидирующая роль [14, 22]. Так как у самок животных оргазма нет, то оргазм у женщин биологи называют псевдомужской реакцией [21]. При этом часто указывают, что женский оргазм якобы не имеет смысла и биологического значения. Однако, хотя у женщины оргазм не имеет прямого репродуктивного потенциала, но он женщинам необходим и выполняет те же функции, что и у мужчин: насыщает секс удовольствием, подкрепляет сексуальное желание, даёт эмоции близости и партнёрства, и пр. А хороший секс формирует симбиотические связи, что людям необходимо. Т. е. он на биологию (репродукцию) всё же влияет, но опосредованно, через перечисленные механизмы.

Важность сексуального удовольствия и оргазма оказалась столь значима, что заставила эволюцию увеличить размеры полового члена у мужчины, дабы усилить ощущения в сенсорной фазе женского копулятивного цикла (см. выше). А также необходимость женского оргазма сделала актуальной длительность

сношения (см. выше). В силу этого, длительность фрикционной фазы у мужчин намного превышает биологическую. А преждевременная эякуляция рассматривается как патология, и страдания мужчин по этому поводу, как и их стремление к лечению, это и подтверждают. Выявлена связь между уровнем сексуальной культуры (общества, индивида) и длительностью сношения [17]. Постепенно нарастающая средняя продолжительность сношения в развитых странах [17] иллюстрирует стремление мужчин дать наслаждение и оргазм женщине. Это же касается изменений мужского поведения в сексе: для достижения оргазма стала значима «техника секса»: прелюдия, общие ласки, клиторная стимуляция, вербальные стимулы для женщин (слова, эмоции) и пр. Конечно, при репрессивном и негативном отношении общества к сексу, при идеях греховности и грязи секса, женщины молчали, и большая их часть удовольствия от секса не получали, занимаясь сексом по семейному долгу (типа «раздвинь ноги и думай об Англии»). Но либерализация общества, гуманизация отношения к женщинам, отход от сексизма (дискриминации по полу), позволили женщинам говорить о своих потребностях и о праве на удовольствие. Соответственно, мужчины не только стали задумываться о продолжительности сношения, но они стали совершенствоваться и в технике секса (сколько руководств на эту тему было издано).

В четвёртых, мужчины остались биологически полигамны, тяга к новизне у них не исчезла. Соответственно, женщина в браке неосознанно старается **имитировать новизну** и разнообразие. На уровне сознания женщин, им как бы самим почему-то не хочется выглядеть однообразно (даже если оптимальный вариант привлекательности найден), им почему-то хочется что-то в себе периодически изменять, это кажется таким естественным. Но подсознательно — это стремление казаться для мужа новой, другой женщиной, стремление одной собой заменить целый гарем, чтобы её биологически полигамный муж всё, в том числе и своё подспудное стремление к новизне, получал не с другими женщинами, а не отходя от неё. Понятно, что женщины хотят выглядеть привлекательно и соблазнительно (сек-

сапильно) на этапе привлечения мужчины. Но когда мужчина привлечён, выбран, и пара создана, то зачем женщине продолжать всё эти усилия по поддержанию своей сексапильности? Для его удержания!

Мужчины нередко думают, что женщины, перевоплощаясь, стараются для себя, что это милые женские причуды и проявление их капризного естества. Но женщины неосознанно создают своему мужчине иллюзию гарема. И не жалеют для этого ни времени, ни средств. В ход идут новая одежда, украшения, стиль и образ, причёски и окраски волос, меняется даже манера её поведения и весь её имидж. Иногда эти способности к перевоплощению поражают.

Кроме того, эти перевоплощения означают большой труд для женщины. Но женщин, обычно, это не тяготит. Почему? Как перманентный секс не может держаться на циклических гормональных колебаниях, а базируется уже на принципе удовольствия (оргазма), так и постоянные усилия женщин для имитации новизны тоже должны приносить ей удовольствие, иначе эта потребность зачахнет. Не зря шопинг сравнивают с сексом, и удовольствия от них у многих женщин сопоставимы. Удовольствие — это позитивный мотиватор и для секса, и для шопинга. То, что приятно и радует, не надоедает никогда. Таким образом, все перечисленные методы удержания мужчины не должны восприниматься женщиной как «тяжкая работа по удержанию партнёра», иначе они пойдут на спад и перестанут женщиной выполняться. А про функцию одежды, украшений и пр., как ранговых сигналов у женщин (см. выше).

Бывает, что секс нужен только мужу, а женщине не даёт удовлетворения, или приносит страдания и дискомфорт. Такой секс ухудшает отношения и качество совместного проживания (а значит, и воспитания детей), а главное, снижает прочность брака (перестаёт удерживать мужа). Предчувствуя такие последствия и избегая их, женщины могут какое-то время имитировать желание, возбуждение и оргазм. Но, обычно, когда-то их ресурсы притворства иссякают, и они начинают ограничивать секс и отказывать мужу, что обостряет ситуацию. Такие сексуальные

проблемы в жизни нередко встречается и требует лечения. Только качественный секс, подкреплённый удовольствием женщины, создаёт у неё позитивную эмоциональную установку на партнёра, на секс с ним, способствуя прочности брака. Только чувство близости и взаимной привязанности, основанные на симбиотической функции качественного секса укрепляет стабильность семьи, способствуя длительному выращиванию и воспитанию детей.

Соответственно, совершенно правильно, что женщины много внимания уделяют качеству своего сексуального призыва (своего визуального сигнала), т. е. внешности, которая важна как для привлечения, так и для удержании партнёра (в том числе имитируя новизну). Но, женщины часто недооценивают роль качественного секса в функции удержания партнёра. Т. е. женщина заботится о телесной привлекательности (гимнастика, массаж, пластические операции, косметика и пр.), об одежде и украшениях, но при этом может иметь сексуальные проблемы (проблемы влечения, оргазма и пр.)! И, мало того, не решать их. Однако, и скрыть это сложно, мужчины это чувствуют. Не надо преувеличивать мужскую «бесчувственность». У мужчин тоже есть и душа, и психика, и понимание партнёра. Женщинам важно понять, что для удержания мужчины важна не только её хорошая внешность, но и хороший секс. Желание и оргазм женщины показывает мужчине её истинную вовлечённость в их секс, его значимость для неё. Мужчины это чувствуют.

Удовлетворённость женщины важна для мужчины и с других психологических позиций. Мужчины существа конкурентные и самолюбивые, а оргазм у женщины повышает его мужскую самооценку. Оргазм женщины подтверждает его мужскую состоятельность и компетентность, даёт ему ощущение «о'кей» (даёт ему положительную эмоцию), снижает сексуальную тревогу («если её не удовлетворю я, то она найдёт другого, более сексуального»). А без её оргазма самолюбие и самооценка мужчины страдают. Когда секс подкрепляется положительной эмоцией, к нему стремятся, когда секс приводит к отрицательной

эмоции, его начинают избегать. Женщины чувствуют значимость полноценного секса и его роль в сохранении семьи. И не зря многие женщины, не имея оргазма, имитируют его. Симулируя оргазм, женщины хотят создать иллюзию благополучия в семье (см. выше), а также — повысить самооценку мужа и лучше его удерживать. Однако, гораздо лучше не имитировать оргазм, а решить проблему с оргазмом. Так как оргазм — это естественный атрибут её парамаскулинной сексуальности, то научить ему женщину можно практически всегда. И далее вести половую жизнь с обоюдным наслаждением.

Таким образом, новая функция сексуальности женщины (удержание мужчины) использует различные возможности её эволюционно новой парамаскулинной сексуальности.

Но успешное удержание партнёра и совместное проживание с ним, оборачивается необходимостью научиться ужиться с ним, и, соответственно, управлять им.

Функция «управления» мужчиной: роль секса

При совместном проживании в паре женщине мало иметь функцию удержания партнёра, становится актуальной функция «управления» партнёром. Управление мужчиной подразумевает организацию его поведения и его деятельности на пользу семье (жене, детям, ему самому). Обуздание полигамности мужчины, повышение уровня его заботы о жене и потомстве, усиление близости и эмоциональности семейных отношений, укрепление семьи на благо детям — всё это требует усилий и умения. Даже если женщина в семье получает преимущества как бы для себя, то это оборачивается благом для потомства. Особенно, конечно, это относилось к многодетным семьям до эры контрацепции.

Поскольку мужчины эволюционно менялись относительно мало, то они управляли и продолжают управлять (и мужчинами, и женщинами) по старинке, т. е. через выстраивание иерархии, через силу и агрессию. На современном уровне сила — это

вербальная сила: приказ, команда, распоряжение. Но женщинам управлять мужчинами посредством силы едва ли было возможно, мужчины физически сильнее и агрессивнее, в этом с ними женщинам было не посоревноваться. Женщины изобрели свои навыки управления мужчинами. И большую роль в функции управления мужчиной приобрёл секс.

В животном мире самке управлять самцом не нужно. Даже выкармливая детёныша, самка самцом не управляет, оба родителя управляются детёнышем (его голодными криками). У обезьян доминант управляет стадом используя силу, при этом достаётся одинаково как самцам, так и фертильно неактивным самкам. Единственное исключение, самка в её фертильной фазе, когда от неё исходят циклические обонятельные и циклические визуальные сигналы появившейся сексуальности. Происходит инверсия доминирования (см. выше). Не зря коммуникативные позы подчинения, которыми пользуются и самцы и самки, имитируют образ фертильной самки, что и блокирует агрессию вожака. Фертильная самка — вне агрессии. Наоборот, когда самка сексуальна, самец проявляет к ней внимание и заботу, заискивает перед ней, совершает обряд «груминга» (обыскивания), делает подношения и пр. У самки появляется возможность влиять на самца и, в какой-то мере, управлять им. Но длится эта инверсия доминирования недолго. Для длительного стабильного партнёрства этого мало.

Другое дело у человека. Стабильный статус сексуального объекта делает заинтересованное отношение мужчины к женщине тоже стабильным. Это снижает его агрессивность и позволяет ей ужиться с ним, т. е. создать моногамную семью. Но стабильная инверсия доминирования позволяет не только ужиться, но и управлять самцом. Женщина получает возможность использовать свою сексуальность для влияния на мужчину не в короткий репродуктивный период, а стабильно. Пока она сексуальна, она может этим пользоваться и управлять им. Получив перманентную парамаскулидную сексуальность и перманентную инверсию доминирования, женщины получили уникальные возможности для управления мужчинами. Секс

может использоваться как поощрение или как наказание, как механизм повышения или понижения самооценки мужчины, как механизм эмоционального сближения или дистанцирования, и пр.

Например, мужчина может получать секс в награду за выполнение неких потребностей женщины: материальных, эмоционально-психологических, и пр. Конечно, такие поощрения делаются не в прямую («Вот тебе секс в награду за...»), а тоньше. Поощрение нужных действий мужчины осуществляются за счёт того, что если мужчина «чем-то порадовал» женщину, то это естественным образом радует её, приводит к повышению её страсти и собственно к сексу. И сам их секс будет особенно ярким и удовлетворяющим. Она покажет это мужу. Но это и есть поощрение. Мужчине видеть её радостной, счастливой и сексуальный приятно, вот он и старается. Нельзя забывать, что грань между реальными эмоциями и игрой (манипуляцией) очень тонкая. И не всегда они противопоставляются.

А за нежелательное мужское поведение женщина может ограничивать или лишать его секса. Как правило, это тоже делается не в виде примитивного наказания и запрета. Манипуляции эффективны, когда они не заметны. Например, если он её расстроил, то в таком настроении она не смогла настроиться на секс, и хотя она сама изначально как бы хотела секса, но из-за его плохого поведения она не смогла возбудиться. Или, прямого лишения секса нет, но секс становится «плохим», некачественным. Например, расстроившись, она не смогла получить оргазм. Для мужчины, у которого женский оргазм повышает его мужскую самооценку, это означает как бы его фиаско, вызывает у него отрицательную эмоцию, т. е. он наказан. Другой вариант: на фоне расстройств, обид и переживаний половой акт у женщины может стать болезненным или неприятным (психогенная диспареуния). Т.е. женщина остаётся «хорошей», она как бы не отказывает мужу, даже как бы хочет секса сама, но ей больно, она страдает, она соглашается на секс «только ради него» (она — хорошая, он — плохой). В результате мужчина чувствует вину, неуместность своих желаний, он сам начинает ограничивать

половую жизнь. А виноватый человек — это управляемый человек. Он пытается загладить свою вину, чем-то жену порадовать, компенсировать свою вину другими заслугами и пр.

Часто женщина использует секс в борьбе за лидерство. Если у неё нет оргазма, то следуют упрёки: «Ты даже этого не можешь! Не можешь даже удовлетворить! Ты не мужчина!, и пр.». Естественно, такие сексуальные упрёки позволяют мужчиной управлять. Где уж после этого претендовать на лидерство. Мужчина встревожен, фрустрирован, его самооценка падает. В данной ситуации женщина отказывается от оргазма в пользу манипуляции. Если это ею не осознаётся, и она не понимает, почему у неё нет оргазма, то можно говорить о наличии у неё психогенной аноргазмии по механизмам невротического подавления оргазма. В таких случаях, в процессе лечения, нельзя просто устранить симптом (аноргазмию), так как это значит отобрать у неё метод управления мужчиной. При лечении, в обмен на её оргазм, ей надо дать новые методы управления мужчиной.

Подобные механизмы управления мужчиной через секс могут применяться женщиной и для социально позитивных целей. Например, при злоупотреблении мужчиной алкоголем — для борьбы с его алкоголизацией. Самое простое: «Не способна на секс, когда у тебя есть запах алкоголя». Аналогично её управление через секс может быть направлено для блокирования его внебрачной активности, и пр. Это достаточно тонкие манипуляции. Важно заметить, что управление мужчиной через секс может требовать наличия у него сексуальных дисфункций, и женщина всё сделает для того, чтобы они у него появились. И иногда женщины напрямую говорят врачу: «Вы его не очень-то вылечивайте. Иначе он опять запьёт (или загуляет)». А сама женщина успешно управляет его сексуальной способностью через свои вербальные и невербальные сигналы. Иногда достаточно одного взгляда или жеста, чтобы у него не получилось, но при этом она говорит ему «вот до чего допился (догулялся)», или: «куда тебе с такой-то потенцией, только жена это стерпит». Или наоборот, она может его как-то окрылить, и всё получится: «Вот видишь, не пьёшь — и уже лучше». Подобных ма-

нипулятивных методов управления мужчиной через секс множество.

Бывают ситуации, когда манипуляции через сексуальную функцию мужчины играют для женщины защитную психологическую роль. Например, женщина мужчину не любит, она любит другого. Но чтобы оправдать внебрачный секс, ей выгодно иметь половые нарушения у мужа. И у него, как по заказу, возникают неполадки. Женщина говорит: «Я порядочная женщина, я бы не завела внебрачных отношений, но муж — не удовлетворяет, а природа — требует, и я вынуждена иметь внебрачный секс». Т. е. виноват, оказывается, муж. Это он толкнул её в чужие объятия. Собственное чувство вины женщина перенесла на него, сняв с себя.

Бывает, что мужчина жалуется, что на почве сексуальной неудовлетворённости жена стала нервной, что дома конфликты, и всё это из-за его сексуальных нарушений. Однако, устранение его сексуальной дисфункции (проблемы с эрекцией или с преждевременной эякуляцией), не приводит к семейной благодати. Жене вдруг становится ещё хуже, а конфликтов ещё больше. Т. е. его нарушение было выгодно жене. Если суть проблемы была в борьбе за лидерство, то она лишилась своего очень мощного оружия — его несостоятельности. Если его несостоятельность прикрывала отсутствие любви к нему и наличие у неё романа на стороне, то его излечение — это крах её психологических защит.

Управляя и манипулируя мужчиной через секс, женщина может добиться и других несексуальных целей: материальных выгод (подарков, покупок), добиваться общения, заботы и внимания, и пр.

Эти примеры управления мужчинами через секс уже говорят о том, что женщины для этого должны иметь определённые особенности личности, и что они могут управлять мужчинами не только через секс.

Функция «управления» мужчиной: роль особенностей личности у женщин

Другими механизмами, помимо секса, которые развились у женщин в процессе эволюции и позволяют успешно управлять мужчинами, являются некоторые особенности личности. А именно — истерические личностные особенности. Истерический радикал личности отсутствует у самок животных, но считается характерным для женщин. Истерический радикал появился в процессе эволюции как противопоставление мужским методам управления. Особенно актуален он стал при совместном проживании в моногамном браке.

Истеричность включает в себя такие особенности, как демонстративность, инфантилизм, манипулятивность, эгоцентричность, нарциссичность. Подчеркнём, что речь идёт не о патологических проявлениях истерических особенностей личности (психопатии, невротические конверсионные расстройства), а о их естественных характерологических (допатологических) проявлениях. Проявления истеричности патологического регистра затрудняют жизнь и адаптацию таких женщин. Но истерические проявления естественного допатологического уровня адаптацию женщин повышают.

Обычно, проявления истерических особенностей личности, даже допатологического уровня, оцениваются негативно, как проявление незрелости (инфантильности) и несостоятельности личности. И полупрезрительные оценки женщин как истеричек можно услышать часто. Но тогда можно сказать, что практически весь женский пол незрел, несостоятелен и, соответственно, второсортен по отношению к мужскому. Но вряд ли природа доверила бы таким ненадёжным существам такое ответственное и важное дело, как вынашивание, рождение и вскармливание потомства.

Такой мужской шовинизм вызывает соответствующую «силу противодействия», которая выражается в философии феминизма. Сама идеология феминизма отражает факт транссексуализации мозга женщин с появлением у них конкурентности,

с агрессивностью (агрессивными обвинениями мужчин в агрессивности), с борьбой с мужчинами. Можно полагать, что у феминисток транссексуализация более выражена, и они более парамаскулинны. Развитие общественного прогресса и усилия суфражисток и эмансиписток обеспечили равные гражданские и социальные права мужчинам и женщинам, что, несомненно, благо. Но феминистки не останавливаются и продолжают борьбу, отрицая естественные различия между полами, и мужчин как таковых (идеи вымирания мужского пола), добиваясь абсолютного равенства во всём. И, кстати, право женщин на пляжный топless нельзя не признать. В целом, такие взгляды выражают непонимание факта эволюционно-биологических различий полов и их специфических функций. Однако, агрессивность парамаскулинных феминисток и их идеи абсолютного равенства палеофеминные женщины не принимают, и не хотят отказываться от привилегий женского пола (быть объектом почитания, ухаживаний и внимания мужчин).

Нам же кажется, что если за миллионы лет эволюция создала женщин именно такими (истеричными), то это не случайно. Это не может быть оплошностью природы, а является позитивным эволюционным достижением женского пола. Ведь самкам животных аналогичные истерические особенности (по крайней мере, в такой степени, как у людей) не свойственны. Благодаря этим особенностям, женщины могут решать стоящие перед ними задачи. Т. е. женщины по своей природе должны быть истеричными. Повторяю, в естественном допатологическом диапазоне данных личностных проявлений, а не в их патологических вариантах.

Например, демонстративность. Как она проявляет себя в сексуальности, мы уже говорили. Перейдя на визуальный сигнал, мало получить сексуальное тело. Надо уметь его показать — продемонстрировать. Мы указывали на особенности соответствующей (демонстративно-дразнящей) мимики, моторики, и всего поведения в целом. Говорили о феномене кокетства, о стремлении украсить себя (повысить эффективность самодемонстрирования) и пр. (см. выше). Но эта же эмоциональная вырази-

тельность и демонстративность формировались не только в сфере секса. Они проявляют себя во всём. Если первобытной женщине было холодно, голодно и пр., то она так ярко должна была выразить эти свои эмоции, чтобы разжалобить (окрылить, вдохновить) мужчину на то, чтобы он стряхнул лень и вылез из берлоги в холодный и опасный мир за едой и дровами.

Тоже самое, и с инфантильными чертами личности. У приматов заискивающее поведение самки и провокация самца на заботу о ней, выражается не только через символические позы подставления, но и через «псевдодетское» поведение, когда самка имитирует беспомощность детёныша (протянутая ладошка, как у просящего малыша). Малышу все готовы помочь, это обеспечивает выживание вида. У людей так называемая инфантильность женщины (мимика, голос, подчеркнутая несамостоятельность, чуть что — слёзы) тоже провоцируют мужчину на заботу о ней. Подражая беззащитному и беспомощному ребёнку, она добивается своих целей, т. е. провоцирует мужчину на заботу и внимание. Не зря детский плач так сильно действует на взрослых. Даже тембр голоса у женщин ближе к детскому, чем у мужчин. Эволюционно древний инстинкт опеки у мужчин просыпается от таких демонстраций детскости. Когда указывают, что истерическое поведение является регрессивным (что означает регресс на детский возраст), то именно это и позволяет спровоцировать мужчину на нужное поведение, и спасти женщину и потомство.

Эгоцентрические и нарциссические черты личности женщин так же имеют биолого-эволюционную ценность: заботясь о себе (эгоцентризм) и любя себя (нарциссизм), женщина невольно заботится о «базовом (золотом) генофонде популяции» [6] и о своём будущем потомстве. Заботясь о себе и спасая себя, женщина спасает потенциальное потомство, а значит и саму популяцию. Получение женщиной преимуществ для себя (хорошее питание и уход), оборачивается благом для её потомства, а в итоге и для всего вида.

Истерическая манипулятивность. Мы уже сказали, что женщины научились манипулировать через секс. Но далее женщи-

ны довели свои манипулятивные навыки (уже не только в сексе) до высокого уровня. И с точки зрения управления мужчинами, это явно позитивно в эволюционном плане. Решить вопрос с мужчинами через физическую силу женщинам в процессе эволюции не удалось, мужчины, обычно, физически сильнее. Пришлось женщинам найти другие пути управления мужчинами, через женские хитрости (манипуляции). Как и вне секса, манипуляция означает, что провозглашается одна цель, а достигается другая. Настоящая цель при манипуляции скрыта.

Мы уже говорили о сексуальных упрёках, но они могут касаться любых аспектов (вне секса). Но цель упрёка прежняя — не решить озвученную проблему, а фрустрировать мужчину. Если упрёк нелеп и несправедлив, то мужчина возмущён, а когда он выведен из эмоционального равновесия, он более управляем. Если у него возникло чувство вины, то он старается её искупить, «загладить и подлизаться» (иногда буквально).

То, что у женщин выявляется истерический радикал личности, является не их бедой, а их эволюционным достижением, позволяющим влиять на мужчину и управлять им. И в пределах нормальных (не психопатологических) рамок всё это успешно работает и действует на мужчин. И даже на уровне предпатологии истерические проявления (особенно демонстративная яркость такой женщины) на многих мужчин действуют неотразимо.

Исдержками и рисками этих особенностей личности является их патологически высокий уровень, вплоть до уровня психопатии. Такие чрезмерно выраженные личностные особенности могут затруднять адаптацию женщины и мешать ей жить.

Навыки управления мужчиной у женщин эволюция развила очень хорошо. И особенности сексуальности женщин, и особенности их личности (истерический радикал), помогая справиться с мужской агрессивностью, эгоистичностью, полигамностью, помогают женщинам эффективно решать их биологическую задачу по рождению и длительному выращиванию потомства в семье.

Переход к моногамности

У обезьян встречаются и моногамные браки (гibbonы, гориллы), и групповые: чаще гаремно-полигинные (шимпанзе, бонобо), реже — полиандрийные (верветки). Обычно, модели сексуальной организации генетически детерминированы. У ближайших к людям шимпанзе имеется гаремный вариант группового брака. А у человека чёткой генетической модели брака нет. Преобладают социо-культуральные регламентации. Есть культуры с чёткой моногамностью, есть с большей/меньшей полигамностью.

Для начала оговоримся, что моногамностью мы упрощённо и несколько расширительно обозначаем как саму моногамность, так и близкие к ней (околомоногамные) варианты полигамности. Полигамия (многобрачие), и его варианты (полигиния — многожёнство, или полиандрия — многомужество), являются производными от словом поли- (много), и могут обозначать действительно большое число супругов (обычно — жён). Из истории мы знаем о многосотенных гаремах («триста жён, семьсот невольниц и дев без счёта»), да и сейчас подобная экзотика встречается. Но такие гаремы, это, несомненно, статусный атрибут, высокоранговый сигнал, а не семья. Реально, когда речь шла о семье, то полигинные браки (гаремы) были небольшие. Правильно было бы называть их олигогинными (олиго — мало, несколько). Однако есть термины правильные, а есть прижившиеся. Соответственно, полигинные браки с небольшим количеством жён (2–4 жены) ближе, по психологической сути, к моногамности, чем к настоящим гаремам. Особенно, если жёны живут не под одной крышей. Мы не будем настаивать на термине олигогинные браки, мы упрощённо отнесем их к моногамным (с приведёнными оговорками), или к околомоногамным бракам. По своей психологической сути (высокая степень индивидуализации отношений) они близки.

В гаремном варианте организации сексуальности степень полигамности отличалась у самцов и самок. Самец был полигамен одномоментно, владея целым гаремом. А самки гарема были

практически моногамны, поскольку предпочитали одного самца доминанта. Хотя со временем он мог меняться. Т. е. полигамность самца (низкая избирательность и высокая возбудимость) всегда была выше. А полигамность самок приближалась к моногамности (высокая избирательность и низкая возбудимость).

Мы уже много говорили о биологических предпосылках для перехода от гаремного брака к моногамному. Говорили о смысле перехода женщин к перманентной сексуальности, что позволило сексуальному потенциалу одной женщины перекрыть суммарный сексуальный потенциал целого гарема самок с циклической репродуктивной сексуальностью. Говорили об эволюции женской сексуальности и её телесных проявлений в сторону их перманентности, о постоянной демонстрации её как бы фертильности, хотя реально фертильность осталась циклична и время овуляции скрыто, о функциях привлечения, оценки и выбора, о функциях удержания и управления партнёром, о принципе удовольствия, и пр. Но для чего всё это? Для чего столько усилий? Для перехода к моногамности генетически полигамного вида. Т. е. вид остался полигамным, а брак стал моногамным.

Хотя перечисленные физиологические предпосылки для перехода к моногамности носят биологический характер, но сама моногамность пока не является генетически детерминированной, как у других видов. Человек генетически остался полигамным, но заработали негенетические механизмы, обеспечивающие моногамность. Моногамным его делает логика развития человеческого вида (выгодность моногамности), выражённая в социальных установках и регламентациях.

Многие аспекты эволюционно новой сексуальности, о которых шла речь, (перманентность либидо, коммуникативные и гедонистические потребности) можно реализовать и в полигамном сексе. Но только в моногамном союзе формируются глубокие эмоциональные отношения, объединяющие мужчин и женщин в прочный симбиотический союз. Т. е., моногамность человека держится не на генах, а на прочных эмоциональных отношениях. С другой стороны, востребованность прочного эмоционального союза у родителей, потребовала перехода их к мо-

ногамности. Именно поэтому олигогинные (околомоногамные) браки мы объединили с моногамными, так как в олигогинных браках тесные межперсональные эмоционально-симбиотические отношения тоже могут формироваться. Что совершенно не возможно при наличии более десятка (не говоря уж о сотнях) жён. Только моногамный (и околомоногамный) брак может формировать и развивать эмоционально-симбиотические отношения, которые оказались выгодны виду.

Выгода моногамности для потомства. Когда человечество стало постепенно «умнеть», то это привело к соответствующим анатомо-физиологическим изменениям, которые создали новые проблемы. Развитие мозгового черепа затруднило роды, сделав их рискованными и болезненными. Пришлось рожать детей пораньше («преждевременно»), пока голова плода не стала слишком крупной, т. е. как бы «недоношенными». Кстати, есть данные, что среди великих людей высок процент недоношенных. Так может преждевременность родов это проявление эволюционной тенденции: чем умнее («башковитее»), тем раньше надо рождаться? Или ранние роды оберегают мозг, снижая риск его повреждений при родовых травмах? По сравнению с человекообразными обезьянами, человек рождается гораздо менее зрелым, относительно недоношенным. Чтобы соответствовать уровню морфо-физиологической зрелости у новорожденных человекообразных обезьян, беременность у человека должна была бы длиться 20 месяцев [21]. Но это сделало бы роды невозможными, учитывая пропорционально нарастающие размеры головы плода.

Однако оказалось, что такая относительная недоношенность ребёнка — это хорошо. Длительность беспомощного состояния детей и их долгая зависимость от родителей автоматически способствует развитию тесных симбиотических отношений (родительской любви) между ребёнком и матерью, требует повышенной заботы о ребёнке. Даже сама болезненность родов, столь сильно выраженная именно у человека, способствует пробуждению материнской любви (что трудно даётся, то больше ценится). Нигде в животном мире взросление не идет столь долго,

как у человека. Длительность периода несамостоятельности у детей автоматически оборачивается длительностью их зависимости от родителей. Это способствует обучению детей (языку, навыкам, общению и пр.), т. е. есть гарантия, что дети обучатся всему необходимому хотя бы невольно.

Длительное выращивание и обучение потомства требует постоянного внимания и заботы со стороны взрослых. Тем более, что наши предки не знали контрацепции и длительное взросление детей приводило к их накоплению около матери (старшие, младшие, грудные). И такая трудоёмкая забота о потомстве невозможна без участия мужчины, одной женщине было не справиться. У многих видов самцы принимают участие в выкармливании и обучении потомства, но при этом они связаны именно с потомством, а не с самкой. Когда у самки кончается фаза фертильности, и она перестаёт быть сексуально рецептивной, самец перестаёт воспринимать её как самку, и теряет к ней сексуальный интерес. Они просто вместе выкармливают своё потомство. У животных, имеющих сезонность размножения с синхронной фертильностью у самок, исключено неожиданное появление сексуально фертильной самки в неурочное время. Это исключает переход самца к другой самке в период выкармливания уже появившегося у пары потомства.

Но у приматов (в том числе у человека) нет сезонности размножения. Самцы полигамны, они всегда готовы к копуляции и находятся под «перекрёстным огнём» обонятельных и визуальных сексуальных сигналов от других репродуктивных самок. Именно множество поочерёдно овулирующих самок гарема обеспечивает перманентную сексуальность обладающего этим гаремом самца. Но в гареме все самки, как репродуктивно активные, так и интактные, как и их потомство, находятся вблизи самца, и он заботится о них автоматически, в силу их близкого присутствия. Т. е. в гареме уходить к новой (репродуктивно активной) самке, бросив без опеки прежних детёнышей, самцу не приходится. Но при этом, забота самца-вожака о беременных самках и о потомстве, по сравнению с человеком, невелика. Самки сами себя обеспечивают во время беременности, так же

как далее сами занимаются детьми. А самец охраняет всё стадо, заодно и потомство, поддерживает свой статус (на что тратит своё основное время), наводит порядок, руководит передвижением стада, может иногда немного с детёнышами поиграть и продемонстрировать им модель поведения настоящего доминантного самца.

У наших предков, с их беспомощными и долго обучаемыми детьми, такого участия самцов для выживания потомства в суровой дикой природе было недостаточно. Выживали те гоми-ниды, где самцы изо всех сил помогали самкам и активно заботились о потомстве. Но помочь сразу многим самкам трудно, самцу более чем достаточно и одной самки с её потомством. Самки сами по себе очень «заботоёмки», а если ещё и с потомством... Переход к моногамности решил эту задачу. Каждый ребёнок получил себе персонального отца, персональную целенаправленную заботу со стороны мужчины, лучшее выживание и обучение (социализацию). В какой-то период антропогенеза (см. выше), когда виду человека было особенно трудно выжить, могла даже существовать олигоандрийность, когда одну самку обеспечивало несколько самцов, за что они получали от неё секс. Но без формирования прочных симбиотических эмоциональных отношений моногамность у полигамных существ невозможна. Уже в крупных стадах человекообразных обезьян могут отмечаться зачатки моногамности в виде стабильных пар, существующих вне гаремов. Они могут базироваться на взаимных симпатиях (зачатки симбиотических отношений), но такие парные союзы обычно связаны с периодами фертильности самок.

При возникших стабильных моногамных отношениях самец заботится об одной самке (максимум о 2—3), и о потомстве (уже именно о своём), обеспечивая их выживание. Хорошая забота повышает выживаемость потомства. При этом передаются, сохраняются и накапливаются гены максимально заботливых самцов. Пускай одна самка родит самцу меньше детей, чем целый гарем, но детей надо ещё вырастить, и отсев на этом этапе бывает значительным. А при максимальном участии и заботе самца о собственном потомстве в моно(около)моногамной семье, вы-

рашивание, обучение и, в конечном счёте, выживание детей окажется выше. Выгодность для генов самца очевидна.

Кроме того, нарастающая социализация и необходимость обучать потомство, требовали демонстрации потомкам столь необходимых для их будущей моногамности образцов эмоциональных симбиотических отношений в моногамной паре (социализация моногамности). И пара родителей давала наглядную информацию детям. Таким образом, выгодность моногамности для потомства неоспорима.

Выгода для бабушек/дедушек. Помогают самкам заботиться о потомстве не только самцы (отцы этих детей). Бабушки/дедушки тоже пригодились. Особенно это касается бабушек. У животных особь нужна, пока она репродуктивна. А потеряв репродуктивность, она умирает. Зачем конкурировать с собственным потомством. А у женщин возникла менопауза, т. е. репродуктивность кончилась, а жизнь продолжается. Если бы она рожала до 70 лет, то её новые дети стали бы конкурентами её прежним детям, и детям её детей (её внукам). Наоборот, если она уже не рождает, а помогает выращивать своих внуков, то она заботится и повышает выживаемость своих собственных генов, причём уже во втором поколении. Выгода для бабушкиных генов неоспорима. Любая современная женщина признает, что помощь бабушек неоценима (заместительно роль бабушки выполняют воспитательницы детских садов и няни). Таким образом, виду стало выгодно продлевать жизнь женщин после окончания их репродуктивного периода (в менопаузе). Это повышало помощь потомству, и отбор пошёл в сторону накопления долго живущих пострепродуктивных (менопаузальных) женщин, т. е. бабушек. У мужчин четкого снижения плодовитости и резкого перехода в фазу нефертильности нет. Они постепенно выбывают из популяции, средняя продолжительность жизни мужчин ниже женской. Количественное преобладание бабушек говорит о их биологической значимости. Кроме того, старики нужны, как носители знаний (других носителей информации, кроме самих людей, тогда не было). Они могли передать внукам свой опыт и зачатки культуры: обряды, сказы, легенды, социо-

культуральные нормативы и пр. Т. е., продление жизни человека за пределы его репродуктивности, вполне целесообразно. Генам бабушек/дедушек выгодно то, что о них заботятся не только родители, а целых два поколения! Для успешной репродукции (рождение и выращивание потомства) суммируются усилия двух поколений, чего нет в животном мире.

Выгода моногамности для самцов. Во-первых, выгода для самцов в том, что моногамность снижает межсамцовую агрессию и количество битв за самку. Битвы чреваты травматизмом или смертью, тем более, что предки человека постепенно стали вооружаться (камень, дубина). У вооружённых от природы хищников (клыки, когти) с высоким риском убийства самцов-конкурентов, что не выгодно виду, сформировались запреты на убийство, и соответствующие сигналы капитуляции у побеждённого. Нередко межсамцовые битвы носят чисто демонстративный характер. Но у человека, в отличие от хищников, изначальных биологических запретов на убийство нет. Когда самцы конкурируют за гарем, и уже имеют дубины, то это может плохо кончиться, что не выгодно виду. Выгоднее «поделить» самок примерно поровну, и не калечить и не убивать друг друга. Но это возможно, если самка перейдёт на постоянную сексуальность, и одна, подобно гарему, сможет удовлетворить сексуальные потребности самца. Когда этому научилась каждая самка, то количество (предложение) секса в популяции существенно возросло, что снизило спрос. Доступность секса снизила внутриполовую агрессию и конкурентность самцов. Это даже выразилось в уменьшении клыков у самцов. Хищникам клыки нужны для поимки и разделывания добычи, а у не хищного вида они мешают пережёвывать растительную пищу, т. е. имеют сугубо сигнальный характер. И у обезьян доминанты демонстрируют свои клыки как ранговый сигнал. А у человека, по сравнению с обезьянами, клыки существенно уменьшились, такие не продемонстрируешь (хотя привычка оскалиться осталась). Это говорит о снижении внутриполовой конкуренции.

Во-вторых, каждый самец получил не только самку и секс, но и возможность персонально поддоминировать. Но не над дру-

гими самцами, а над собственной самкой. Такая реализация потребности к доминированию (комплекс власти) снижала его ранговые амбиции и агрессивность с другими самцами, и вела к миру в группе. Т. е. и группе хорошо, и ему хорошо (удовлетворены его потребности в доминировании), и самке хорошо (приятно быть рядом с хоть каким, но доминантом). Полное моногамное благолепие у полигамного вида. При этом самке доминантность партнёра ничем реально не угрожала, поскольку степень его доминирования и агрессии к ней была существенно заблокирована фактом её сексуальной рецептивности (вышеуказанная инверсия доминирования). Это с самцами можно было дубинами махать, а самку надо беречь и использовать по назначению. Её самец покалечить не может, а то ни секса не будет, ни потомства. Для удовлетворения своей потребности в доминировании, её можно только потрепать для остротки. Но!, не более того.

В-третьих, поскольку вожак уже не владеет всеми самками и не бьётся постоянно за гарем, то он может более успешно заниматься другими функциями доминанта: организация передвижений (миграций) стада, поддержание порядка, организация защитных мероприятий, и пр.

Когда мы говорим, что самцы «поделили» самок, то в этом только часть правды. Самки и сами были рады. Мало того, истинными инициаторами перехода к моногамности явились именно они, им это было выгоднее, чем самцам. А что выгодно самке — выгодно всему виду. Учитывая значимость самки. Т. е. именно они придумали мобилизовать свободных самцов и «поделить» их между собой. Много ли получишь помощи от одного самца-отца, пусть даже вожака стада, который всё время тратит на борьбу за сохранение статуса? Хорошо ли, что самцы губят друг друга в битвах, вместо того, чтобы заняться полезными вещами, т. е. заботиться о самках и о потомстве? Разве это правильно, что множество самцов отлучено от самок, оттеснено на периферию стада, где заботятся только о себе? Зачем многим самцам пропадать без толку на скамейке запасных игроков, не лучше ли включить их в игровой состав команды, резко увели-

чив численность самой команды и её шансы на победу. Нелепо большому количеству самцов бездельничать, когда столь заботоёмкие самки не имеют персональной заботы. Лучше самцу иметь свою самку и помогать ей и её (т. е. своему) потомству выживать и развиваться. Благодаря моно/околомоногамному варианту семьи, многие самцы перестали быть потенциальным резервом группы и оказались непосредственно вовлечены сексуальную жизнь стада.

Эволюцию человека сделали женщины. Самцы сами не стали бы меняться, они и далее с удовольствием дрались бы за статус и за самку, пока самки не распорядились иначе. У людей и сейчас мужчины не против подраться за женщину, а женщины в таких конфликтах играют примиряющую роль, сберегая мужчин. Глупо терять потенциальных защитников, покровителей и кормильцев. А сохранившаяся у мужчин конкурентность самцов реализуется ныне в социально допустимых формах, которые не снижают количества мужчин (спорт, карьера, доходы, и пр.). Об изначальной инициативе именно женщин в переходе к моногамности, говорит более высокая психологическая ценность брака у современных женщин. И хотя институт брака в развитых странах меняется, но пока ещё наличие брака у женщины явно повышает её статус. А факт одиночества снижает статус у женщины в большей степени, чем у мужчин. Такие социально-психологические установки (коллективное бессознательное общества) подтверждают большую заинтересованность в моногамности у женщин, и, соответственно, их изначальную к тому инициативу. Но важно не то, кто первый начал, а то, что моногамность и обеспечение самцов регулярным сексом снизило их внутривидовую агрессию.

Но два самца прекратили бы драку за самку только получив по сексуально рецептивной самке. Пусть даже фертильность может остаться цикличной, но рецептивность самки должна быть перманентной. Как ни верти, но чтобы самцы не сходили с ума из-за каждой рецептивной самки, не бились за неё, не убежали к ней, надо ей самке иметь стабильную сексуальность. Итогом того, что самки отказались от длительных периодов сво-

ей асексуальности и стали заниматься сексом не только для зачатия, а постоянно, стало благополучие вида. При этом секс приобрёл симбиотические функции.

Во-четвёртых, моногамная организация секса позволила мужчинам персонифицировать (идентифицировать) своё потомство. В групповом браке или промискуитетном сексе мужчины идентифицировать своих потомков не могли. Идентификация потомства позволила мужчине о нём персонально заботиться. Это совпадало и с развитием материальной культуры человека. Когда вместо орудийного использования предметов человек перешёл к изготовлению орудий труда, появилась и частная собственность на них. Появились материальные ценности, которые можно было передать потомству (орудия труда, скот, надел земли). И взаимосвязь семьи и частной собственности довольно существенна [29]. Таким образом, появление у самца новых ресурсов (материальных ценностей и частной собственности), вызвало желание оставить их именно своим отпрыскам. Т. е., материальный фактор тоже подтолкнул мужчин к формированию родовой семьи, которая гарантирует мужчине наличие собственного идентифицированного потомства, с соответствующей возможностью его выращивать и обеспечивать, передавая накопившиеся материальные ценности и иные ресурсы. К особым ресурсам можно отнести и статус мужчины, который тоже захотелось передать по наследству. Вместо честной конкуренции за статус доминанта (вождя племени, короля и пр.), появился соблазн его формализовать и передавать потомкам по праву наследования. Стало формироваться сословное общество с чётким сословным наследованием. У некоторых обезьян тоже есть наследственная ранговость с врождённым статусом особи.

С другой стороны, несомненно, имел место и обратный процесс. Т. е., когда появилась моногамная родовая семья, у самцов появился мотив наращивать свои ресурсы. Чем больше ресурсы семьи, тем выше и выживаемость потомства. Наличие персонифицированного потомства и возможность давать ресурсы именно своим детям, простимулировала у мужчин желание

иметь те материальные ресурсы, которые можно оставить наследникам. Подобное можно увидеть и сейчас. Существует довольно много молодых мужчин, которые до брака не перетружаются с целью много заработать. Но появление у них семьи и детей вызывает в них чувство ответственности и мотивирует их (не без помощи жены) на стремление повысить свой уровень доходов. Многие стремятся обеспечить семью ресурсами не только на детско-подростковый период, но на многие годы. А владелец крупного капитала обеспечит ресурсами не только детей, но и последующие поколения своего клана.

Таким образом, появление моногамной семьи с идентифицированными потомками, способствовало развитию материальной культуры. Разумеется, это не единственная причина развития материальной культуры. В результате дробления гарема и формирования моногамной семьи самцы переключили сексуальную энергию на своих собственных постоянно рецептивных самок и смогли жить более дружно, т. е. не губить себя в битвах, а сотрудничать на благо всего вида. Значительная часть энергии самцов из сферы агрессии перешла в сферу заботы о семье и потомстве. Это же простимулировало их на повышение своей ресурсности (орудия, надел земли, скот, статус), что позволило их генам лучше сохраняться даже после смерти данного мужчины.

Самки получили в своё распоряжение большое количество самцов, их заботу и ресурсы.

Выгода моногамности для женщин. Приобретая перманентную сексуальность, привлекая заботу и ресурсы самцов, самки, казалось бы, могли не переходить к моногамности, а остаться на этапе полиандрийности. Зачем им один самец, когда несколько самцов могут дать ей больше заботы. А её новой перманентной сексуальности на всех хватит. Феномен проституции на этом и основан: ресурсы в ответ на секс. Похоже, именно с полиандрии и начинался отход от гаремной организации секса у гоминид. Объединившись в оппозиционную группу, несколько самцов-единомышленников могли «убедить» доминанта поступиться одной из самок гарема, не претендуя при этом на его

статус и на весь гарем (см. выше). Самцы совокупно заботились о собственной самке, что повышало выживаемость её и потомства, направив эволюцию в сторону всё более перманентной сексуальности самки, и на отход от доминантно-гаремного брака. Но почему бы на этом не остановиться? Чем моногамность лучше именно для самки?

Во-первых, полиандрия не даёт самцам возможности идентификации потомства. Соответственно, её дети не получали конкретного персонального отца, который заботился бы о них особенно старательно. И даже мог бы продолжать заботиться о них при её гибели. И даже, но это позже, что-то оставить своим детям в наследство, дав им начальные ресурсы. При наличии разных моделей сексуальности в группе (гарем, полиандрия, моногамия) самки не могли не заметить эти преимущества моногамии. За счёт хорошей выживаемости потомства в моногамных семьях, отбор мог закреплять именно такой вариант семьи.

Во-вторых, в моногамных отношениях успешно формировались эмоционально-симбиотические связи. При жизни на грани выживания это важно. При наличии таких связей самца не потеряешь. При полиандрии группа самцов могла со временем потерять интерес к имеющейся самке, и вывести из гарема следующую. А оставшись одна, самка и её дети оказывалась в угрожающей ситуации. А симбиотические отношения связывали пару надолго. Они успевали родить не одного ребёнка, и самец длительно опекал именно своих детей. Моногамность обеспечила женщину всеми выгодами персонального владения мужчиной. Заботоёмкость женщин получила стабильную реализацию.

Однако, за всё надо платить. Получив самцов в своё персональное распоряжение, самки получили их со всеми мужскими «недостатками». Постоянная моногамная жизнь с одним мужчиной тоже «не сахар». Доминантность самцов, их потребность в статусных ритуалах, всё это стало реализовываться не только (или не столько) между самцами, но и в моногамной семье. А ведь раньше самки с самцами не конкурировали. При этом сами мужчины новых моделей межполового взаимодействия не приоб-

рели, они сохранили прежние методы (силовые), заменив только физическую агрессию вербальной (команда, приказ, распоряжение). Соответственно, самкам пришлось научиться противостоять такой ранговой агрессии самцов. Им пришлось приобрести прежде им не нужные навыки «управления мужчинами» (см. выше). Во-первых, самкам пришлось приобрести больше агрессивности, что приблизило их к самцам, но позволило им лучше противостоять мужской агрессии. Во-вторых, освоить манипулятивные методы управления (включая секс), что потребовало наличия перманентной парамаскулинной сексуальности и развития истерических особенностей женской психики (см. выше). Но выживаемость потомства доказала выгоду таких стратегий для женщин.

Конечно сейчас, когда в развитых странах наличие мужчины перестало быть жизненно необходимым условием для выживания женщины и её потомства, женщины менее согласны уживаться с мужчинами любой ценой.

Выгода моногамности для вида (популяции). С одной стороны, выгода для вида в том, что моногамная семья стала независимой структурой популяции. Возможность выживать не в стаде (гарем с доминантом плюс другие самцы), а в моногамной семье, повышает гибкость популяции. Особенно в плане освоения новых территорий. Для отдельной семьи требуется меньше ресурсов и территории. Если корм (коренья, злаки, мелкая живность) диффузно распространены по территории, то до неё не надо добираться, семья приближена к месту кормления, всё под ногами (под руками). А с центральной базы дислокации всего стада путь к местам кормления может быть не близок. Соответственно, хочется приблизиться к местам кормления. Кроме того, для небольшой моногамной семьи корма (кормовой территории) требуется меньше.

С другой стороны, некоторые ситуации (охота на крупного зверя, защита) требовали привлечения достаточно большого количества самцов. И чем больше самцов можно одномоментно мобилизовать, тем жизнеспособнее сообщество. Но быстро мобилизовать нужное количество самцов можно или при их со-

вместном проживании, или рассредоточенном, но достаточно компактном проживании.

Однако, в крупном сообществе модель, когда все самки принадлежат одному самцу-вожаку, исключена. Во-первых, ему самому с громадным гаремом не совладать ни в сексуальном, ни в защитно-опекающем, ни в иных аспектах. Во-вторых, колоссально возрастает агрессивное давление со стороны громадного числа свободных самцов (см. выше). В отличие от малых групп (до 5–9 претендентов), в крупном сообществе абсолютного силового лидера быть уже не может. Постоянно будут появляться претенденты, и вожаку надо будет постоянно доказывать своё лидерство. Ни на что другое, в том числе и на секс, у него не будет ни времени, ни сил. Удерживать лидерство в большой группе личными усилиями невозможно даже технически. Лидеры будут постоянно меняться, субординация рухнет, вместо иерархического порядка наступит хаос. Лидер у человекообразных доказывает свою власть, демонстрируя свой половой член, или совершая псевдокоитальные позы «наскикивания, покрытия». При массивной конкуренции ему некогда будет ни поесть, ни самку оплодотворить, постоянно демонстрируя другим самцам свою доминантность. А до замены реального члена фаллическим символом силы и власти (по типу скипетра, жезла, гетманской булавы, в их примитивном воплощении), так же как к замене поз покорности (поз подставления) массовым коленопреклонением, надо ещё дорасти. Такое невозможно без появления соответствующих социальных правил, до которых ещё было далеко.

В крупном сообществе модель единого гарема исключена. Нужны новые семейно-сексуальные отношения, чтобы племя и секс не противоречили друг другу. Только моногамные варианты брака, с достаточно паритетным распределением самок, позволяют уживаться самцам как при их совместном проживании, так и при их распределении на относительно небольшой территории. Как уже отмечалось, плюсом моногамности является снижение травматизма и смертности самцов (см. выше). Изначально биологические методы (лидеру нужны союзники,

а в благодарность он делится с ними ресурсами, в том числе и самками) постепенно стали развивать и социализироваться. Появились идеи более паритетного («справедливого») дележа ресурсов и, в том числе, распределения женщин. Возможность выживать автономной моногамной паре своими силами, способствовала миграциям и распространению популяции вширь. Кроме того, подрастающее потомство не вписывается в моногамную модель семьи (гарема, за который надо конкурировать, здесь нет) и отселяется, образуя собственные семьи. Что тоже способствует территориальному распространению вида. Виду это выгодно.

При моногамности возникли и другие важные эволюционные преимущества для всего вида (популяции). Облегчение доступа к самкам, т. е. возможность передавать свои гены, получили не только самые сильные самцы, но и другие, **разные** самцы. Тотальная мобилизация самцов для секса, их активное включение в воспроизводство, существенно сказались на генетическом разнообразии вида. Если ранее передавались гены самого агрессивного и физически самого сильного самца-лидера, то теперь разные самцы смогли передавать свои разные гены потомкам. Вместо отбора по одному фактору (сила), отбор стал многофакторным. Появился шанс передать свои гены не только самым сильным и агрессивным самцам, но и умным, мирным, готовым к сотрудничеству и альтруизму, самцам. Возрастание генетического разнообразия у потомства при переходе к моногамности ускорило эволюцию. Гены эмпатии, коллективизма, альтруизма и пр. стали накапливаться, уравнивая агрессивно-доминантные гены. Возможности корпоративности, объединения, способности к коллективизму и сотрудничеству у такой популяции возросли. Это направление эволюции повысило выживаемость популяции за счёт группового отбора. Сотрудничество и групповая деятельность потребовали развития коммуникации (языка).

Конечно, абсолютно паритетного деления строго на пары, наверное, не было. Возможно, более статусные самцы имели большее количество самок (полигиния). Они и сами были в со-

стоянии этого добиться, и самкам они больше нравились. Среднеранговые самцы образовывали моногамные пары. Но вначале могли миролюбиво группироваться вокруг одной самки (полиандрия). Маргинальные самцы вообще могли самок не иметь. Но даже групповые браки были не многочисленными (околомоногамными). Если и сейчас в разных культурах есть разные модели брака, то тем более они были на этапах становления человека. Но именно замена доминантно-гаремной модели на новую стабильную моно/околомоногамную модель родовой семьи позволила нашим предкам без конфликтов объединяться в крупное стадо (племя). Именно моногамная семья обеспечила гибкость вида, когда миграция, рассредоточенность по территории, освоение новых территорий была по силам и выгодна одной семье, а реализация крупных проектов позволяла уже сложившимся околмоногамным семьям объединяться в племена. А для исключения инбридинга пришлось наладить межсемейный обмен подрастающими самками [9, 21, 24], т. е. наметился переход к экзогамной модели семьи.

Таким образом, человеку удалось обуздать мужскую полигамность и соединить в один потенциал преимущества семейной моногамности с преимуществами жизни в крупных сообществах (племенах). Помимо снижения невыгодных виду издержек от мужской агрессивной борьбы за самок, это повлияло на территориальное распространение вида, повлияло на качество и скорость эволюции.

О браке

Моногамная модель брака столь эффективно решала вопрос об отцовской идентификации и о возможности длительной заботы о потомстве, что со временем получила соответствующее социальное оформление. Важно отметить, что пока у мужчин не было таких ресурсов, как частная собственность и сословность (формализация статуса), то эти ресурсы и наследоваться не могли. Соответственно, жёсткость брака была невысока.

Основными механизмами формирования и сохранения стабильной моногамной семьи были личные симпатии и индивидуальные предпочтения партнёров. Эти симпатии становились основой для формирования сексуальных (т. е. уже брачных) отношений и подкреплялись коммуникативными и гедонистическими аспектами секса. Именно секс и его симбиотическая функция служил цементом брака. Через секс женщины осуществляли функции привлечения, удержания и управления мужчиной с целью сохранения семьи, без чего детей было не вырастить. А мужчины получали секс, доминантность (в своей семье) и персонифицированное потомство. Моногамная семья в те времена держалась не на формальных механизмах, а была сугубо добровольным союзом. Эксплуатации полов не было, партнёры конгруэнтно взаимодополняли друг-друга. Каждый пол получал то, что ему требовалось. Т. е., изначально моногамная семья была свободна, она базировалась не на формальных механизмах, а на личных симпатиях и на сексе, который формировал и подкреплял, по принципу удовольствия, эмоционально-симбиотические отношения партнёров.

Но далее общество создало соответствующие формальные механизмы, т. е. возник институт брака. Во многих культурах стремление общества прочно объединить мужчину и женщину выразилось в жёстко формализованном браке, когда развод был невозможен или крайне труден (нерушимость брачных уз). А на социально-психологическом уровне поддерживались идеи о сакральном отношении к браку (святость брака). Семейная верность женщины и запрет на прелюбодеяние (для женщин) исключали вероятность появления потомства не от мужа. Хотя, конечно, всякое бывало.

В основе такого жёстко формализованного брака лежал экономический фактор. Но реализовался экономический фактор через разные варианты ресурсов. Если основным ресурсом были «земли», то экономические цели брака сводились к приумножению земель (или, хотя бы, не потерять их в браке). Если ресурсом были люди («человеческий фактор»), то целью такой экономики было приумножить количество рабов или крепост-

ных крестьян. Если ресурсом был наследуемый статус (в сословных обществах), то его тоже надо сохранить у детей (морганатические браки не поощрялись). Тем более это касалось династических браков. Если основным ресурсом были деньги, то брак должен был капитал приумножать. И не зря К. Маркс называл капиталистический брак узаконенной проституцией. Надеюсь, это он преувеличил.

Чем выше имеющийся ресурс (по любому из факторов), тем важнее экономический фактор в браке. Нищие простолюдины зависели от них в гораздо меньшей степени, и их брак оставался более свободным. Соответственно, чем формальнее брак, тем меньше он зависит от личных предпочтений и качества секса, тем больше он держится на формальных механизмах. В таком браке симбиотические функции секса теряются. Формализованный брак часто ставил женщину в материальную зависимость от мужа.

Хотя на протяжении столетий формальные механизмы создания и сохранения брака преобладали над личностными и сексуальными, но в XX веке (особенно, после каждой из перенесённых мировых войн), ситуация в цивилизованных странах стала меняться. В современных цивилизованных странах женщины стали самостоятельны и финансово независимы. Она не столь фатально зависит от помощи мужчины, его отсутствие не означает гибель её и потомства. В «эпоху развитого социализма» брак тем более был независим от материальных факторов (в отличие от современной России) — просто они распределялись минимально поровну. Но хотя брак теряет функцию обязательного фактора для выживания женщины с потомством, он сохраняет свои другие функции. И совсем отказаться от брака и от мужчины женщины не хотят. Однако, сохранять его любой ценой тоже не видят смысла.

В современном браке личностно-психологические и сексуальные ценности в мотивах брака опять стали преобладать. Брак, как и в первобытные времена, опять стал достаточно независим от материальных и сословных факторов (но на другом уровне материального обеспечения). А свободный брак скреп-

ляют уже не формальные механизмы. Сексуальность опять стала приобретать значение одного из связывающих пару механизмов, она опять стала актуальна. И на протяжении последних ста лет общество заметно сексуализировалось. В Европе и в США в семидесятые годы произошла сексуальная революция, в России — в девяностые. Отношение общества к сексу изменилось и не стало столь консервативным и репрессивным. Сексуальность женщин раскрепостилась, что проявляется в эротизации (большая степень обнажённости) их одежды, поведения, в повышении их сексуальной активности. О сексе стало не стыдно разговаривать и обсуждать сексуальные проблемы. Возросли их требования к качеству секса, о чём говорит невероятное количество специальных пособий по технике секса (по типу: «Как удовлетворить женщину»). Женщины не хотят тратить годы жизни, не имея удовлетворяющего их секса. Сексологи отмечают изменение структуры обращаемости за сексологической помощью: вместо мужчин активно решают свои сексуальные проблемы женщины. Не все сексологи даже к этому готовы, и не всегда умеют эффективно работать с сексуальными проблемами женщин [14].

Всё это только подтверждает, что мотивы и цели современного брака возвращаются к изначальным природным механизмам, основанным на личных предпочтениях в выборе партнёра, на важности секса в семейной жизни, на цементирующих свободную семью эмоционально-симбиотических функциях качественного секса.

Про любовь

Возникновение моногамной пары с идентифицированным потомством, сделало актуальным вопрос о взаимной верности. С одной стороны, женщина должна была иметь уверенность, что мужчина будет старательно заботиться о ней и об их общих детях, и не убежит к другой женщине, бросив её одну. С другой стороны, уходя на охоту, мужчина должен был быть уверен, что

потом он не будет выращивать чужих детей. И пока не было формальных регулирующих механизмов, эти ограничения изначально могли быть только внутренними (психологическими). Т. е., изначально должны были возникнуть некие взаимные симпатии и индивидуальные предпочтения в потенциальной паре, их сексуальное желание должно персонифицироваться. Если секс становится моногамным, то возникает вопрос, с кем заниматься сексом приятно и хочется, а с кем нет. Соответственно, лучше это делать, когда есть взаимная симпатия, и когда секс удовлетворяет.

Т. е. переход к моногамным сексуальным отношениям со стабильными парными союзами, потребовал развития у личности психологических способностей к индивидуальному восприятию партнёра и к появлению избирательности в сексе. Интегративная оценка партнёра выражалась в виде соответствующей эмоциональной реакции (позитивной или негативной) на партнёра. Партнёр, отношения и секс с ним, стали оцениваться, восприниматься эмоционально и, в результате, становиться всё более индивидуальными и эмоциональными. Чем более глубокими (интимными) становились отношения, тем эмоциональнее они становились, и наоборот. Сам секс (сексуальное удовольствие, вплоть до оргазма у женщины), стал работать на сближение мужчины и женщины, формируя новый эмоциональный уровень этих отношений. Отношения партнёров начали становиться всё более личностными. Психология человека стала развиваться в сторону способности к индивидуальным эмоциональным привязанностям. Избирательность и индивидуализация партнёрского секса стали формировать понятие «любви», т. е. особого характера отношений между мужчиной и женщиной. Появилась любовная мотивация к взаимоотношениям и к сексу. Фаза любовных отношений обеспечивала начало интимных отношений, приводящих к формированию прочных симбиотических отношений.

Связанные избирательными любовно-эмоциональными отношениями, партнёры создали стабильную моногамную семью в структуре генетически полигамного вида. Именно любовные

чувства позволили сохранять моногамную семью внутри крупного сообщества. Такая стабильная моногамная семья, с наличием любовных отношений, смогла эффективнее заботиться и воспитывать потомство. В результате лучшего выживания таких детей, гены их способных на любовь родителей стали накапливаться в популяции. Кроме того, дети в таких семьях имели наглядный опыт эмоциональных родительских отношений, и они успешно обучались эмоционально-любовным отношениям. Способность к любви у человека стала возрастать.

Чем больше любовь делала секс индивидуализированным и избирательным, тем сильнее становилась взаимная верность. Даже во время отлучек мужчины женщина продолжала его любить, т. е. не вступала в секс с другими мужчинами [21. 24]. И эта верность была обусловлена не формальным долженствованием, женщине просто не хотелось секса с ними, так как у неё уже были глубокие любовно-эмоциональные привязанности к своему мужчине. Феномен любви и любовной верности был выгоден и соответствовал устремлениям как мужчин, так и женщин. Мужчина получал возможность свободно отлучаться для добычи пищи и для других забот о семье. Таким образом, мужская любовь предполагает верность женщины (вера в её верность), и на гарантиях, что её дети именно от него. Для женщины выгода любви в том, что биологическая полигамность мужчины обуздана его любовным чувством и удерживает его рядом с ней, предоставляя его заботу и его ресурсы ей и их общим детям.

Но любовь оказалась выгодна женщинам и в прикладных аспектах их сексуального функционирования. Хотя женщины приобрели парамаскулидную сексуальность, но их сексуальная потребность и возбудимость обычно ниже, чем у мужчин. Т. е., сексуальность женщин нуждается в дополнительных стимулах. Появление феномена любви и возникшая любовная мотивация, стали служить добавочным эмоциональным стимулом для сексуальности женщин. Любовные эмоции компенсировали слабую возбудимость её парамаскулидной сексуальности, и делали её сексуальное желание и возбудимость более высокими.

А у мужчины любовные эмоции к женщине стали подталкивать его к потребности выразить (телесно) эту любовь. В наличии объекта любви хотелось убедиться осязательно, хотелось его почувствовать. Из этого тактильного контакта произросли сексуальные ласки и прелюдия, что усиливало сексуальную возбудимость и реактивность женщины. Сам тактильный контакт уходил корнями в ритуалы груминга. Самки прачеловека некогда получали тактильные ощущения от груминга только в период своей сексуальной рецептивности, в другое время самцы были к ним равнодушны. И тактильные ощущения у самки рефлекторно связывались в одну систему с сексом («заякорились»). Всё это повышало сексуальную возбудимость и удовольствие женщины в сексе, усиливало взаимную эмоциональную связь в паре. Если у мужчин, даже без наличия чувства любви, собственная сексуальность достаточно высока и обеспечивает необходимые половые реакции, то у женщин для сексуального возбуждения добавочные эмоциональные стимулы лишними не будут. Любовь к партнёру эротизирует женщину, служит мощнейшим фактором появления сексуального желания, возбуждения и нарастания её половых реакций, вплоть до оргазма. У многих женщин именно любовь придаёт смысл их сексуальности.

Функция «оценки и выбора» самца — это эволюционно древний и непреложный атрибут женской сексуальности. Обычно это происходит бессознательно. Среди позитивно оцененных мужчин (см. выше), женщина выбирает некий окончательный вариант. Неосознанно принятое решение: «Вот тот мужчина, который ей нужен, вот мужчина её мечты» ощущается женщиной как чувство персонифицированного влечения, влюблённости, любви. Как и у животных, женщина выбирает самого конкурентного мужчину, но набор критериев весьма широк, а значит интегративен (см. выше). В том числе оцениваются не только биологические и статусные признаки, но и личностные (психологические). Без личностного восприятия партнёра окончательного выбора не произойдёт, т. е. любовь не возникнет. На этот окончательный выбор может потребоваться время.

Так как выбирается «победитель», то любовь женщины базируется на чувстве исключительности данного мужчины. Т. е., если женщина привлекла многих и выбрала из них самого лучшего и нужного ей мужчину, что выражается в чувстве любви, то она не может любить другого (менее хорошего) мужчину. Зачем ей это? Но мы знаем, что такие ситуации бывают. Бывает, что женщины искренне могут одновременно (параллельно) любить не только одного мужчину. Именно одновременность её любовных чувств к разным мужчинам (а не замена одной любви следующей), противоречит, казалось бы, указанному механизму выбора по принципу исключительности, противоречит всему вышесказанному о её индивидуализации её выбора.

Но надо вспомнить, что функция выбора у женщин, в отличие от самок животных, очень сложна (см. выше), она может учитывать различные параметры (физические, материальные, статусные, личностные и пр.). Поскольку выбор является многофакторным, то возможны конфликты выбора по разным мужским параметрам. Хорошо, если женщина высоко оценивает мужчину сразу по всем его характеристикам (рост, сила, здоровье, внешность, статус, ресурсы, характер, заботливость, юмор, романтичность, верность, сексуальность и пр.). Тогда её любовное чувство может быть вполне гармоничным и цельным. Но бывает, что какие-то важные потребности женщины не реализованы в одном мужчине. Фрустрированные аспекты своих неосознанных (или осознанных) потребностей женщина может невольно найти в другом мужчине. Да, любимый мужчина по определению исключителен, но исключительность бывает в разных сферах. Кроме того, по ходу жизни приоритеты потребностей и факторов выбора у женщины могут меняться. Что было важно в одном возрасте, становится менее актуально в другом, и наоборот. Например, развившаяся сексуальность у женщины среднего возраста делает для неё актуальным вопрос о качестве половой функции мужчины, в отличие от прежнего преобладания у неё сугубо романтических (даже асексуальных) предпочтений в её молодом возрасте. Т. е., поскольку выбор

у женщин многовариантен, то и её любовь тоже может быть многовариантна. По такой логике, она может любить разных мужчин за их разные качества (за их разные гены). Вот какой неожиданный парадокс выявляется в отношении женской любви. Непредсказуемость женщин в любви известна. И, кстати, отражена в искусстве.

Но если мужчина по всем параметрам интегративно оценен как успешный, то весь потенциал любовных эмоций достанется ему одному. Избирательность её любви выражает стремление женщины получить гены для потомства только от любимого, т. е. самого лучшего, мужчины. Как в расхожей мудрости: «Чтобы понять, любишь ли его, подумай, хочешь ли ты от него ребёнка». Умом оценивать мужчину сложно, и чувство любви отражает результат громадной бессознательной внутренней работы женщины по интегративной оценке качеств мужчины. И не зря любовью так дорожат, ведь она имеет важное биолого-эволюционное значение.

Сексуальные дисфункции и составляющие женской сексуальности

Обе составляющие сексуальности должны быть гармонично реализованы, иначе у женщины возникает сексуальная несостоятельность. Принципиальные различия, определённая разнаправленность и конгруэнтное взаимодополнение женской и мужской сексуальности хороши, когда они имеются у разных полов. Но палеофемининная и парамаскулинная сексуальность у одной женщины не всегда гармонично сочетаются. Порой они могут конкурировать и конфликтовать.

Субъективно палеофемининная сексуальность (секс для репродукции) требует наличия небольшого сексуального либидо, достаточного для того, чтобы иногда (в период овуляции) секс был, наличия половых реакций (лубрикации и пр.), наличия удовольствия от процесса вагинального полового акта, но не подразумевает наличия оргазма. Такой секс всегда рецептивен

(пассивно воспринимающий), и не является процептивным (активно инициативным). Степень выраженности вагинального удовольствия варьирует у женщин достаточно широко и зависит от многих факторов. Палеофемининная сексуальность аналогична сексуальности у самок животных, где оргазм не нужен (не имеет репродуктивной ценности), и даже вреден (может прервать их непрерывную рецептивность фертильного периода).

Палеофемининная сексуальность и её физиологическая основа заложены от природы практически неизменно. Нарушить её крайне сложно. Обычно проблемы с реализацией палеофемининной сексуальности могут быть обусловлены только серьёзными анатомо-физиологическими нарушениями, препятствующими половому акту. А психологические бывают редко. Анатомо-физиологические нарушения — это органические нарушения генито-сегментарной составляющей: врождённые аномалии и приобретённые травмы гениталий, неврологическое нарушения, воспаления и спайки, и пр. Они делают невозможным половой акт, затрудняют его, или делают его болезненным (органический вариант диспареунии). Из психологических причин надо отметить вагинизм, который тоже делает невозможным половой акт. Вагинизм означает неосознанный отказ от полового акта, субъективно он осознаётся как страх перед сношением и боль при попытке введение члена. Но вагинизм — это не массовая проблема женской сексуальности. Более мягким вариантом психологического отказа от коитального секса, будут психогенные варианты диспареунии (боли или дискомфорт при половом акте). Но даже болезненный половой акт может обеспечить зачатие (основную цель палеофемининной сексуальности).

Гораздо чаще встречаются проблемы с парамаскулинной составляющей женской сексуальности. Именно несостоятельность парамаскулинной составляющей создаёт у женщин ряд проблем, которые негативно влияют как на самих женщин, так и на характер партнёрства, и которые обычно приводят женщин к сексологу. Парамаскулинный «секс для секса» держится

на перманентном высоком либидо, на высокой возбудимости, на наличии оргазма, который и подкрепляет высокое либидо и возбудимость. В структуре парамаскулинного секса присутствует и подобная мужской процептивность (активно инициативное поведение, но более слабое, чем у мужчин).

Проблема недостаточно развитой парамаскулинной сексуальности у женщин имеет свои причины. Она менее четко отшлифована филогенетически, так как появилась у женщин в эволюционном плане относительно недавно (когда наш вид стал очеловечиваться). Она не столь сильно детерминирована биологически, её биологические задатки у женщин достаточно слабые. Ведь транссексуализация женского мозга частична, зачатки мужского мозга и его врождённые программы у женщин гораздо слабее, чем у мужчин. Соответственно, для своего достаточного формирования парамаскулинная составляющая у женщин требует значительных усилий в процессе её дальнейшего сексуального онтогенеза, т. е. её психосексуального развития (ПСР). При биологической слабости частичной маскулинизации её мозга, социальные факторы (нормальное ПСР) разовьют данную биологическую предпосылку до достаточного уровня. Но, если к изначальной слабости биологических предпосылок добавиться недостаточное психосексуальное развитие, то компенсации не произойдёт. В результате сексуальность женщины полноценной не будет (естественные проявления парамаскулинной сексуальности не разовьются). Это проявится у женщин через проблемы с сексуальным влечением и оргазмом. Сами эти нарушения носят психогенный характер (нарушения ПСР), но преморбидной патопластической почвой для этих нарушений будет указанная биологическая слабость. А «где тонко, там и рвётся». Об этом же говорит менее выраженная функциональная асимметрия полушарий головного мозга у женщин, т. е. о недостаточно развитой специализации мозговых структур, отвечающих за чёткое сексуальное реагирование по парамаскулинному типу.

В целом, уровень проявлений парамаскулинной сексуальности у женского пола ниже, чем маскулинной сексуальности

у мужчин, хотя на индивидуальном уровне, у конкретных представителей пола, всё может быть иначе. Индивидуальные проявления всегда шире, чем групповые. Низкие проявления парамаскулинной составляющей, т. е. низкое либидо, возбудимость иоргазмичность у женщины, в современных цивилизованных странах расцениваются как недостаток. А высокие показатели парамаскулинной составляющей женской сексуальности (например, высокое либидо или мультиоргастичность), расцениваются позитивно, т. е. женщина считается возбудимой, чувственной и темпераментной.

Биологические аспекты парамаскулинной сексуальности у взрослых женщин (преморбид) изменить не возможно. Но, так как сами нарушения сексуальности обусловлены психологическими факторами и её психосексуальным развитием, то лечение их и возможно, и эффективно. Особенно это характерно для оргазмических дисфункций [14], которые, соответственно, хорошо поддаются терапии. В происхождении многих психогенных вариантов нарушений парамаскулинной составляющей женской сексуальности большое значение имеют дизонтогенетические механизмы (нарушения психосексуального развития [12, 14]).

Кроме мозговых особенностей и особенностей ПСР, в женской сексуальности играют роль и другие факторы. В отличие от влагалища, клитор не связан с функцией репродукции. Клитор — это орган удовольствия, и других функций у него нет. По сути, клитор является аналогом полового члена у мужчин. Как и у мужчин, его формирование опосредуется мужскими половыми гормонами. Даже у взрослой женщины повышение андрогенов может увеличить размеры клитора. Иногда это увеличение может быть весьма значительным. Например, у некоторых транссексуалов (из женщины-в-мужчину), когда для маскулинизации используют большие дозы тестостерона, клитор может иногда увеличиться до уровня «пенисообразного клитора», который размерами и формой больше соответствует половому члену мужчины. Таким образом, клитор и «клиторная сексуальность» прямо связаны с парамаскулинной сексуальностью.

А вагина и «вагинальная сексуальность», имея репродуктивные функции (вместе с другими внутренними половыми органами), связаны с палеофемининной сексуальностью.

Дебаты о клиторном и вагинальном оргазме (основные варианты оргазма) ведутся более ста лет, но они окончательно не разрешены. Хотя У. Мастерс и В. Джонсонс пришли к заключению, что особого вагинального оргазма нет, и любой оргазм клиторный, но не все специалисты с этим согласны. Конечно, есть женщины, которые не отмечают различий в качестве оргазма, не зависимо от того, что было триггером полученного оргазма (клитор или влагалище). Но есть множество женщин, которые чётко дифференцируют произошедший оргазм. Они выделяют клиторный вариант оргазма, который может произойти не только от прямой клиторной стимуляции, но и от косвенной стимуляции во время вагинального полового акта. Но они выделяют и другой вариант оргазма. Он качественно отличается от клиторного оргазма и возникает сугубо от вагинальной стимуляции. Такие различия зависят от взаимовлияний палеофемининных вагинальных и парамаскулинных клиторных реакций удовольствия, от наличия и степени выраженности каждой из них.

Интеграция парамаскулинной и палеофемининной составляющих женской сексуальности выражается в индивидуальном варианте **интегративной сексуальности** женщин. Наличие или отсутствие клиторного оргазма, его наложение на слабое или сильное вагинальное удовольствие, может порождать ряд качественно новых, по ощущениям женщины, феноменов. Возможны следующие интегративные проявления сочетания парамаскулинной и палеофемининной составляющих у женщин.

1. Имеет место слабость парамаскулинной составляющей. У женщин это затрудняет формирование оргазма, т. е. предрасполагает (является фактором риска) к аноргазмии. Соответственно, аноргазмия является частым проявлением слабости парамаскулинной сексуальности. Но, далее становится актуальной степень выраженности палеофемининной составляющей.

1.1. Сочетание указанной низкой парамаскулинной сексуальности с низкой палеофемининной. Поскольку слабость её па-

рамаскулинной сексуальности не позволяет ей получить оргазм, то всё её удовольствие от полового акта будет определяться уровнем её палеофемининного вагинального удовольствия. В данном случае, тоже слабым. Коитальные ощущения могут варьировать от нейтральных до слабых или, в лучшем случае, средних. Такая форма аноргазмии с наличием слабого уровня вагинального удовольствия встречаются часто.

Без оргазма и без яркого вагинального удовольствия (без подкрепления) сексуальность у такой женщины (её либидо, возбудимость и эмоциональные реакции на партнёра) будет постепенно угасать. Изначально слабоприятные вагинальные ощущения в динамике могут стать неприятными и болезненными (защитная диспареуния). Нередко бывает, что женщина мирится с такой ситуацией (бывает, она даже устраивает женщину), постепенно раздражаясь и теряя интерес к сексу. Или она не мирится с ней, а обращается к сексологу и решает проблему с оргазмом. Способность к оргазму можно развить всегда, даже при самой слабой парамаскулинной сексуальности. Сформированный оргазм начинёт преобладать в интегративной сексуальности, подкрепляя и восстанавливая её. Однако, при слабой парамаскулинной сексуальности, он будет происходить не столь часто и не столь быстро, как при сильной парамаскулинной составляющей, и требовать больших усилий для своего достижения (внутренних усилий женщины, усилий её партнёра), он будет больше зависеть от настроений женщины, её биоритмов, от отношений с партнёром, и пр. Но главное, что его наличие делает секс для женщины интересным и не даст ему угаснуть.

1.2. Сочетание указанной низкой парамаскулинной сексуальности с высокой палеофемининой. Хотя оргазма при этом тоже, допустим, нет, но вагинальные ощущения в половом акте могут быть очень сильными и яркими. Даже без оргазма женщина при этом может получать очень сильное удовольствие, что поддерживает её сексуальность. В ряде случаев может даже наступать состояние экстатического транса. Такое экстатическое состояние экстатического наслаждения может быть весьма протяжённым. Оно может длиться довольно долго (до 1,5–2 часов), жен-

щина испытывает невероятно сильное возбуждение и удовольствие. Однако, оргазма при таком состоянии нет, и женщины жалуются на чувство незавершённости. У них не наступает полной разрядки, насыщения, удовлетворения. Такое состояние экстатического транса сродни замиранию (трансу) и «удовольствию от процесса» у самок животных, которое у них не должно прерывать копуляцию оргазмом. Т. е. сексуальное возбуждение у них сохраняется без спада и не блокирует имеющуюся копулятивную активность.

2. У женщины имеется высокая парамаскулиная сексуальность. Это способствует научению оргазмическому навыку в процессе её ПСР, и риск аноргазмии не велик. Но, опять-таки, далее становится актуальной степень выраженности сочетающейся с ней палеофемининной составляющей.

2.1. Сочетание высокой парамаскулиной сексуальности (со способностью к оргазму) с низкой палеофемининной (вагинальной) сексуальностью. Оргазм наступает, но только от клиторной стимуляции, вагинальные воздействия являются слабыми и к большому удовольствию не приводят. Такой оргазм однозначно и чётко оценивается женщиной как клиторный. Даже если клиторная стимуляция сочетается с вагинальным сношением, женщина чувствует, что нужное для достижения оргазма возбуждение она получает исключительно за счёт стимуляции клитора. Если клиторная стимуляция прекращается (например, при переходе к вагинальному сношению), то возбуждение снижается. Возможный уровень вагинального удовольствия при этом может быть нейтральным, слабым, даже средним. Имеется рассогласование (диссоциация) между удовольствием (клиторный оргазм) и вагинальным сексом. Некоторые женщины, имея клиторный оргазм, к вагинальному сексу относятся нейтрально, или считают его неизбежной расплатой за своё клиторное удовольствие. Однако, большинство женщин с подобной сексуальностью всё же испытывают потребность в вагинальных ощущениях, иначе потребность их палеофемининной сексуальности (чувство, что вагина заполнена и задействована) будет фрустрирована. В целом, вариант такой сексуальности (с наличием клиторного оргаз-

ма от партнёра) является вариантом нормы, многие пары адаптированы именно на этом уровне.

В ряде случаев возбудимость клитора столь высока, что для достижения оргазма достаточно относительно небольших воздействий на него. А именно, помимо специальной (прямой) клиторной стимуляции, у такой женщины достаточный для оргазма уровень возбуждения обеспечен путём непрямой (косвенной) стимуляции клитора во время движений члена при вагинальном половом акте (смещение тканей, надавливания, воздействия на ножки клитора, и пр.). Хотя такой оргазм запускается при сношении, но имеет место тот же самый клиторный оргазм, только клитор стимулируется опосредованно. Женщина не чувствует отличий такого оргазма от прямого клиторного, не чувствует, что он вагинальный. Само же вагинальное удовольствие при такой ситуации не велико, не суммируется с клиторным оргазмом и не меняет его восприятие. Данный оргазм уже является коитальным оргазмом (происходит в сношении), но не является вагинальным оргазмом (триггером его является не вагина, а клитор). Такой вариант оргазмической способности по уровню адаптации ещё выше предыдущего, он тоже относится к норме и встречается часто. Психологически такой вариант получения оргазма воспринимается женщиной (парой) как вагинальный, т. е. как полная норма. Но встречаются ситуации, когда женщины отличают такой клиторный оргазм, даже полученный от косвенной стимуляции клитора при сношении, от иного, т. е. именно от вагинального оргазма.

2.2. Присутствует сочетание высокой парамаскулинной сексуальности (способности к оргазму), с высокой палеофемининной (вагинальной) сексуальностью. При этом женщина по качеству переживания чётко разделяет оргазм от клиторной стимуляции, и оргазм от вагинальных воздействий. Но, поскольку чисто вагинальный оргазм в структуре палеофемининной сексуальности природой не предусмотрен, то речь идёт о расширении рефлекторной зоны, о распространении триггерной зоны оргазма с клитора на вагину. Это связано с механизмами научения на коитальном этапе ПСР. Суммация клиторных ощущений с крайне высоким уровнем вагинальных ощущений фор-

мирует общие триггерные механизмы оргазма. Это приводит к существенным изменениям в протекании такого оргазма и к иному уровню восприятия его женщиной. Сама женщина ощущает его как более протяжённый, более удовлетворяющий, дающий более глубокую разрядку, что и должно происходить при суммации двух вариантов удовольствия и возбуждения от двух составляющих женской сексуальности. Аналогична ситуация и с множественным оргазмом (мультиоргастичность). Множественный оргазм говорит о весьма высокой реактивности парамаскулинной (клиторной) и палеофемининной (вагинальной) составляющих женской сексуальности.

Развитие в процессе ПСР различных сексуальных аспектов парамаскулинной составляющей у женщин (перманентное либидо, способность к оргазму) требует больших усилий, чем у мужчин. Соответственно, недочёты и ошибки на этом пути отмечаются у женщин чаще, проявляясь как через снижение либидо и его зависимость от различных тормозящих факторов, так и через оргазмические дисфункции.

Таким образом, различная степень выраженности обеих составляющих сексуальности женщин, их взаимовлияния, своеобразие их проявлений — всё это рождает большую вариабельность проявлений женской сексуальности. Сексологические проявления палеофемининной и парамаскулинной сексуальности различно выражены в характере сексуального влечения, в половых реакциях, в моделях копулятивного поведения, в моделях сексуального удовольствия и подкрепления сексуальности. Они имеют различное неврологическое, гормональное (см. выше), телесно-генитальное обеспечение. Но врождённые сексуальные программы мозга, гормоны, физиология и пр. — это база, это биологические предпосылки. Базируясь на них, сексуальность далее формируется при психосексуальном развитии (онтогенезе) человека. Т. е., у человека биология, задавая вектор развития, не доводит дело до конца, не создаёт завершённой сексуальной поведенческой программы [15, 17, 22]. Человек окончательно формирует сексуальные программы путём социализации и сексуальной практики.

ВЫВОДЫ

Мы считаем, что сексуальность человека не только эволюционно менялась в процессе антропогенеза, она и сама активно влияла на антропогенез. Роль сексуальности, с нашей точки зрения, недостаточно разработана в различных концепциях эволюции человека. Мы постарались высказать свою точку зрения на данные аспекты.

С нашей точки зрения, с сексуальностью у людей произошли большие эволюционные изменения. Это обусловлено: а) необходимостью длительного выращивания и социализации потомства, что потребовало перехода к моногамным сексуальным отношениям, с удержанием мужчины рядом с этим потомством (в семье), но при этом без наличия гена моногамности, б) с переходом к жизни в больших сообществах, что требует снижения уровня агрессивности самцов, и с рядом других причин.

Мы полагаем, что биологические изменения сексуальности полов базировались на частичной (перекрёстной и дополняющей) транссексуализации мозга, что психологически выражалось в феномене андрогинности. У каждого из полов, в определённой степени, активизировались зачатки мозга противоположного пола, каждый пол получил психолого-поведенческие признаки и часть сексуальности противоположного пола. Это изменило характер как внутривидового взаимодействия у людей, так и характер их межполового взаимодействия (саму сексуальность).

У самцов к их эволюционно древней (палеомаскулинной) эгоистично-агрессивно-доминантной модели психики и поведения, транссексуализация мозга добавила эволюционно новую (парафемининную) способность к эмпатично-альтруистично-коллективистскому поведению. Это позволило к вертикаль-

но-интегрированной (иерархической) организации стада добавить горизонтально-интегрированную (коллективистскую) модель организации стада. Это повысило возможности адаптации вида и стало предпосылкой для перехода к жизни в крупных сообществах (племенах).

У самок к их эволюционно древней (палеофемининной) эмпатично-альтруистично-коллективистской модели психики и поведения добавилась эволюционно новая (парамаскулинная) способность к эгоистично-агрессивно-доминантному поведению.

Это усилило их внутриполовую конкуренцию и радикально изменило их сексуальность. К эволюционно древней «палеофемининной» сексуальности женщин добавилась эволюционно новая «парамаскулинная» сексуальность, которой нет у самок животных. В результате каждая из самок приобрела перманентную сексуальность и способность обеспечить персонального самца сексом не хуже целого гарема (как было прежде). В результате, не только доминанты, а практически все самцы включились в процесс репродукции, став успешно заботиться о собственном идентифицированном потомстве. Это изменило и ускорило эволюцию (отбор пошёл не только по фактору силы и агрессивности, но и по уровню ума и способности к сотрудничеству), повысило выживаемость потомства и вида, способствовало социализации вида.

Палеофемининная сексуальность женщин — это базовая составляющая их сексуальности. Она обеспечивает репродуктивные функции сексуальности. В репродуктивных аспектах она сохранила свою цикличность. Однако у людей репродуктивная цикличность максимально замаскирована, чтобы не влиять на эволюционно новые партнёрские и гедонистические функции секса, которые обеспечивает парамаскулинная сексуальность женщин. Репродуктивная цикличность выявляется только в скрытом виде. Для палеофемининной сексуальности характерно: 1) факт наличия мощного сексуального призыва, который привлекает самцов и включает их сексуальную программу (но у женщин вместо обонятельного сигнала призыв стал пре-

имущественно визуальным). 2) высокая избирательность (выбор лучших генов для потомства), 3) низкая возбудимость (чтобы не препятствовать избирательности), 4) нецелесообразность оргазма.

На этих особенностях палеофемининной сексуальности базируются такие её функции, как «привлечение, оценка и выбор» самца. «Функция привлечения» эволюционировала в отношении механизма привлечения. Вместо циклического и непродолжительного обонятельного сигнала женщины перешли к стабильному визуальному, сделав свой сексуальный призыв перманентным. Переход к визуальному призыву обусловлен появлением перманентной парамаскулинной сексуальности. В этом одна из причин отказа от телесного волосяного покрова.

Кроме того, социализация человека и переход к жизни в обществах (племенах) тоже потребовал снижения силы обонятельного телесного сигнала (отказа от телесного оволосения), что снижало взаимную агрессию на запах «чужого». Причём женщины, снизив телесное оволосение в большей степени, чем мужчины, тем более не вызвали обонятельного отвержения и не ассоциировались с запахом «чужого». Это способствовало переходу к экзогамному браку. Далее, эти биологические тенденции к снижению обонятельного сигнала, стали реализовываться уже социальными методами (устранение запаха — чистота и гигиена, маскирование запаха — парфюмерия). Данная концепция не исключает любую другую теорию, объясняющую отказ от телесного оволосения, она с ними сочетается. Но мы считаем, что замена циклического обонятельного сигнала на перманентный визуальный (отказ от телесного оволосения) способствовала переходу к перманентному парамаскулинному сексу, а снижение степени обонятельного отвержения в результате отказа от телесного оволосения было благоприятно для перехода к экзогамной семье и способствовало переходу к жизни в обществах.

«Функции оценки и выбора» тоже существенно изменилась. Она усложнилась и индивидуализировалась. Выбор идет не только по фактору статуса мужчины. Сам принцип «выбрать

чемпиона, победителя» остался прежним, но сфера выбора расширилась. Она включает различные биологические, личностно-психологические и социальные аспекты.

Эволюционно новая парамаскулинная сексуальность женщин имеет не репродуктивные цели (деторождение), а цели максимального сохранения потомства: его длительное выкармливание, выращивание, социализация (воспитание), и пр. И без активного участия самцов это было не решить. Эти цели реализуются через новую парамаскулинную сексуальность женщин, которая позволяет постоянно привлекать и удерживать самцов рядом с самкой и их потомством (семьёй). Парамаскулинная сексуальность — это сексуальность для секса как такового, для удовольствия, для эмоций, для формирования и поддержания эмоционально-симбиотических связей в паре, и пр. При недостаточно развитой парамаскулинной сексуальности (низкое либидо, сексуальная неактивность, слабая возбудимость, отсутствие оргазма) одна только хорошая плодовитость женщины (её хорошая палеофемининная сексуальность) обычно не воспринимается мужчиной как сексуальная норма женщины (хотя диапазон парной нормы очень широк).

Парамаскулинная сексуальность потребовала к функциям «привлечения, оценки и выбора» добавить новые функции женской сексуальности: «удержания мужчины» и «управления мужчиной».

«Функция удержания» использует механизмы а) перманентного сексуального призыва и б) перманентной сексуальности, как у мужчин. Постоянно привлекая мужчину и постоянно обеспечивая его сексом, реализуется функция удержания. Её аспектами являются достаточное стабильное сексуальное влечение у женщин, перманентная способность к реакциям полового возбуждения и способности к сексу. И всё это, чтобы не угаснуть, должно иметь механизмы подкрепления (оргазм).

«Функция управления» мужчиной тоже использует возможности новой перманентной сексуальности (и по привлечению, и по рецептивности) у женщин. Но, помимо возможности использовать секс для управления мужчиной, у женщин опреде-

лѐнным образом эволюционировали характерологические особенности личности. У них сформировался истерический радикал личности (инфантильность, демонстративность, манипулятивность, эгоцентризм, нарциссизм, и пр.). Эти особенности женской психики помогают им управлять мужчинами, и являются эволюционным достижением женщин.

Переход к модели моногамных сексуальных отношений, переход к сложной многофакторной оценке мужчины в процессе выбора, индивидуализация сексуального поведения, повышение роли сексуальности в отношениях и нарастание роли эмоционально-личностных факторов в отношениях людей, привели к формированию сначала биологических предпосылок для избирательного (любовного) секса. А затем к формированию феномена любви в его социо-культуральных и личностно-психологических аспектах.

Моногамная модель брака у генетически полигамного вида позволяет отойти от конкуренции за единый гарем, обеспечивает переход к жизни в крупных сообществах, способствует территориальной экспансии вида.

Эмоциональность и симбиотичность связей в паре очень значима для долгого выкармливания и воспитания (социализации) беспомощных (относительно недоношенных) детей.

Палеофемининная и парамаскулинная составляющие сексуальности у женщин по-разному формируются, по-разному регулируются (неврологически, гормонально, телесно), по-разному сочетаются, и по-разному проявляются, формируя интегративный вариант их сексуальности. Это находит своё отражение и в клинике сексуальных дисфункций у женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агарков С. Т.* Сексуальность. От инстинктов к чувствам: психогенез сексуальности / С. Т. Агарков. — М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2013. — 756 с.
2. *Алексеев Б. Е.* Полоролевое поведение и его акцентуации / Б. Е. Алексеев. — СПб.: Речь, 2006. — 144 с.
3. *Алексеева Л. В.* Полицикличность размножения у приматов и антропогенез / Л. В. Алексеева. — М.: Наука, 1997. — 195 с.
4. *Банкрофт Дж.* Половое влечение / Дж. Банкрофт // Пол, секс, человек: пер. с франц. под ред. С. Г. Васецкого. — М.: Мир, 1993. — С. 58–66.
5. *Берн Э.* Секс в человеческой любви / Э. Берн. — М.: Московский кадровый центр, 1990. — 113 с.
6. *Геодакян В. А.* Конвергентная эволюция фенотипа, асимметрии и сексуальности к культуре. Сообщение № 1 / В. А. Геодакян // Сексология и сексопатология. — 2003. — № 6. — С. 2–8; Сообщение № 2 // Сексология и сексопатология. — 2003. — № 7. — С. 2–6.
7. *Годелье М.* Секс, родство и власть / М. Годелье // Пол, секс, человек: пер. с франц. под ред. С. Г. Васецкого. — М.: Мир, 1993. — С. 116–127.
8. *Дежур К.* Человеческая сексуальность и загадка её смысла / К. Дежур // Пол, секс, человек: пер. с франц. С. Г. Васецкого. — М.: Мир, 1993. — С. 8–9.
9. *Доморацкий В. А.* Сексуальные расстройства и методы их лечения у мужчин: учебное пособие / В. А. Доморацкий. — Минск: БГУ, 2002. — 192 с.
10. *Екимов М. В.* Эрогенные зоны как аспект психосексуального развития // Ж-л: Сексология и сексопатология. — 2003. — № 4. — С. 6–8.

11. *Екимов М. В.* Эволюционно-биологические детерминанты истеро-демонстративных особенностей личности женщин // *X клинические Павловские чтения «Истерические расстройства: патоморфоз, дифференциальная диагностика, психотерапия»: сб. работ.* — СПб., 2006. — С. 61–67.
12. *Екимов М. В.* Оргазмические дисфункции у женщин. — СПб.: Издательский дом СПбМАПО, 2011. — 302 с.
13. *Екимов М. В.* Эволюционно-биологические аспекты сексуальности: учебное пособие. — СПб.: Изд-во СПбМАПО, 2011. — 34 с.
14. *Имелинский К.* Сексология и сексопатология / К. Имелинский; пер. с польск. — М.: Медицина, 1986. — 424 с.
15. *Искрин В.* Диалектика полов / В. Искрин. — СПб.: Б&К, 2001. — 207 с.
16. *Кон И. С.* Введение в сексологию / И. С. Кон. — М.: Медицина, 1988. — 320 с.
17. *Ланге А.* Человек — результат полового процесса / А. Ланге, Б. Пеллегрини, Э. Полони // *Пол, секс, человек: пер. с франц. под ред. С. Г. Васецкого.* — М.: Мир, 1993. — С. 10–20.
18. *Лоуэн А.* Любовь и оргазм / А. Лоуэн. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 1997. — 408 с.
19. *Мастерс У.* Мастерс и Джонсон о любви и сексе: в 2 т. / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодны; пер. с англ. под ред. Е. З. Лозинского. — СПб.: СП «РЕТУР», 1991. — Т. I. — 264 с.; т. II. — 296 с.
20. *Моррис Д.* Голая обезьяна / Д. Моррис; пер. с англ. В. Кузнецова. — СПб.: Амфора, 2001. — 269 с.
21. *Общая сексопатология: руководство для врачей / под ред. Г. С. Васильченко.* — М.: Медицина, 1977. — 488 с.
22. *Райх В.* Функция оргазма / В. Райх. — СПб. — М.: Университетская книга; АСТ, 1997. — 304 с.
23. *Ранкур-Лаферрьер Д.* Человеческая сексуальность в свете эволюционного психоанализа / Д. Ранкур-Лаферрьер // *Архетип.* — 1996. — № 1. — С. 45–48.
24. *Стoddарт М.* Химия любви / М. Стоддарт // *Пол, секс, человек: пер. с франц. под ред. С. Г. Васецкого.* — М.: Мир, 1993. — С. 67–75.

25. *Ткаченко А. А.* Сексуальные извращения — парафилии / А. А. Ткаченко. — М.: Триада-Х, 1999. — 461 с.
26. *Уилсон Г. Д.* Психология сексуального возбуждения у мужчины / Г. Д. Уилсон // Импотенция: интегрированный подход к клинической практике / под ред. А. Грегуара, Дж. П. Прайора. — М.: Медицина, 2000. — С. 24–37.
27. Факультет человека (Обзор журналов NewScientist) // Ломоносов. — 2003. — № 3 (9). — С. 55–67.
28. *Щеглов Л. М.* Основы сексологии: монография. — СПб.: изд-ль Грошев А. М., 2010. — 336 с.
29. *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека / Ф. Энгельс. — М.: Изд-во политической литературы, 1969. — 18 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Часть I. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕКСУАЛЬНОСТИ	6
Биологические программы и их социализация	6
Концепция Геодакяна	7
Моноцикличность и полицикличность размножения	29
Сексуальность у самцов животных	35
Сексуальность у самок животных, её функции: а) «привлечение», б) «оценка и выбор» самца	44
Часть II. ЭВОЛЮЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ	59
Маскулинность и фемининность.	59
Концепция частичной (дополняющей) транссексуализации полов (андрогинности полов)	65
Новые межполовые и внутривидовые отношения	75
От самцов к мужчинам	82
От самок к женщинам	96
Составляющие женской сексуальности и гормоны	106
Эволюция функции «привлечения» у женщин: телесные аспекты	110
Эволюция функции «привлечения» у женщин: поведенческие аспекты	123
Эволюция функций «оценки и выбора» у женщин	127
Функция «удержания» мужчины	136
Функция «управления» мужчиной: роль секса	142
Функция «управления» мужчиной: роль особенностей личности у женщин	147
Переход к моногамности	151
О браке	166

Про любовь	169
Сексуальные дисфункции и составляющие женской сексуальности	174
ВЫВОДЫ	182
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	187

М. В. Екимов, В.М. Гьерде

ЖЕНСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ И АНТРОПОГЕНЕЗ

Руководство для врачей

Подписано в печать 28.02.2014 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная

Гарнитура NewtonС. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12.

Тираж 1000 экз. Заказ № 184.

Цена договорная.

Издательство ООО «Издательский дом СПбМАПО»
191014, Санкт-Петербург, Саперный пер., д. 7, литера А

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, д. 12